

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 2 · № 3 · МАЙ – ИЮНЬ · 2004

Содержание

- Всемирный строительный бум *Фёдор Лукьянов* 5
- In memoriam**
- Интеграция в свободу *Александр Бовин* 8
Многополюсный мир не должен быть миром антиамериканским (равно как антикитайским, антироссийским или анти-любым другим). В противном случае он станет прелюдией к большой войне, по сравнению с которой конфликты XX века покажутся играми расшалившихся детей.
- Комментарии**
- Апология Вестфальской системы *Валерий Зорькин* 18
Вестфальскую политическую систему атакуют давно, но по-настоящему серьезная угроза нависла над ней в начале XXI века, и особенно после событий 11 сентября 2001 года. Это значит, что под сомнение поставлены сами основы конституционного устройства суверенных государств.
- Внешнеполитическая вертикаль *Константин Косачев* 25
У России появилась уникальная возможность для того, чтобы от практики реагирования на международные события перейти к политике их инициирования. Но, чтобы воспользоваться этой возможностью, необходимо отладить единый внешнеполитический механизм.
- Невыносимая легкость реформ *Константин Сонин* 34
Высокие цены на сырье дают государствам-экспортерам нефти шанс для осуществления реформ, однако правительства, как правило, его не используют. Более того, благоприятная конъюнктура парализует волю к осуществлению назревших преобразований.
- Америка на марше**
- Новая карта Пентагона *Томас Барнет* 42
Проанализировав географию американских интервенций за последнее десятилетие, легко вывести основное правило безопасности. Вероятность того, что какая-либо страна спровоцирует США на военное вторжение, обратно пропорциональна ее вовлеченности в процессы глобализации.

Внешняя политика для президента-демократа 59
Самьюэл Бергер

Предпочитая односторонние действия сотрудничеству, превентивные удары — упреждающим мерам, а огневую мощь — силе сдержанности, администрация Буша оттолкнула от себя своих естественных союзников и отвернулась от многих наиболее насущных мировых проблем. Чтобы успешно бороться с распространением смертоносного оружия и победить в войне с терроризмом, необходимо восстановить авторитет Соединенных Штатов во всем мире. Для этого будущий президент-демократ должен осознать очевидное: средства не менее важны, чем цели.

«Упрямец» Буш и «заговор Голливуда» *Роберт Ричи* 79

Линия президента Буша, прежде всего в Ираке, стала для многих американцев олицетворением предельной неуступчивости и упрямства. В результате выборы-2004 являются, наверное, самыми политизированными за последние сто лет истории США.

Стройка века

Строительство государств: пособие для начинающих 84
Фрэнсис Фукуяма

Национально-государственное строительство — предприятие не из легких. Оно требует длительных и серьезных затрат энергии и ресурсов, а кроме того, уносит человеческие жизни. Поэтому, если мы не готовы платить по самым высоким ставкам, такое дело не стоит и затевать.

Принуждение к демократии: есть ли пределы? 98
Александр Аксёнок

Пример Ирака показывает: односторонние действия по форсированной насильственной демократизации чреваты новыми потрясениями. Переход от одной общественной формации к другой, более адаптированной к требованиям глобализации, и так слишком болезнен, чтобы дополнительно усложнять процесс, искусственно подстегивая его.

Иракский кризис и перспективы урегулирования 112

Вашингтон, безусловно, не пойдет на полную замену оккупационных сил в Ираке миротворческими соединениями ООН. Однако поворот в сторону этой организации расширяет свободу маневра администрации Буша. Так считают участники ситуационного анализа, прошедшего под руководством академика **Евгения Примакова**.

США и ООН — смешивать не рекомендуется *Сверкер Острём* 124

Вопрос о том, кто должен нести ответственность за благоустройство Ближнего Востока — США или ООН, — встает не впервые. Почти полвека назад разногласия по этому вопросу поссорили самого знаменитого генсека ООН и главу МИДа его собственной страны.

Жизнь после талибов

Афганистан «освобожденный» *Кэти Гэннон* 130

Спустя два с половиной года после падения режима талибов Афганистан вновь погружается в кровавый хаос. Хотя руководитель страны Хамид Карзай наделен значительными полномочиями, в действительности он слаб. Пышным цветом расцветает наркоторговля, талибы вновь проникают в страну, а реальная власть принадлежит местным полевым командирам. Вместо того чтобы разоружать военные формирования, Вашингтон использует их для охоты за оставшимися на свободе членами «Аль-Каиды» и движения «Талибан». Расплачиваться за все приходится простым афганцам.

- Афганистан «арендованный» *Аркадий Дубнов* 143
 Не умаляя значимости победы Вашингтона над талибами осенью 2001 года, стоит отметить: они были не разгромлены, а просто ушли из Кабула. Точно так же, как пятью годами раньше под напором «исламских студентов» столицу покинули подразделения моджахедов во главе с Ахмад Шахом Масудом. В результате и те, и другие сохранили свой боевой потенциал.

Европа на перепутье

- Переходный возраст демократии *Мариу Соариси* 154
 Сегодня нередко можно услышать, что в период глубоких преобразований экономики и общества необходима «твердая рука», авторитарная власть, способная осуществить реформы. Опыт Португалии свидетельствует об обратном. Диктатуры, какие бы формы они ни принимали, не бывают лучше и эффективнее демократического строя.
- Строительство политической Европы *Доминик Стросс-Кан* 162
 Понятие человеческого достоинства нигде не приобрело столь всеобъемлющего характера, как в Европе. Поэтому европейскую модель, которая пребывает сегодня в состоянии кризиса, необходимо защитить от угрозы исчезновения.
- Между Марсом и Венерой *Ласло Лендьел* 166
 Путинская версия голлизма, движимая государственными соображениями, опирается на холодный расчет. В отличие от Бориса Ельцина Владимир Путин — не один из олигархов, не боярин, не отец «семьи». Но он и не мечтатель распадающегося государства, каким был Михаил Горбачёв. Путин — человек империи.
- Балтийская «лаборатория» Большой Европы *Игорь Юргенс* 178
 Прогресс в отношениях между Россией и Европейским союзом позволяет по-новому взглянуть на перспективы Балтийского региона. Эта часть Старого Света способна стать настоящим испытательным стендом, на котором отрабатываются модели эффективного сотрудничества
- Евроатлантическая Болгария: с Россией или без? 186
 Россия всегда считала, что Болгария многим ей обязана, и поэтому курс Софии на сближение с Западом Москва восприняла с обидой. Как сложатся отношения России с Болгарией — членом НАТО и ЕС? Это обсуждали участники «круглого стола», проведенного журналом «Россия в глобальной политике».

Рецензии

- Французские переживания эпохи перемен *Юрий Рубинский* 192
- Неочевидная правда *Владислав Иноземцев* 198
- Летопись экономической мысли *Ксения Юдаева* 205
- Учение Лао Цзы для лидеров политики и бизнеса *Евгений Верлин* 210
- Великая Сербия и «мировая закулиса» *Павел Кандель* 212

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Азрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «НИКойл»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 292-2318
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № _____
Общий тираж 7 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)
ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)
ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)
ЗВЕРЕВ С.А.
ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*
КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.
КОКОШИН А.А.
КОЛЬ Гельмут
(Германия)
КОМИССАР М.В.
КОПЬЕВ В.В.
КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)
ЛИВШИЦ А.Я.
ЛУКИН В.П.
ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор
МАУ В.А.
МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)
НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.
ПОЗNER В.В.
ПРИМАКОВ Е.М.
ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)
РЫЖКОВ В.А.
ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)
ТОРКУНОВ А.В.
УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)
ХАКАМАДА И.М.
ХОУГ Джеймс (США)
ШМЕЛЁВ Н.П.
ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)
ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.
ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Верстка
Наталья Заблоцките

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Редактор
Ринат Якубов

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Интернет-редактор
Павел Житнюк
portal@rosbalt.ru

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинная

Распространение
Владимир Астафьев
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Ксения Михайлова

Реклама
Елена Чибина
тел.: (095) 937-7611
ad@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов
Анвар Галеев

Автор макета
Константин Радченко

Всемирный строительный бум

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Если попытаться определить лейт-мотив дискуссий нынешнего мирового политического сезона, то таковым, скорее всего, окажется тема воссоздания или строительства государств. Тех, что были разрушены в результате вмешательства извне либо не могут функционировать самостоятельно. Развитой мир, прежде всего Соединенные Штаты, научился легко расправляться с режимами, несущими угрозу безопасности. Но что дальше делать с «освобожденными» территориями? И как помочь странам, власти которых в силу разных причин утратили способность осуществлять функции государственного управления?

Ситуация в мире дает в последние месяцы немало поводов для того, чтобы задуматься на эту болезненную тему. Конечно, главный проект в сфере национально-государственного строительства — это Ирак. Не только из-за масштабов «подряда», но и потому, что исход «строительных работ» в этой стране предопределяет результат аналогичных усилий в любом другом месте.

Особыми успехами на «ударных стройках» мировое сообщество похвастаться пока не может. Афганистан готовится к выборам президента, но центральная власть, опирающаяся на силы воинского контингента НАТО, контролирует разве что отдельные островки территории за пределами столицы страны — Кабула. Недавние сербские погромы в Косово напомнили всем, что проблема, приведшая край к трагедии в конце 1990-х годов, все так же далека от решения. С Гаити под свист и улюлюкание сограждан бежал демократически избранный президент Жан-Бертран Аристид. (А ведь десять лет назад свержение при помощи американских войск военной хунты в Порт-о-Пренсе и возвращение Аристида к власти считались образцом того, как надо восстанавливать демократию.) Даже совместного давления со стороны ООН, США и Европейского союза оказалось недостаточно, чтобы убедить жителей разделенного Кипра воссоздать общее государство. Наконец, собственная «стройплощадка» поя-

вилась и у нового президента Грузии Михаила Саакашвили, который пытается собрать страну из кусков, оставшихся ему в наследство от прежнего руководства.

Национально-государственное строительство — главная тема этого номера. Об особой ответственности Соединенных Штатов за мир и стабильность в ключевых регионах планеты пишут американский военный аналитик **Томас Барнет** (его книга «Новая карта Пентагона», в которой обосновывается необходимость для Америки вести новые войны, надедала много шума) и **Самьюэл Бергер**, бывший помощник президента США по национальной безопасности. **Фрэнсис Фукуяма**, один из самых знаменитых ученых-международников, подробно анализирует ошибки, допущенные администрацией Буша в процессе послевоенного обустройства Ирака. Российский взгляд на ситуацию представляют **Александр Аксёнок**, опытный дипломат, много лет проработавший на Ближнем Востоке, а также участники ситуационного анализа, проведенного под руководством академика **Евгения Примакова**.

О том, что происходит в Афганистане спустя тридцать месяцев после отстранения от власти талибов, спорят два журналиста, **Кэти Гэннон** и **Аркадий Дубнов**, которые в течение многих лет освещают события в этой стране.

Юридические основы существования современных государств подробно анализирует председатель Конституционного суда России **Валерий Зорькин**, настаивающий на неизблемости принципов государственного суверенитета. Наконец, к строительству государства нового типа — Большой Европы, спаянной общей армией и единым налогом, призывает легенда европейской политики, экс-президент Португалии **Мариу Соариш** и бывший министр финансов Франции **Доминик Стросс-Кан**.

Особое место в этом номере занимает статья **Александра Бовина** — его последняя прижизненная работа. Призыв Александра Евгеньевича «интегрироваться в свободу», которая представляет собой цель развития всей мировой системы, стал политическим завещанием классика отечественной международной журналистики.

In memoriam

“ Ведущие тенденции развития современной системы международных отношений показывают, что движение к свободе в «западном», либерально-демократическом смысле продолжается. И темпы выздоровления России, ее роль в мировой истории будут зависеть от того, насколько полно она сможет интегрироваться в эту свободу ”

Интеграция в свободу Александр Бовин

Интеграция в свободу

Александр Бовин

В каком мире нам суждено жить и какую роль будет играть Россия в международной политике? Наше будущее зависит прежде всего от нас самих, от нашей способности осмыслить собственную историю и освоить новое историческое пространство. Однако в том, что касается эволюции системы международных отношений, перестройки мирового порядка, определяющую роль играет не Россия и даже не Америка. Ведь общее направление изменений в мировой политике и экономике формируется под воздействием сложнейшего переплетения и столкновения различных и разнонаправленных интересов. В этом смысле мы сталкиваемся с историческими тенденциями объективного характера, пробивающими себе дорогу сквозь уйму случайных отклонений.

На первое место среди этих тенденций я бы поставил процессы, объединенные понятием «глобализация». Оставим в стороне суждения нео-, пост- и супермарксистов, трактующих глобализацию как целенаправленную и непременно злокозненную политику «золотого миллиарда», и в первую очередь США. Попробуем не выходить за пределы здравого смысла.

Понятие «глобализация» связано прежде всего с глобальными проблемами современности, решение которых требует совместных усилий если не всего человечества, то значительной его части. В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века приоритетными считались такие задачи, как прекращение гонки вооружений и ядерное разоружение. Далее следовали проблемы, вызванные демографической и экологической ситуаци-

А.Е. Бовин – журналист-международник, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Когда номер готовился к печати, пришло скорбное известие о скоропостижной кончине автора. Эту публикацию редакция посвящает памяти человека, вклад которого в российскую международную журналистику и аналитику невозможно переоценить.

ей, нарастающими дисбалансами в топливно-энергетической, транспортной, продовольственной и других областях жизни общества.

За прошедшие десятилетия в этих сферах в принципе мало что изменилось. Окончание холодной войны, заключение нескольких фундаментальных соглашений о ядерных вооружениях, очевидно, притупили остроту разоруженческой проблематики.

А на глобальный уровень вышли опасности и риски другого типа, связанные с пугающим и чуть ли не безнадежным разломом мира на процветающее, прогрессирующее меньшинство (государства, по традиции обозначаемые как Север) и застывшее в сонной апатии большинство (опять же по традиции именуемое Югом). И не случайно международный терроризм активизировался вдоль линии разлома — безнадежность конвертируется в отчаяние.

Более тревожными стали и кризисные явления по линии взаимодействия биосферы и техносферы, так называемых первой и второй природы.

Еще одна группа проблем, к которой также применимо слово «глобализация», возникла в результате нарастающего взаимодействия субъектов международного общения, то есть как следствие интернационализации, преодолевающей национальные границы и пронизывающей политику, экономику, культуру всех народов и стран. Происходит «усреднение» образов жизни. Люди в

разных государствах пользуются одними и теми же техническими устройствами, смотрят одни и те же фильмы, слушают одну и ту же музыку. В общем, впитывают одни и те же ароматы времени. Этот процесс, формирующий единую историю единого человечества, начался задолго до XX века и вряд ли завершится в веке нынешнем. Он неизбежен и неотвратим.

Неизбежна и острая борьба внутри сферы, охваченной процессами глобализации. Глобализация, понимаемая как интернационализация жизни, движется вперед, преодолевая существующие противоречия и порождая новые, ломая сопротивление одних социальных групп и выводя их на смену другие. Плоды глобализации, связанные с ней плюсы и минусы «усреднения» распределяются неравномерно. Бедным и слабым, как всегда, не везет. Будучи обществом, ушедшим вперед, Америка получает от глобализации больше, чем, допустим, Россия или Восточный Тимор. Традиционные культуры, уходящие корнями в седую древность, оттесняются и вытесняются всякого рода агрессивными субкультурами, опирающимися на материальные возможности авангарда глобализации.

Протест порождает антиглобализм. В конечном счете он обречен, как в свое время были обречены луддиты. Но если не иметь в виду крайние экстремистские формы, протест полезен. Он помогает высветить неприемлемые

крайности глобализации, нащупать пути и методы сохранения разнообразия в единстве, способствует усилению внимания к поискам альтернатив, качественно иной цивилизации.

Итак, глобализация в обеих своих ипостасях (и как поиск глобальных решений глобальных проблем, и как интернационализация жизни мирового социума) — объективная историческая данность. Ее невозможно «объехать», нельзя заговорить антиглобалистскими речами. Глобализацию нужно понять, и в нее необходимо включиться.

На втором месте среди ведущих тенденций мирового развития — дрейф системы международных отношений в сторону *многополюсности*, то есть постепенное и неравномерное вызревание новых «полюсов» (центров силы) за пределами «великолепной восьмерки».

По модулю «полярности» можно выделить три класса систем международных отношений: однополюсную, двухполюсную и *n*-полюсную. В первой доминирует один центр силы. Бывает такое не так уж часто. Вспоминается Древний Рим, а дальше — долгая пауза. И в начале XXI века — Соединенные Штаты Америки. Однополюсный мир достаточно удобен (особенно для того, кто и есть «полюс»). Нападение на этот самый «полюс» исключено почти по определению. Решающее превосходство центра силы позволяет поддерживать дисциплину и равновесие. И наводить порядок там, где он нарушается.

Но часто случается так, что порядок, дисциплина и равновесие на политической поверхности скрывают зреющие под ней разброд и недовольство. В критических ситуациях возможен бунт, хоть и на коленях. Поэтому гегемон вынужден изнурять себя повышенной и постоянной бдительностью.

Двухполюсный мир, как помнят многие из нас, тревожнее. Теоретически мирное сосуществование СССР и США не исключало возможность истребительной войны между ними. Чтобы не допустить ее на практике, потребовалось ракетно-ядерное равновесие и согласие «полюсов»-соперников на принцип взаимного гарантированного уничтожения. Двухполюсный мир характеризуется жесткой блоковой дисциплиной интересов и идеологий. В период холодной войны блоки, конфронтационные центры готовились к войне большой, настоящей. Но они и предотвращали ее, выталкивая локальные военные конфликты на периферию ойкумены.

Главная опасность соперничества обоих центров силы — постоянная гонка вооружений. Пользуясь своим техническим и экономическим превосходством, американцы шли впереди и держали «социалистический» противополож в режиме постоянной необходимости догонять. Сохранение ракетно-ядерного равновесия далось нам только ценой полной разбалансировки народного хозяйства. Ноша,

которую мы на себя взвалили, оказалась неподъемной...

Все прелести двухполюсного, а теперь уже и однополюсного мира мы смогли попробовать на зуб. А мир многополюсный существует для нынешнего поколения лишь в книгах по истории дипломатии.

Мировое сообщество, опирающееся на взаимодействие нескольких центров силы, несравненно сложнее и потенциально опаснее, чем мир, держащий равнение на один или два центра. Не случайно обе мировые войны разразились вследствие нарушения именно многомерного баланса, призванного удерживать великие державы тех лет от резких движений. Логика тут простая: чем больше независимых элементов образуют систему, тем труднее установить и поддерживать равновесие между ними. Процветающий *Pax Americana* или привычная конфронтация двух сверхдержав обойдутся человечеству дешевле, чем постоянное выяснение отношений между новыми актерами мировой сцены.

Возможно, это и так. Однако выбора-то у нас как раз и нет. Ведь новые центры силы формируются, возникают и утверждаются на международной арене не в результате реализации планов, замыслов, воли тех или иных исторических деятелей, а в результате глобализации, вызывающей стихийные сдвиги в мировой расстановке сил.

Контурсы надвигающегося многомерного мира уже намечены. Первая

очередь претендентов на мировое лидерство дышит Америке в затылок: Китай, Западная Европа, Япония. Подалее, но все же видны Индия, Бразилия, Индонезия. Пока еще лишь маячат у линии горизонта расплывчатые очертания возможных конгломератов арабских, африканских, ибероамериканских стран. О России – разговор особый и отдельный.

Многополюсное устройство неизбежно отразится на характере глобализационных процессов. Наличие центров силы, каждый из которых вместе со своим ближайшим окружением будет нести на себе отпечаток той или иной самобытной цивилизации, создаст благоприятные условия для сохранения мировой полифонии культур. Формирование и отработка механизмов регулирования отношений между центрами силы, внедрение в эти отношения «принципов мирного сосуществования» позволят свести к нулю вероятность столкновения цивилизаций, которым пугал нас Самьюэл Хантингтон.

По мере движения к многополюсности удельный вес США в мировой экономике и политике будет снижаться, а однополюсный мир – постепенно растворяться в иной структуре международных отношений. Зависимость мира от США съживается. Такой процесс – это еще одна ведущая тенденция мирового развития, но проходить он будет неравномерно и займет, возможно, полтора-два десятилетия.

Полезно напомнить, что превращение Соединенных Штатов в единственную сверхдержаву было обусловлено совпадением нескольких случайных обстоятельств. Это, с одной стороны, удаленность Америки от центра мировых бурь и потрясений, а с другой – неожиданная самоликвидация второго полюса международной жизни после самоуничтожения Советского Союза.

Политическая элита США оказалась на высоте: она постаралась выжать из возникшей ситуации максимальную пользу для Америки. Возможно, даже перестаралась. Ведь за океаном «державников» ничуть не меньше, чем у нас. И хотя американским «державникам» помогали «державники» российские, задача укрепить систему международных отношений как систему американоцентричную так и не была (если иметь в виду официальный уровень) поставлена достаточно четко.

Присущий американцам здравый смысл сдерживал столь же свойственную им самонадеянность силы. Даже в таком подчеркнуто «державном» документе, как Концепция национальной безопасности, опубликованном 20 сентября 2002 года, заявлено: «Мы... руководствуемся убежденностью в том, что ни одна страна не может построить более безопасный, лучший мир, действуя в одиночку. Альянсы и многосторонние институты могут умножить силу свободолобивых стран. Соединенные

Штаты привержены таким надежным, устойчивым институтам, как ООН, Всемирная торговая организация, Организация американских государств и НАТО, а также другим давно существующим альянсам. Коалиции единомышленников могут дополнять эти постоянные институты».

Все правильно. Ведь, строго говоря, однополюсного мира в буквальном смысле не было и нет. Америке всегда приходилось оглядываться по сторонам, с течением времени – все больше и больше. Зависимость США от остального мира возрастает и в наши дни. Умные люди в Вашингтоне понимают это. А неумные, надеюсь, будут уметь.

Верю, что поумнеют и политики в Москве. Все они, естественно, против однополюсного мира. Но далеко не все, рассуждая о мире многополюсном, способны отказаться от привычного антиамериканского угла зрения и отнести к Вашингтону не как к глобальному сопернику, а как к глобальному партнеру. Отсюда и политическая комбинаторика, выкраивание из «остального мира» фигур антиамериканской направленности. К примеру, знаменитый треугольник Москва – Пекин – Дели. Боюсь, эта идея напугала китайцев и индийцев едва ли не больше, чем американцев. А иракский кризис повел «многополюсную» мысль европейскими коридорами. Греша политическим наивом, Москва выдвигала против американцев тройственное франко-гер-

мано-российское взаимодействие. Те даже не оглянулись...

Многополюсный мир не должен быть миром антиамериканским (равно как антикитайским, антироссийским или анти-любым другим). В противном случае он станет прелюдией к мировой войне, по сравнению с которой войны XX века покажутся играми расшалившихся детей.

Усложнение всей сети общественных отношений, возросшая вероятность катастрофических последствий стихийного развития событий, находящегося за пределами социально-политического контроля, вызывают множасьщиеся попытки сознательно регулировать, направлять ход международной жизни. После Первой мировой войны родилась Лига Наций. Ее незавидная судьба отразила судьбу человечества, делавшего робкие попытки подняться над разрушительной силой истории.

После Второй мировой эти попытки стали более интенсивными и эффективными. Опыт регулирования внутренних проблем государств упорно переносился на мировую арену. Отдельные решения постепенно формировали важное направление перемен в международных делах. Вокруг ООН создавалось плотное облако институтов, органов и организаций, имевших отношение практически ко всем сторонам общественной жизни. До выработки «сознательного направления», до появления «на выходе» практически реализуемых решений

было очень далеко. Однако накапливался опыт квалифицированного наблюдения, анализа, изучения социальной действительности, выработки рекомендаций, предлагавших оптимальные для тех или иных условий стратегии. Множилось число специалистов, знавших положение дел в разных странах и регионах и умевших сопоставлять несравнимые, казалось бы, явления и процессы. Экономика формально шла в ногу с политикой, но, по существу, опережала ее. Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд уже с конца 1940-х становятся заметными факторами мирового хозяйства.

Холодная война, ставшая буднями послевоенного мира, конфронтация двух мировых идеологий, ориентация обеих систем на игру с нулевой суммой изначально подрывали любую попытку единого подхода к формированию общего экономического и политического климата в глобальном масштабе. На таком фоне Восток вообще считал разговоры о мировом правительстве пустой тратой времени и уходил в глухую интеллектуальную изоляцию. Запад предпочел бы вовсе избавиться от Востока, а пока стремился дополнить его интеллектуальную самоизоляцию изоляцией политической и экономической.

Официальные международные организации для этого не годились. Началась самодеятельность. В 1954 году в Голландии прошло первое су-

губо закрытое совещание высокопоставленных (но не значившихся на государственной службе) деятелей из США и Западной Европы. Повестка дня была вполне глобальна: приспособление капитализма к новым историческим условиям — в частности, защита Европы от коммунизма. Выработка рекомендаций правительствам. По месту проведения заседаний (отель «Бидельсберг») эти встречи получили наименование «Бидельсбергский клуб».

Потребовалось два десятилетия, чтобы дополнить эту неформальную трансатлантическую ассамблею. В 1973-м по инициативе Дэвида Рокфеллера создается Трёхсторонняя комиссия, объединяющая представителей деловых и политических кругов США, Западной Европы и Японии. Задачи остались прежние: разработка мировой стратегии стабилизации капитализма, противостояние напору коммунизма.

Параллельно проходило объединение и академической элиты, пытавшейся сформулировать глобальные проблемы и найти способы их решения. Дискуссии в рамках заседаний Римского клуба, созданного в 1968 году, отличались меньшим антикоммунистическим накалом и более внимательным отношением к самым актуальным вопросам современности. Знаменитые доклады Римского клуба, посвященные диагностике болезни цивилизации и методам их лечения, стали на долгие годы мировы-

ми бестселлерами. Боюсь, правда, что они пользовались успехом в научных библиотеках, а не в правительственных учреждениях.

После арабо-израильской войны 1973-го резко взлетели цены на нефть, и «инфаркт экономики», пережитый капитализмом, заставил лидеров ведущих государств Запада срочно создать механизм регулярных контактов. Приходилось действовать по принципу: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

«Мир несчастен, — говорил в 1974 году президент Франции Жискар д'Эстен. — Он несчастен потому, что не знает, куда идет. А если бы знал, то обнаружил бы, что идет к катастрофе». Катастрофы удалось избежать. Во многом благодаря регулярным встречам клуба капитанов капитализма, «великолепной семерки». Первая из таких встреч состоялась в 1975-м в Рамбуйе под Парижем (тогда это была еще «пятерка»). Первоначально группа G5-G7 занималась экономическими сюжетами, но постепенно сфера ее интересов расширялась, охватив по существу весь спектр глобальных проблем. В целом Запад достиг нужного эффекта. В отличие от своего социального оппонента он сумел использовать научно-техническую революцию для укрепления политической и экономической стабильности капитализма.

Кризис и развал мировой социалистической системы, самоликвидация Советского Союза, окончание

холодной войны вызвали к жизни принципиально новую ситуацию. Человечество стало гораздо более однородным. Постепенно создаются условия для формирования глобального механизма исполнительной власти — мирового правительства, которое могло бы наводить всемирный порядок. На первом плане — предотвращение военно-политических кризисов, а коль скоро они возникают, то скорейший и максимально безболезненный выход из них. Есть, разумеется, второй, третий и прочие планы, которые охватывают как уже существующие, так и вновь возникающие глобальные проблемы.

В рамках указанных тенденций неизбежен ренессанс ООН. Вопреки тому, что сегодня часто говорят и пишут, иракский кризис — не конец ООН, а исходная точка ее подлинной истории. Это начало не обещает быть легким. Необходимы радикальные реформы, чтобы покончить с пережитками Второй мировой войны, из-за которых ООН до сих пор сохраняется как организация, закрепляющая преимущества победителей. Крупные сражения, несомненно, развернутся вокруг права вето. Но в нынешнем виде оно обречено. Вероятное направление поиска — изменение состава Совета Безопасности ООН.

Многополюсное устройство мира — устройство, по существу, олигархическое. Реальной властью, то есть реальной возможностью оказывать решающее воздействие на ход глобаль-

ного политического и экономического развития, будут располагать центры силы, мировые олигархии XXI века. Но такая власть и такая возможность вряд ли потребуют закрепления в виде права вето.

Формирование международной олигополии не вызывает особых симпатий. Но перепрыгнуть через этот этап эволюции миропорядка вряд ли удастся. Можно лишь предположить, что по мере упрочения демократического правосознания мировой элиты противостояние олигархического порядка основополагающим положениям Устава ООН будет постепенно утрачивать остроту.

Укрепление в ходе глобализации либерально-демократических начал общественной жизни, стабильные, выдерживающие нестандартные нагрузки отношения между мировыми центрами силы, общая демократизация и демилитаризация международных отношений позволят создать в рамках ООН эффективные институты и механизмы, которые можно будет использовать, чтобы минимизировать риски и опасности, угрожающие человечеству.

Центр таких рисков и опасностей постепенно перемещается в сторону экологических проблем. Но пока будут сохраняться и паразитировать на людских слабостях тиранические режимы, не исчезнет опасность геноцида, гражданских войн, агрессии, расползания оружия массового уничтожения. Следовательно, сохранится и

необходимость совместными усилиями развязывать такие узлы, а еще лучше — не допускать их появления. В этом контексте правомерна постановка вопроса о «гуманитарных интервенциях», то есть о праве Совета Безопасности ООН использовать международные миротворческие силы (или вооруженные силы стран — членов ООН) для наведения порядка. Даже если для этого придется нарушать суверенитет того или иного государства и вмешиваться в дела, которые международное право традиционно считало и считает внутренними.

Гегель писал, что история — это прогресс в сознании свободы. И хо-

тя бывали чудовищные «черные дыры» несвободы, в которые проваливались целые века и страны, немецкий философ прав. Ведущие тенденции развития современной системы международных отношений показывают, что движение к свободе в «западном», либерально-демократическом смысле продолжается. И темпы выздоровления России, ее роль в мировой истории будут зависеть от того, насколько полно она сможет интегрироваться в эту свободу. Как в свете внутренних преобразований, так и с точки зрения приспособления к требованиям нового мирового порядка.

Комментарии

Посланец курфюрста Фридриха Вильгельма везет в Кёнигсберг весть о заключении Вестфальского мира. 1648 год

“ Мир преобразается, он не становится ни лучше, ни хуже — он становится другим. Перемены, происходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм, которые в свою очередь регулировали бы новые явления и процессы. Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, — человека с его правами и свободами ”

Апология Вестфальской системы	Валерий Зорькин
18	
Внешнеполитическая вертикаль	Константин Косачев
25	
Невыносимая легкость реформ	Константин Сонин
34	

Апология Вестфальской системы

Валерий Зорькин

Несмотря на глубокие и многочисленные изменения, происходящие в мире в последние полтора десятилетия, государственный суверенитет остается основой конституционного строя большинства государств. В отличие от ситуации, сложившейся после заключения Вестфальского мира в 1648 году, сегодня объем суверенитета демократических правовых государств существенно ограничен внутренними и внешними факторами, а также правовыми нормами. Однако положения, закрепленные вестфальскими мирными договорами, остаются незыблемыми, в том числе и в Российской Федерации: верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории.

Сейчас много говорят о необходимости пересмотра ряда международно-правовых норм и принципов. В первую очередь это касается пункта 7 статьи 2 главы I Устава Орга-

низации Объединенных Наций, в котором провозглашается принцип невмешательства «во внутреннюю компетенцию любого государства».

Принципы соблюдения государственного суверенитета предлагается заменить принципами управления глобальной безопасностью, которое осуществляла бы «обновленная» ООН и ее Совет Безопасности. При этом как-то забывается, что сама ООН возникла и существует только благодаря воле суверенных государств, которые поставили цель не допускать впредь всемирных катастроф, подобных Второй мировой войне.

Вместе с тем ООН является наследницей Вестфальской политической системы, в рамках которой сформировались и начали активно действовать первые межправительственные и международные неправительственные организации. (Так, еще в первой половине XIX века, после победы над Наполеоном, учреждается Постоянная комиссия по судоходству по Рейну, затем появляются Международный телеграфный

В.Д. Зорькин — д. ю. н., профессор, председатель Конституционного суда Российской Федерации.

союз, Всемирный почтовый союз и т. п.) Две мировые войны XX века не смогли поколебать эту систему, существенно окрепшую после создания ООН.

И вот теперь, в начале XXI века, и особенно после событий 11 сентября 2001-го, возникла самая серьезная и самая вероятная угроза существованию Вестфальской системы, а значит, и самих основ конституционного устройства суверенных государств.

Вестфальскую систему атакуют по двум направлениям. Во-первых, права человека и права нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Во-вторых, национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации.

Суверенитет и угроза распада России

Чем чреват первый подход, известно: достаточно вспомнить распад СССР и Югославии. Возможно, именно этот трагический опыт способствовал тому, что сейчас опаснейшая тенденция, ставящая под сомнение принцип суверенитета и способная, в частности, уничтожить единую российскую государственность, в значительной степени преодолена. Правда, говорить о том, что центробежные силы в России утратили свою динамику, преждевременно. Ведь до сих пор, даже после президентских вы-

боров 2004 года, из уст отдельных региональных руководителей время от времени звучат слова о необходимости строить федерацию на «разделенном суверенитете». И это несмотря на принятые Конституционным судом (КС) решения: положения о суверенитете должны быть исключены из Конституций субъектов Российской Федерации. Согласно позиции КС, «Конституция не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, кроме многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета РФ. Суверенитет РФ, в силу Конституции РФ, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью. То есть не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации».

Уверен: в течение тех десяти лет, что действовала Конституция РФ, наибольшую и самую реальную угрозу для страны представлял собой развал государства. Не дефолт, не постоянно усиливающееся социальное неравенство, не рост масштабов бедности и распространение социальных пороков, таких, как преступность, коррупция, пьянство, наркомания и проституция, а именно распад страны! Потому что если

все другие социальные кризисы и антисоциальные явления можно пережить или преодолеть, то распад государства необратим. Только действующая Конституция позволила остановить развал Российской Федерации.

Новейшая история показывает: распад государства практически всегда сопряжен с актами массового насилия, ущемления прав граждан или даже геноцида. Что же способно предотвратить развал суверенных государств, реально защитить государственный суверенитет от сепаратизма и нарушений территориальной целостности? Важную роль здесь играют нормы международного права, сформулированные в процессе взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Преодолеть негативные последствия распада государств может помочь *международный регламент выхода той или иной национально-территориальной единицы из состава суверенных государств*. Без такого регламента мировое сообщество каждый раз будет стоять перед трудной дилеммой: как определить то или иное событие — как следствие национально-освободительного движения или как проявление сепаратизма, сопряженного с терроризмом? Формула данного регламента должна основываться только на признании принципов суверенитета, заложенных в Конституциях суверенных госу-

дарств. То есть стороны национально-политического противоборства должны отказаться от взрывов, убийств и захвата заложников и взять на вооружение обращение к международно-правовым процедурам, которые предстоит выработать.

Глобализация против права

Существует и второе направление наступления на Вестфальскую систему: национальные государства, мол, не способны обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. Дескать, мешают «застарелые территориальные инстинкты национальных государств» (*Ришар Ж.-Ф.* Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 2. С. 164). В связи с этим выдвигается идея управления по сетевому принципу и построения по тому же принципу организаций, призванных решать глобальные проблемы.

Идеологи «сетевых структур» признают, что «новое мышление» не застраховано от серьезных просчетов. Но это, по их мнению, «необходимая цена, которую приходится платить». По мнению того же Жана-Франсуа Ришара (он является первым вице-президентом Всемирного банка по делам Европы), «нынешняя международная структура и любая косметическая реформа этой структуры сами по себе не производят блага» (там же). Иными слова-

ми, с точки зрения такой идеологии, «под снос» предназначено все: Вестфальская система, государственные суверенитеты, территориальная целостность и, следовательно, сложившаяся система международного права. И все это окажется той необходимой ценой, которую надо платить.

Отказ от Вестфальской системы мироустройства, помимо всего прочего, приведет к тому, что политика, требующая механизма многосторонних согласований (*мультилатерализм*), будет вытеснена (и уже вытесняется после 11 сентября 2001 года) односторонней эгоистической политикой (*унилатерализм*). Нельзя не согласиться с Мануэлем Кастельсом, утверждающим, что, когда мультилатеральному миру навязывают унилатеральную логику, наступает хаос (Сеть и хаос (интервью с М. Кастельсом) // Эксперт. 2003. № 18. С. 75—76). В этом смысле мы действительно попали в абсолютно хаотичный мир, где все становится непредсказуемым. В неправовом мировом хаосе действует лишь одно право — право сильных и агрессивных: и сверхдержавы, и диктаторов, и лидеров мафиозных и террористических сообществ.

В американской политической аналитике все чаще встречается словосочетание «мягкие суверенитеты». «Право этносов и регионов на самоопределение» и «гуманитарные интервенции» противопоставляются

национальным суверенитетам. Такой крупный политик, как Генри Киссинджер, в одном из прошлогодних интервью немецкой газете *Die Welt* заявил о смерти Вестфальской системы и бессмысленности идеи государственных суверенитетов.

Более того, уже имеется агрессивное «научное» обоснование уничтожения Вестфальской системы. Так, Майкл Гленнон, один из американских идеологов, работающих в этом направлении, полагает, что «создатели истинно нового мирового порядка должны покинуть эти воздушные замки и отказаться от воображаемых истин, выходящих за пределы политики, таких, например, как теория справедливых войн или представление о равенстве суверенных государств. Эти и другие устаревшие догмы покоятся на архаических представлениях об универсальной истине, справедливости и морали... Крайне разрушительной производной естественного права является идея равной суверенности государств... Отношение к государствам, как к равным, мешает относиться к людям, как к равным» (Гленнон М. Совет Безопасности: в чем причина провала? // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 3. С. 118—120).

Логика такого подхода ясна, а позиция более чем откровенна: любое национальное право архаично и не требует защиты. Нет «архаичной» морали (а значит, нет никакой морали), нет и права, «соответ-

ствующего политике». Есть уничтожение международной и национальной законности, как таковой.

Поразительно, как подобные взгляды похожи на идеи одного из идеологов германского фашизма Альфреда Розенберга. Тот еще в начале 1930-х призывал начать «наступление на старые понятия о государстве, на пережитки средневековой политической системы» (цит. по книге Э. Генри «Гитлер над Европой? Гитлер против СССР» М.: ИПЦ «Русский раритет», 2004. С. 82). Последствия такого наступления мир помнит до сих пор.

В XXI веке на смену расовым идеям Розенберга пришла еще более изощренная философия отрицания суверенного национального государства и демократии, как таковой. Свообразным манифестом этой философии является книга шведских ученых Александра Барда и Яна Зодерквиста «НЕТОКРАТИЯ». Авторы считают: 11 сентября 2001 года станет в будущем символом того, как «информационное общество пришло на смену капитализму в качестве доминирующей парадигмы». По их мнению, «сеть заменит человека в качестве великого общественного проекта. Кураторская сеть (некая высшая каста сетевого общества. — В.З.) заменит государство в его роли верховной власти и верховного провидца. Сетикет (сетевой этикет. — В.З.) заменит собой закон и порядок по мере

того, как основные виды человеческой деятельности все больше переместятся в виртуальный мир. Одновременно авторитет и влияние государства сойдут на нет в силу сокращения числа налоговых преступлений и ликвидации национальных границ. Кураторы примут на себя функцию государства по контролю за соблюдением норм морали» (Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. / Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. С. XII).

Вестфальская система ставится под сомнение и рядом международных соглашений, в рамках которых значительные объемы государственного суверенитета делегируются либо национальным органам, либо тем или иным субъектам в рамках одного и того же государства.

Пример первого — Маастрихтский договор 1992-го и первое «сетевое государство» — Евросоюз. Уже сейчас звучат мнения о том, что европейская экономика будет находиться в состоянии «полустагнации» до тех пор, «пока Европа не преодолеет синдром национального государства, который уходит корнями в эпоху Вестфальского мира и остается и поныне нормой международного права. Пока политические деятели Европы не перестанут считать, что британский парламент, французское Национальное собрание или Германский бундестаг важнее Европейского пар-

ламента в Страсбурге» (Скоров Г. Не единая Европа // Ведомости. 2004. 11 мая.). Естественно, что при таком подходе деятельность парламентов стран — новых членов Евросоюза может быть сведена к декоративным процедурам. Пример второго — «принцип субсидиарности», согласно которому проблемы должны передаваться на тот самый низкий уровень, на котором имеются ресурсы и возможности для их решения.

Права человека как цель и средство

Сама ООН разрывается между жесткой вестфальской интерпретацией государственного суверенитета, с одной стороны, и возрастающим влиянием международного гуманитарного права и прав человека, которые ограничивают власть государственных лидеров над гражданами их стран, — с другой. На это указал генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, после того как в 1999 году — без санкции Совета Безопасности — началась война в Косово.

Сегодняшняя опасная тенденция ведет к тому, что конкретные политические понятия «государство» и «граница» вытесняются юридически неопределенными, не имеющими опоры ни в одном праве географическими и социально-экономическими терминами.

Отсюда и насущная потребность в том, чтобы международное сообщество специалистов по конституцион-

ному праву тщательно проанализировало современное понятие полноценного суверенитета. Этот анализ должен учитывать как императивы либеральной демократии, так и необходимость обеспечивать все компоненты сильной и правовой (именно правовой) власти. От этого сейчас зависит сохранение и укрепление мировой субъектности суверенных государств во всех ее измерениях — политическом, экономическом, социальном.

Вопросы терминологии имеют отношение и к пересмотру указанного выше положения Устава ООН. Оно посвящено невмешательству во внутреннюю компетенцию суверенного государства, и тем более важно определить, что входит в эту внутреннюю компетенцию, а что может быть отнесено к компетенции наднациональных органов, в частности ООН. Процесс определения компетенций не может быть простым. Нельзя руководствоваться упрощенными формулами типа «государства-изгои» или «несостоявшиеся государства». Такие формулы, как показала международная практика начала XXI века, годятся не для конструирования международно-правовых норм, а только лишь для поверхностного политологического анализа. Упрощенные схемы не ведут к простым и правильным решениям, а, наоборот, отвлекают от глубокого и всестороннего анализа.

Что касается нормативного определения перечня ситуаций, при которых может быть ограничен государственный суверенитет, то и здесь возникает больше вопросов, чем возможных решений. И прежде всего потому, что такую ситуацию можно создавать искусственно. Различные политические силы, спецслужбы, террористические и мафиозные организации накопили в этом плане большой опыт.

События 11 сентября 2001 года не только положили начало масштабным атакам на национальные суверенитеты и целостность государств, но и подтолкнули наступление еще на один из элементов конституционных основ — права человека. Такое наступление прокатилось практически по всему миру — от США и Европы до Юго-Восточной Азии, где были приняты жесткие антитеррористические законы, ограничивающие права граждан.

Само по себе принятие таких законов, конечно, не угрожает конституционным основам государств, их принимающих. Чаще всего это вполне адекватная реакция на всё более разрастающиеся проявления терроризма, организованной преступности, наркобизнеса и незаконной миграции — на все то, что принято называть новыми вызовами и угрозами человечеству.

Другое дело — до каких пределов можно идти в ограничении конституционных прав человека? Рецепты здесь предлагаются самые разные.

Формируется даже своеобразная идеология *отказа от основополагающих прав человека*. В США, например, вышла книга Алана Дершовица «Почему терроризм работает?». Известный ученый, в недавнем прошлом ярый правозащитник призывает использовать принцип коллективного возмездия по отношению к семьям, этносам, конфессиональным группам террористов; ратует за применение любых видов пыток; выступает за то, чтобы существенно ограничить иммиграцию и права чужестранцев, в особенности выходцев из определенных регионов мира...

Подобные взгляды получают все большее распространение в других странах, в том числе и в России. И не только среди ученых, но и политиков, за которых отдали голоса большие группы избирателей.

Может ли сообщество специалистов в сфере конституционного права игнорировать такие тенденции? Где черта, за которой ограничение прав человека превращается в их отрицание? Во имя чего и кого проводятся эти ограничения? Как обеспечить баланс безопасности государства и соблюдения прав человека? Нам, очевидно, важно не только не выпасть из глобального пространства, в котором мы уже пребываем, но и построить с ним взаимовыгодные отношения открытости. А при этом необходимо точное понимание степени связанного с открытостью риска. Речь идет о риске раствориться в этом да-

леко еще не определившемся мире. Об опасности вобрать в себя и воспроизвести на собственной территории неправовой хаос, наступающий на мировую политическую систему.

Мир преобразуется, он не становится ни лучше, ни хуже — он становится другим. Перемены, проис-

ходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм, которые в свою очередь регулировали бы новые явления и процессы. Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, — человека с его правами и свободами.

Внешнеполитическая вертикаль

Константин Косачев

О возможности изменений в структуре российского Министерства иностранных дел говорят в последнее время немало. Тем не менее реформа Правительства Российской Федерации, в соответствии с которой органы исполнительной власти выстроены теперь в три уровня, пока обошла МИД стороной. В отличие от других министерств у дипломатического ведомства не появилось «своих» федеральных служб и агентств. Это вполне разумно — ведь подчинять МИДу попросту некого, разве что выделить консульскую службу в отдельную, федеральную. Но это была бы уже скорее реформа ради реформы.

Совершенно очевидно, что неизменность функций и структуры МИДа продиктована спецификой и предметом его деятельности, необходимостью обеспечить последовательность и преемственность внешнеполитического курса. Однако отсутствие формальных признаков структурных преобразований, то есть тех самых приданных федеральных служб и агентств, не означает, что сфера руководства внешней политикой останется некой «офшорной зоной» административной реформы. Тот факт, что МИД внешне никак не участвует в текущих правительственных преобразованиях, не означает отсутствия же-

К.И. Косачев — председатель Комитета Государственной думы РФ по международным делам.

лания что-либо менять во внешне-политическом механизме. Скорее наоборот: подчеркивается, что переустройство МИДа — это слишком важный, масштабный процесс, не вмещающийся в рамки реформы одного лишь кабинета министров.

Контуры грядущих перемен внимательные наблюдатели усмотрели в назначении прежнего министра иностранных дел Игоря Иванова главой Совета безопасности РФ. Наиболее прозорливые внешнеполитические эксперты не соглашались с утверждениями о том, что бывший министр отправлен в «почетную ссылку». Подобные суждения базировались в основном на оценках деятельности его предшественника.

То, что бывшего министра *внутренних* дел сменил в Совбезе бывший министр *иностранных* дел — штрих весьма характерный. При Владимире Рушайло Совет безопасности больше внимания уделял внутривластным проблемам, поэтому резонно предположить, что с новым руководителем СБ даст крен во внешнюю политику. Но значит ли это, что политическая ориентация Совета безопасности определяется личностью его руководителя, или же само назначение связано с новым пониманием роли данного института в системе органов государственной власти?

Если справедливо второе предположение, то можно говорить о грядущих переменах в самом механизме

выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. При чем речь пойдет о переменах, выходящих за рамки текущей правительственной реформы: внешнеполитическая «вертикаль», если таковую предстоит выстраивать, не будет ограничиваться органами исполнительной власти. Ничего революционного в этом нет, поскольку основные направления внешней политики у нас по Конституции определяет президент, а не кабинет министров.

В последнее время появляется все больше весомых аргументов в пользу подобной реформы. Наше внешнеполитическое хозяйство явно нуждается в серьезной инвентаризации и упорядочивании. За последние лет пятнадцать «свою» внешнюю политику у нас привыкли творить самые различные ведомства и органы власти. А если вспомнить еще о субъектах Федерации и о гигантах отечественной экономики, также имеющих свои интересы за рубежом, то картина выглядит еще более пестрой. Таким образом, наряду с единой внешнеполитической линией возникает еще и некое среднее арифметическое самых различных инициатив, существующих параллельно (а иногда и перпендикулярно) основному политическому вектору, задаваемому президентом. МИДа же часто приходится выступать в роли интерпретатора, а то и своего рода «чистильщика», чтобы сгладить всевозможные нестыковки и напря-

женные ситуации во внешнеполитической сфере. Спонтанность и несогласованность таких шагов очень часто не позволяла развить достигнутый положительный эффект. К тому же несвоевременно предъявленный козырь иногда может испортить всю игру.

Характер задач, стоящих перед страной на международной арене, диктует необходимость целостного подхода к их решению – комплексно продуманного и учитывающего все возможные нюансы и позиции различных ведомств. Яркий пример – вопрос о ратификации Россией Киотского протокола, который устанавливает жесткие ограничения на промышленные выбросы в атмосферу. Мнения на этот счет звучат диаметрально противоположные. Каждое из них в отдельности может быть вполне справедливым, но отражает лишь одну сторону вопроса. Киотский протокол – это проблема, затрагивающая и наши отношения с Европой, и сферу перспективного планирования развития экономики, и глобальную экологическую политику, и еще массу других дипломатических, экономических и тактических нюансов. И таких измерений множество практически у любой серьезной проблемы, с которой Россия сталкивается на мировой арене, будь то отношение к международному терроризму, расширению НАТО и Евросоюза или политике на постсоветском пространстве.

Во всем мире традиционно считается, что внешнеполитическая активность придает престиж любому ведомству, свидетельствуя о его политическом весе и авторитете. Так что трудности технического порядка или отсутствие взаимопонимания между отдельными ведомствами – родовая болезнь любого государственного аппарата. Но суть стоящих перед Россией задач в этой сфере гораздо глубже. Она затрагивает как саму систему выработки внешнеполитической стратегии государства на основе четко формулируемых целей развития страны, так и механизм реализации данной стратегии при внятном и эффективном распределении ролей среди всех действующих лиц и исполнителей.

Скорректировать российские внешнеполитические цели необходимо прежде всего потому, что сегодня сложились уникальные условия для перехода от политики *реагирования* к политике *инициирования*. Созданию этих условий способствовали как субъективные, так и объективные факторы. К первым относятся активная политика президента, его интуиция и способность к быстрому принятию важных внешнеполитических решений. Ко вторым – отсутствие конфронтации с ведущими державами и наличие общих угроз, благоприятная экономическая конъюнктура, заинтересованность Запада в устойчивом энергетическом диалоге с Россией в обстановке неста-

бильности на Ближнем Востоке, невозможность улаживания многих региональных конфликтов без участия России и т. д. Появилась реальная возможность для проведения самостоятельной и последовательной внешней политики, отвечающей российским интересам и при этом понимаемой и уважаемой другими странами.

Однако воспользоваться благоприятной ситуацией удастся только в том случае, если наше внешнеполитическое хозяйство будет соответствовать новым задачам. Ведь нередко бывает, что исполнительная власть вынуждена заниматься вопросами стратегии, а глава государства, выдвигающий те или иные идеи и инициативы, попросту не имеет в своем распоряжении достаточно времени и средств, чтобы обратить их в цельную политическую линию, которую затем согласованно проводили бы все государственные органы. Это тем более обидно, поскольку президент действительно предпринял немало значимых шагов, по достоинству оцененных и в нашей стране, и во всем мире. Не могу не разделить точку зрения председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике Сергея Караганова, отметившего: «В последние годы именно он (президент. — К.К.) в значительной степени не только замыслил, но и сам исполнял прорывные внешнеполитические операции. Но прорывы часто не могли подкреп-

ляться из-за относительной слабости и неэффективности самого построения внешнеполитического аппарата. Люди работали на износ, а прорывы оставались лишь прорывами, не превращаясь в истинные победы».

Можно сказать, что *стратегия активной дипломатии* президента России опередила имеющиеся в этой области организационные и административные ресурсы, и сейчас самый удобный момент для их «подтягивания» и упорядочения. Это, впрочем, не означает, что на тот же МИД должен быть взвален дополнительный груз по осуществлению реформы внешнеполитического механизма России. Как раз наоборот: министерство и так явно перегружено несвойственными органу исполнительской власти функциями, причем во все не по причине каких-то непомерных амбиций его прежнего или нынешнего руководства. Вновь назначенный министр иностранных дел Сергей Лавров на своей первой пресс-конференции 17 марта в новом качестве специально отметил: «Взаимоотношения с Администрацией президента России и с Советом безопасности России будут строиться в соответствии с Конституцией. Внешнюю политику определяет президент, и МИД ее проводит». Министр выразил надежду на то, что «эффективность работы Совета безопасности возрастет в наших общих интересах, в том числе и в интересах Министерства иностранных дел, ко-

тому это поможет уверенно продолжать свою внешнеполитическую деятельность».

Президент также надеется на возрастание роли Совбеза и ожидает повышения эффективности его работы. В то же время он и сам не собирается снижать международную активность. Таким образом, звеньям уже наличествующей структуры (президент и его Администрация – Совет безопасности – МИД) необходимо без существенных организационно-административных изменений наладить работу так, чтобы можно было говорить о единой системе выработки и реализации внешнеполитического курса. Усиление позиций Совета безопасности – шаг вполне логичный, но не следует осуществлять это в директивном порядке. СБ призван сам продемонстрировать свою готовность к новой роли, способность генерировать стратегические концепции в области российской внешней политики и обеспечения международной безопасности государства, а также координировать деятельность различных руководящих органов, что, естественно, не под силу органу исполнительной власти.

Возможное перераспределение ролей в этой системе не должно привести к ослаблению МИДа и превращению его в банального исполнителя чужих сценариев. Министерство обладает огромным опытом и уникальным кадровым, аналитиче-

ским, организационно-практическим и информационным потенциалом, что уже не позволяет рассматривать его как сугубо подчиненный элемент трехзвенной схемы, которую, строго говоря, не совсем корректно считать властной *вертикалью*. Но МИД остро нуждается в новом подходе к нему со стороны государства. Значимость стоящих перед страной задач на международной арене, осознание себя Россией в роли возрождающейся великой державы – все это делает просто непозволительным упрощенное понимание функций ведомства, от которого зависит эффективность реализации стратегических задач страны в мировом масштабе.

Реальностью, к сожалению, является множество проблем, с которыми сталкивается дипломатическая служба, причем большинство из них, естественно, имеет экономическую природу. Какими бы энтузиастами своего дела ни были российские дипломаты, трудно ожидать крупных свершений от людей, которым приходится постоянно ломать голову над тем, как элементарно обеспечить в материальном плане собственные семьи. Падение престижа профессии дипломата, в первую очередь из-за низких зарплат, чревато для страны самыми серьезными последствиями, ибо ни одно государство не может позволить себе равнодушное отношение к тому, кто и как представляет его на международной сцене.

Между тем ситуация в этом плане у нас удручающая. Из МИДа в бизнес уходят опытные сотрудники, аппарат стареет, а пополнение новыми перспективными кадрами затруднено из-за недостаточных возможностей материального роста. Профильный вуз МГИМО (У) преимущественно занят подготовкой ценных работников для иностранных коммерческих, политических и информационных структур в России и за рубежом. Доля же выпускников этого вуза среди принимаемых в МИД новых сотрудников падает с каждым годом, особенно заметно она сократилась в 2003-м. Разумеется, такие процессы не могут не вызывать тревогу у всех, кто по роду своей деятельности связан с внешней политикой и сочувствует бедственному положению одного из важнейших ведомств страны. Возможно, решению проблемы способствовало бы выделение дипломатии в отдельный, четвертый вид государственной службы в рамках нового законодательства о государственной гражданской службе.

Мы много говорим о необходимости улучшения образа нашей страны за рубежом. Для противодействия антироссийским кампаниям в иностранных СМИ, которые зачастую хорошо спланированы и приурочены к каким-либо политическим акциям и инициативам международных структур (ПАСЕ, ОБСЕ и др.), требуются столь же хорошо продуманные действия. Однако не менее важ-

но разьяснять внешнюю политику России на внутреннем информационном пространстве. Ведь многие ключевые международные инициативы руководства страны остаются без должного освещения или, хуже того, представляются в искаженном, невыгодном свете — чуть ли не в качестве провалов и «сдачи всех рубежей», становясь предметом внутриполитических спекуляций или инструментом «имиджевых кампаний» отдельных политиков.

Парадоксально, но в то время как на Западе все чаще отдают должное возросшему авторитету Москвы, ставят уважительные оценки ее стабильной и отвечающей национальным интересам внешней политике, в самой России объективные и доброжелательные мнения зачастую тонут в раздуваемых прессой и телевидением истериках по поводу мнимых провалов на международной арене. Зато начатые за рубежом антироссийские информационные акции немедленно находят отклик и продолжение у нас, чему пока, к сожалению, не противостоит системная и комплексная работа по разьяснению внешней политики государства, созданию ее положительного образа в глазах сограждан. Из-за спекулятивных и тенденциозных оценок, преобладающих в отечественных СМИ, важные инициативы не всегда находят необходимую поддержку и понимание в обществе. Это не может не сказываться и на самой внешнепо-

литической линии руководства страны, которое сталкивается с дополнительными затруднениями при ее формировании и реализации.

Проводником интересов страны на международной арене могут стать соотечественники, этнические русские и русскоязычные диаспоры за рубежом. Многие государства активно используют диаспору как важный канал влияния и передачи информации, как фактор, способствующий развитию культурных и экономических связей. Россия, за пределами которой в силу известных причин оказались миллионы соотечественников, просто не имеет права упустить столь очевидный шанс. У этой проблемы есть и гуманитарный аспект — ведь в некоторых странах бывшего СССР русские, будучи этническим меньшинством, сталкиваются с ущемлением своих прав.

Сегодня уже ушли в прошлое идеологические расхождения с эмигрантами разных волн и их потомками, идет процесс сближения Русской православной церкви и Русской православной церкви за рубежом, все чаще наши бывшие граждане совершают деловые, частные и туристические поездки в Россию. Все это также может способствовать созданию благоприятной почвы для объединения на базе идеи общей Родины.

Мощным фактором усиления влияния государства за рубежом, безусловно, является трансграничный

бизнес. Политики, дипломаты и СМИ ведущих стран мира не стесняясь лоббируют интересы своих компаний за границей, у нас же эта сфера деятельности окружена каким-то ореолом таинственности, словно речь идет о чем-то предосудительном или постыдном. Часто — и порой вполне обоснованно — это обусловлено распространенным мнением о том, что интересы бизнеса и государства противоречат друг другу, а практика лоббирования отдельными чиновниками тех или иных компаний незаконна. Однако сейчас, когда центральная власть проводит линию на привлечение промышленных и банковских структур к реализации общенациональных задач, внешнеполитическое направление может оказаться как раз той привлекательной сферой, где государству есть что предложить бизнес-сообществу. Цивилизованные формы взаимодействия деловых кругов и власти на международной арене не только могут приносить взаимную пользу, но и зачастую являются чуть ли не единственным инструментом влияния и даже давления в ситуациях, когда дипломатические или иные политические средства исчерпаны или по каким-то причинам невозможны.

Между тем практических концепций эффективного использования во внешней политике русскоязычного зарубежья и трансграничного бизнеса пока не существует. Выработка в

этой сфере единой политики, комплексного подхода требует межведомственных усилий и соответственно координации сверху. А значит, было бы целесообразно уже на стадии перестройки внешнеполитического ведомства включить взаимодействие с русскоязычными диаспорами и бизнесом в качестве самостоятельных направлений в единую концепцию внешней политики России, придать координирующие функции тем или иным властным структурам.

Не менее важным фактором повышения эффективности внешнеполитического механизма представляется возрождение и активное использование научного и общественного аналитического потенциала. Сейчас такое взаимодействие носит во многом несистемный характер, происходит скорее на уровне личных знакомств и спонтанных акций, в которых волею судеб вместе участвуют представители власти и ученые, политологи и эксперты-международники. Необходимо укрепить российскую школу политической аналитики, наладить эффективное взаимодействие с научной общественностью, по возможности создать мощные негосударственные аналитические центры, которые могли бы производить независимую экспертную оценку тех или иных важных решений, готовить независимые вневедомственные предложения. В этом нужно поучиться у западных стран, в частности у США, где система разного рода экспертных

советов и консультаций чрезвычайно развита, но не стоит забывать и об опыте советского времени.

Возможно, в новые функции Совета безопасности будет входить координация работы и в этой области. Но, на мой взгляд, эффективную роль в усилении взаимодействия экспертов, аналитиков и власти у нас мог бы сыграть парламент, как орган, представляющий все политические силы, поддерживающий плодотворные связи с самыми различными общественными институтами. Играя важную роль в государственной системе, органы законодательной власти эффективно взаимодействуют с основными звеньями внешнеполитического механизма России — Администрацией президента, Советом безопасности, МИДом, а значит, способны гарантировать учет и реализацию ценных идей и предложений экспертного сообщества в конкретной политической линии страны. За последние годы в мире, особенно в Европе, существенно возросла роль парламентской дипломатии. Иногда законодатели различных стран по каналам своих рабочих связей готовят почву для принятия благоприятных для страны решений в тех сферах, где буксует официальный переговорный процесс. Поэтому парламент, благодаря своему политическому весу внутри страны, а также обширной и эффективной международной деятельности, становится

не только органом, куда отечественные аналитики могут адресовать свои инициативы, но и центром притяжения для пока еще довольно разрозненных экспертных групп и институтов.

Тем не менее при проведении возможной концептуальной реорганизации внешнеполитического механизма страны прежде всего следует понимать, что эти изменения диктуются не одной лишь необходимостью повышения эффективности существующих структур. Пути и направления реформирования должны определяться теми принципиально новыми явлениями в международной политике, которые позволяют говорить о кардинальных переменах общей картины мира, сложившейся в послевоенный период.

Россия располагает сегодня всеми возможностями для того, чтобы участвовать в созидании новой картины мира. Причем участие это может принимать различные формы. Например, подчеркнутое дистанцирование от этого процесса по причине несогласия с основными принципами грядущего мироустройства. Или попытки тормозить изменения, инициаторами которых выступают ведущие страны Запада. Выбери мы этот путь — и есть риск того, что новая международная система будет строиться без нас, а скорее всего, даже против нас. Вряд ли это целесообразно для России, тем более сейчас, когда налицо все возможности для

ее участия в выработке основ новой мировой политики.

Ведь на самом деле участвовавшие в последние годы споры и столкновения интересов России, США и Евросоюза по целому ряду региональных, экономических, военно-политических и прочих вопросов есть не что иное, как свидетельство роста внешней активности России, что неизбежно сопровождается трениями. Возникающие проблемы являются скорее следствием упущений прежних лет. Характерный пример: прием новых членов в Североатлантический альянс. Очевидно, нужно было еще в 1990-е добиваться юридического закрепления отказа НАТО от расширения на Восток и членства в альянсе бывших республик СССР. Тогда это было возможно, сейчас же поле для политического маневра заметно сузилось. Тем не менее период «отката» в российской внешней политике миновал и пришла пора «собирать камни» на международном поле.

Наша цель сегодня — не просто своевременно улавливать основные тенденции в международной политике, но и иметь возможность влиять на них уже на стадии формирования, упреждая любые негативные для России процессы. Эту принципиальную задачу не решить, взяв курс на тотальный изоляционизм. Неизбежно широкомасштабное сотрудничество с основными международными структурами и всеми теми странами, которые формируют лицо будущего

мира. При этом стоит особо отметить, что возможность воздействовать на такие процессы, добиваться полноценного учета потребностей своей страны — привилегия тех, кто на деле доказывает свою состоятельность в меняющемся мире и способен эффективно отстаивать свои интересы в условиях глобализации.

Окружающий мир меняется настолько стремительно, что невозможно просто реагировать на происходящее, нужно упреждать события. В этой ситуации тем более важно,

чтобы каждый серьезный внешнеполитический шаг основывался на фундаменте последовательной международной стратегии страны, которая не может быть претворена в жизнь без четко функционирующего внешнеполитического механизма. Амбициозные задачи во внутренней жизни государства должны подкрепляться не менее масштабными стратегическими целями на международной арене, ибо только так можно добиться благосостояния его граждан и безопасности.

Невыносимая легкость реформ

Константин Сонин

Второй срок президентства Путина начался в исключительно благоприятных экономических условиях. Высокие мировые цены на ключевые товары российского экспорта — нефть и газ — позволяют не только повышать уровень жизни населения за счет прямых трансфертов, но и заняться структурными реформами.

Однако мировой опыт свидетельствует: период выгодной экономической конъюнктуры — это, вопреки логике, не самое подходящее время для проведения реформ. Проще говоря, зачем напрягаться, если все и так идет нормально. Политические руководители почивают на лаврах, а избиратели (если речь идет о де-

К.И. Сонин — профессор Российской экономической школы, ведущий экономист Центра экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР). Ссылки на использованные при написании статьи источники и выражения благодарности можно найти на странице автора в Интернете: <http://www.nes.ru/~ksonin>

мократической стране) не стараются их «разбудить», поскольку и сами не тревожатся за будущее. В такой ситуации власти, как правило, мало склонны прислушиваться к предостережениям экспертов, указывающих на опасность погони за краткосрочными преимуществами и необходимость преобразований.

Экономисты из Гарвардского университета Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер считают, что одна из основных причин этого — ложное чувство безопасности, возникающее у граждан в период благополучия.

Эффект «умиротворенности благополучием» наблюдается и в странах с несовершенной демократией, и в государствах по-настоящему авторитарных. Ведь даже самый решительный диктатор не станет проводить болезненные реформы, если на них отсутствует спрос со стороны населения.

И наоборот: как только наступают «плохие времена», в обществе растут ожидания реформ, равно как и желание сменить лидеров. Гарвардский профессор Дани Родрик утверждает, что, когда наступает кризис, выгоды и издержки от проведения той или иной политики приобретают новый характер. Правда, демократически избранные лидеры быстрее реагируют на возникающие проблемы, и их шаги носят не столь радикальный характер. Чем меньше в стране демократии, тем позже спохватываются руководители и тем жестче они действуют.

Что мешает росту

Причины, по которым обилие природных ресурсов мешает экономическому росту (что является устойчивой закономерностью), достаточно стандартны. Это борьба за ренту между различными группировками, «голландская болезнь» — укрепление курса собственной валюты, подрывающее импортозамещение, а также нестабильность мирового рынка сырья, особенно опасная для страны с недиверсифицированным экспортом. Все эти факторы во многом обусловлены государственной политикой.

Согласно исследованиям, которые учитывают не только уровень сбережений и инвестиций, но и их природу, правительства стран, богатых природными ресурсами, не способны противостоять соблазну пожертвовать долгосрочной эффективностью ради краткосрочных политических выгод. Полученные средства они предпочитают направлять, например, на повышение зарплат, вместо того чтобы инвестировать, скажем, в сферу образования или в развитие новых технологий.

О том, что внезапное появление дополнительного источника крупных доходов позволяет отложить давно назревшие реформы, свидетельствует опыт многих стран. Но в том-то и дело, что большинство из этих примеров — отрицательные: Судан, Нигерия, Венесуэла, Алжир, Ливия, Азербайджан... Нефтедоллары позволяли обеспечивать защиту местной

промышленности от конкуренции со стороны импортных товаров гораздо больше, чем того требовала экономическая эффективность. В богатых природными ресурсами странах Центральной Африки, таких, как Нигер, Мали, Чад, основную проблему составлял очень низкий уровень сбережений, а значит, и инвестиций. Да и само качество инвестиций оставляло желать много лучшего. В Нигерии, например, правительство направляло доходы от продажи нефти в развитие промышленности, но делало это настолько неудачно, что, несмотря на ежегодный 6-процентный рост капитальных вложений на протяжении двух десятилетий, промышленность пребывала в состоянии стагнации. В Саудовской Аравии неэффективное использование полученных от продажи нефти средств привело к серьезным искажениям на рынке труда: в 1998 году почти 90 % коренных жителей были заняты в государственном секторе.

Есть и положительный пример: Норвегия инвестировала дополнительные доходы от экспорта нефти в образование и создание стабилизационного фонда. Однако и у Осло есть проблемы, связанные с нефтяной ориентацией. Доля экспорта в ВВП страны застыла на уровне около 40 %. По мировым меркам это довольно высокий показатель, но достигнут он был *до того*, как в страну хлынули потоки нефтяных доходов. Это означает, что нефть не увеличила об-

щий экспорт, а заместила часть прежней экспортной номенклатуры, вытеснив иную продукцию.

Отложенные преобразования

Между тем весьма поучительным примером для России может стать Мексика, политическое устройство которой отчасти похоже на наше. Мексика представляет собой крупное федеративное государство с единственным мегаполисом, куда стекаются финансовые потоки. В течение почти шестидесяти лет у власти там находилась одна партия, хотя некоторые принципы избирательной демократии все же соблюдались. Так, ни президентам, ни конгрессменам, избравшимся в условиях слабой конкуренции со стороны кандидатов от других партий, не позволялось занимать свой пост более определенного срока.

В 1950-е годы мексиканская экономика росла очень высокими темпами, но после того как политика импортозамещения исчерпала свой потенциал, потребовались реформы. Тут, как нарочно, наступили времена благоприятной сырьевой конъюнктуры: после скачка цен на углеводороды в 1973-м оказалось, что экспорт нефти (а до того почти вся добываемая нефть потреблялась внутри страны) – это самый простой и, главное, быстрый способ обогащения нации. Как говорил тогдашний президент Хосе Лопес Портильо, «нефть – это то, что обеспечивает

нашу независимость и компенсирует наши недостатки». Поток нефтедолларов принес дешевые кредиты иностранных банков. Вообще, с 1976 по 1979 год более половины всех кредитов, выданных развивающимся странам, достались пяти государствам, три из которых экспортировали нефть. Вроде бы очевидно: государству, на которое обрушивается золотой дождь, надо не одалживать, а копить, но уж если задолжали, то самое время расплачиваться. Но какой политик рискнет напомнить согражданам, что праздник когда-нибудь закончится?

В начале 1980-х за глобальным спадом экономики последовало резкое снижение цен на нефть. И на выборы 1982 года новому кандидату от правящей партии, Мигелю де ла Мадриду, пришлось идти под лозунгом перемен. Речь шла о преобразованиях, которые были направлены прежде всего на уменьшение роли государства в экономике и которые на самом деле стоило бы провести на десять лет раньше. Реформы — в том числе и либерализация торговли, и приватизация, и дерегулирование — увенчались успехом, хотя и были весьма болезненными.

В нашей отечественной истории тоже бывали периоды, когда внезапное появление дополнительного источника доходов позволяло отложить давно назревшие, необходимые преобразования. Наиболее наглядный пример связан с так называемыми

косыгинскими реформами. Эти реформы, начатые в середине 1960-х вскоре после прихода к власти новой волны советских руководителей, стали, по сути, ответом на снижение уровня жизни, что привело в начале десятилетия к массовым забастовкам и выступлениям рабочих.

Цель реформы состояла в повышении эффективности плановой экономики за счет стимулирования экономических агентов. В частности, предполагалось разрешить предприятиям распоряжаться частью прибыли. Однако в конце 1960-х в Западной Сибири открыли новые крупные месторождения газа и нефти. Впервые громко прозвучали названия таких городов, как Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут. С этого момента реформы были фактически приостановлены, а затем и просто похоронены «за ненадобностью»: в советскую экономику хлынули нефтедоллары. Последствия отказа от необходимых преобразований проявились довольно быстро. В наиболее катастрофическом положении оказалось сельское хозяйство. С появлением возможности закупать зерно за границей снизилась необходимость усовершенствования собственного производства, то есть отпала потребность в радикальном реформировании системы колхозов и совхозов. В результате по темпам прироста в сельскохозяйственной отрасли в 1974—1985 годах СССР существенно уступал не

только развитым странам, но и значительно (почти в три раза!) отставал от среднемирового показателя. К концу указанного периода Советский Союз занимал 90-е место в мире по урожайности зерновых и 71-е — по урожайности картофеля.

Попытка вновь вернуться к реформаторской повестке дня была предпринята только спустя пятнадцать лет — на первом этапе горбачёвской перестройки. К тому моменту кризис народного хозяйства стал очевиден, особенно после резкого падения цен на нефть в начале 1980-х. Как заявил еще в 1988 году один из руководителей Госплана СССР, «если бы не было Самотлора, жизнь принудила бы нас начать перестройку 10—15 лет назад». Конечно, можно спорить о том, что было бы, продолжись реформы Косыгина. Могли ли они спасти Советский Союз?

Скорее всего, через некоторое время смелые шаги «шестидесятников» натолкнулись бы на принципиальный вопрос о собственности — точно так же, как это случилось с реформами Горбачёва. И вместе с тем не исключено, что советский народно-хозяйственный комплекс вошел бы в эпоху радикальных перемен не в том плачевном виде, какой он приобрел к концу 80-х годов прошлого века.

Стоит заметить, что возможность внешнего влияния на страны — экспортеры нефти с целью подтолкнуть их к тем или иным решительным шагам весьма ограничена. Экспер-

ты вашингтонского Фонда Карнеги отмечали, что международное сообщество, как правило, не склонно особенно сильно давить на нефтепроизводителей. Такая политика проводилась по отношению к Ираку до 1991 года (пока Саддам не бросил вызов всему миру, оккупировав Кувейт), а Саудовская Аравия и по сей день не страдает от излишнего давления со стороны Запада. В Судане правительство получило возможность добывать нефть только после того, как заключило договор с оппозицией, которая действует в нефтеносной части страны. Согласно этому соглашению, доходы от продажи нефти не должны идти на укрепление военного потенциала Хартума (то есть на увеличение средств на борьбу с оппозицией). Тем не менее затраты Судана на вооружение вскоре выросли в два с половиной раза, а международные организации, которые были гарантами соблюдения договоренности, предпочли не вмешиваться, хотя Хартум у них давно на подозрении как потенциальный «изгой».

Нефть и демократия

Мойзес Наим, главный редактор журнала *Foreign Policy*, а в прошлом министр торговли и промышленности Венесуэлы, не понаслышке знает особенности развития сырьевых стран. Он утверждает, что «никакое нефтегосударство не сумело превратить нефть в источник процветания

для большинства своего населения». «Когда доходы от нефти переполняют страну со слабой системой демократических сдержек и противовесов, мы получаем дисфункциональную политику и экономику. Изобилие нефти в сочетании со слабыми общественными институтами порождает нищету, неравенство и коррупцию. Оно также подрывает демократию».

В стране, где бюджет наполняется в основном за счет нефтяных денег, у правительства нет нужды собирать налоги с большого количества мелких и средних предпринимателей, а значит, нет необходимости стимулировать их развитие и принимать во внимание их политические запросы. Это не только способствует распространению неравенства — типичного «проклятия» стран, где богатство бьет из-под земли, но и препятствует зарождению столь желанной политической активности среднего класса, который и должен составлять базу демократического правления.

Леонард Уонтчекон из Нью-Йоркского университета вывел следующую зависимость: увеличение на один процент показателя, определяющего степень наличия в стране ресурсов (использовалось отношение объема экспорта сырья к ВВП), приводит к 8-процентному росту вероятности установления авторитарного режима. Бесспорно также и то, что даже в демократических странах опора на

нефть способствует усилению централизации власти, поскольку нередки случаи, когда нефть, будучи стратегическим ресурсом, оказывается в руках единой государственной компании. В слабых же демократиях это может и вовсе привести к установлению настоящего авторитарного режима, как это случилось в Нигерии, где доля нефти в ВВП выросла с 1 % в 1960-е до 90 % в 1990-е. От подобного сценария защищены только очень развитые демократии с сильными гражданскими и политическими институтами. Например, в уже упомянутой Норвегии рост нефтяных доходов вызвал как раз обратный эффект. В стране, где на протяжении пяти десятков лет у власти находилась одна и та же партия (социал-демократического толка), ситуация изменилась: начиная с 1981 года здесь попеременно правят социал-демократы и консерваторы.

Опора на экспорт природных богатств всегда чревата тяжелыми экономическими последствиями, причем более всего рискуют страны с высокой ресурсной зависимостью. (Точно так же провал экономической политики в странах с авторитарными режимами приводит к более катастрофическим последствиям, чем в демократических государствах.)

Рост «незаработанных» доходов и усиление государства (особенно процессы, подобные тем, что ныне происходят в России) чреватые еще одной опасностью — снижением от-

«Исследования, проведенные *Brunswick UBS* (московским филиалом швейцарского банка), показывают: если нефтяные компании пересмотрят свои запасы, доказанные запасы российской нефти могут возрасти с 60 млрд до 180 млрд баррелей. По текущим оценкам, это выдвинет Россию на второе место в мире по запасам нефти после Саудовской Аравии, недра которой содержат 300 млрд баррелей нефти и нефтяного эквивалента. [...] «Уверен, что к концу десятилетия доказанные запасы углеводородов в России превысят нынешний показатель Саудовской Аравии на 50 %», – говорит Пол Коллисон, специалист *Brunswick UBS* по глобальным развивающимся рынкам нефти и газа. Лорд Браун, глава *British Petroleum*, согласен с тем, что запасы нефти увеличатся. «Очень похоже на то, что запасов будет больше. Не уверен, что кто-то действительно знает, каков будет конечный эффект от применения новейших технологий на старых месторождениях».

Financial Times. 30 апреля 2004 года.

звучивости политической системы к требованиям граждан. То есть может сложиться ситуация, в которой граждане как раз ощущают необходимость реформ, но несовершенство политического механизма не позволяет им оказать достаточное давление на политиков.

Таким образом, вырисовывается не очень-то утешительная для России закономерность: у стран, имеющих значительные природные ресурсы, меньше шансов стать полноценными демократиями, чем у других государств. Правда, опираясь на опыт других добывающих стран, трудно оценить, насколько велика вероятность того, что Россия пойдет по авторитарному пути. Да, Россия – нормальная страна, как характеризуют ее Андрей Шлейфер

и Даниел Трейзман (*Шлейфер А., Трейзман Д.* Россия – нормальная страна // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2). «Нормальная» в том смысле, что уровень преступности, независимость СМИ, продолжительность жизни в ней примерно такие же, как и в других государствах аналогичного уровня развития. Беда в том, что с точки зрения устойчивости демократии и способности политической системы учитывать и исправлять собственные недостатки Россия – государство пограничное. Наша страна слишком богата, чтобы в ней была возможна модернизация китайского или южнокорейского типа. И слишком бедна, чтобы противостоять попыткам политиков пойти по этому пути.

Америка на марше

Советский плакат 1952 года

“ Если страна выпадает из процесса глобализации, отвергает ее содержательную часть, резко возрастает вероятность того, что США рано или поздно отправят туда войска. Если же страна функционально связана с процессом глобализации и действует в основном по ее законам, нам нет нужды посылать свои войска, чтобы восстанавливать порядок и ликвидировать угрозы ”

Новая карта Пентагона *Томас Барнет*

42

Внешняя политика для президента-демократа

Самьюэл Бергер

59

«Упрямец» Буш и «заговор Голливуда» *Роберт Ричи*

79

Новая карта Пентагона

Почему мы воюем,
и почему будем воевать впредь

Томас Барнет

Война Соединенных Штатов против режима Саддама Хусейна ознаменовала собой поворотный пункт истории. С этого момента Вашингтон взял на себя всю полноту ответственности за стратегическую безопасность в эпоху глобализации. Вот почему публичная дискуссия вокруг этой войны так важна. Она заставит американцев согласиться с тем, что я называю новой парадигмой в области безопасности, смысл которой передает фраза: *разобщенность таит в себе опасность*. Под знаком этой парадигмы будет протекать нынешний век. Незаконный режим Саддама Хусейна находился в опасной изоляции в глобализирующемся мире, пренебрегал его нормами и связями, обеспечивающими всеобщую взаимозависимость.

Когда эксперты спорят о глобализации, то, как правило, звучат две крайние точки зрения на то, что она собой представляет: грандиозный процесс планетарного масштаба или нечто ужасное, обрекающее человечество на гибель. Оба мнения явно несостоятельны, поскольку глобализация, как исторический процесс, — это слишком широкое и сложное явление, чтобы быть втиснутой в узкие рамки простых обобщений. Вместо этого необходим принципиально иной подход к оценке нового мира, в котором мы живем: есть регионы,

Томас Барнет — профессор Колледжа военно-морских сил США, неоднократно приглашался в Пентагон и американские разведслужбы в качестве консультанта по стратегическим вопросам. Данная статья была впервые опубликована в журнале *Esquire* в марте 2003 года, в апреле 2004-го ее расширенная версия вышла в свет в виде отдельной книги под названием *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century* в издательстве *G.P. Putnam's Sons*.

На карте отмечены проблемные регионы, требующие внимания со стороны Америки. Это и есть большой «Провал», окружающий «Ядро». Данную взрывоопасную область можно уменьшить, если лишить террористические организации возможности доступа к «Ядру» через «уязвимые государства», расположенные вдоль кровавых границ «Провала». В войне с терроризмом США сделают особый акцент на сотрудничество с этими странами. Это прежде всего Мексика, Бразилия, ЮАР, Марокко, Алжир, Греция, Турция, Пакистан, Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия.

где глобализация по-настоящему пустила корни, и регионы, куда она, по сути, еще не проникла.

Посмотрите на страны, куда глобализация добралась в виде развитых телекоммуникационных сетей, финансовых потоков, либеральных средств массовой информации и коллективной безопасности, и вы увидите регионы со стабильным правительством, растущим уровнем благосостояния, где люди скорее погибают от самоубийств, чем становятся жертвами преступлений. Эти регионы я называю «Функционирующим ядром» или просто «Ядром». Но взгляните на страны, которые пока слабо вовлечены в процессы глобализации или вообще в них не участвуют, — там господствуют авторитарные режимы, пышным цветом расцветают политические репрессии, царит тотальная нищета и отмечается высокий уровень заболеваемости. Массовые убийства стали в этих регионах обыденным явлением, и, что самое главное, там постоянно тлеют очаги конфликтов, в которых, как в инкубаторе, рождаются новые поколения мировых террористов. Эти регионы я называю «Неинтегрированным провалом» или просто «Провалом».

«Озоновая дыра» глобализации, возможно, не попадала в поле зрения до 11 сентября 2001 года, но после этого дня ее уже нельзя было не замечать. Так где же мы запланируем следующий раунд во-

енных учений армии США в реальных полевых условиях? Ответ достаточно прост, и он основывается на опыте последних лет со времени окончания холодной войны: в зоне «Провала».

Я поддерживаю войну в Ираке не просто потому, что Саддам — это сталинист, готовый перерезать глотку любому ради того, чтобы остаться у власти, и не потому, что в последние годы его режим явно содержал тех, кто стремился раскинуть сети терроризма. На самом деле я сторонник этой войны, потому что длительное участие в военных действиях заставит Америку заняться всем «Провалом», видя в нем стратегически опасное пространство.

ПОДВИЖНАЯ ГРАНИЦА

Для большинства стран, находящихся в стадии формирования, принять глобальный набор правил, которые связаны с общей демократизацией, прозрачностью и свободной торговлей, — значит совершить беспримерный подвиг. Это очень непросто понять большинству американцев. Мы склонны забывать о том, с какими трудностями было на протяжении всей истории связано сохранение единства Соединенных Штатов и непрерывное согласование наших внутренних, подчас противоречивых правил в годы Гражданской войны, Великой депрессии и длительной борьбы за равноправие рас и полов, которая продолжается и по сей день. Что касается большинства государств, то с нашей стороны было бы нереалистично ожидать от них того, что они быстро приспособятся к правилам глобализации, которые выглядят уж очень по-американски. Но не нужно слишком увлекаться дарвиновским пессимизмом. Ведь, начав извиняться за глобализацию как навязывание американских ценностей или американизацию, легко перейти к намекам на то, что «эти люди никогда не станут такими, как мы, в силу расовых или цивилизационных различий». Всего десять лет тому назад большинство специалистов охотно списывали со счетов неблагополучную Россию, заявляя, что славяне по своей генетической природе не способны перейти к демократии и капитализму. Подобные аргументы звучали и в большинстве критических высказываний в адрес Китая в 1990-е годы, да и до сих пор их можно услышать в дебатах о возможности демократизации общества в постсаддамовском Ираке по западному образцу. Мол, «мусульмане — это все равно что марсиане».

Так как же отличить тех, кто по праву принадлежит к «Ядру» глобализации, от тех, кто остается во мраке «Провала»? И на-

сколько постоянен и неизменен водораздел между ними? Понимая, что граница между «Ядром» и «Провалом» подвижна, выскажу предположение, что направление перемен важнее, чем их интенсивность. Да, можно сказать, что бразды правления в Пекине по-прежнему в руках Коммунистической партии, идеологи которой на 30 % руководствуются принципами марксизма-ленинизма и на 70 % — понятиями героев «Клана Сопрано» (название детективного сериала про итальянскую мафию в Америке. — **Ред.**). Однако Китай присоединился к Всемирной торговой организации, а в долгосрочной перспективе это гораздо важнее, чем перманентное вхождение страны в зону «Ядра». Почему? Потому что это вынуждает Китай приводить свои внутренние правила в соответствие с принципами глобализации в банковской сфере, в области таможенных пошлин, защиты авторских прав и окружающей среды. Конечно, простое приведение внутренних норм и правил в соответствие с формирующимися правилами глобализации еще не гарантирует успеха. Аргентина и Бразилия недавно на собственном горьком опыте испытали, что выполнение правил (в случае с Аргентиной весьма условное) автоматически не обеспечивает иммунитет против паники, пирамид в экономике и даже рецессии. Стремление приспособиться к глобализации само по себе не может служить гарантией от одолевающих страну невзгод. Это не значит, что беднейшие слои населения тут же превратятся в стабильный средний класс, — просто с течением времени уровень жизни людей будет расти. В итоге всегда есть опасность выпасть из фургона под названием «глобализация». Тогда кровопролитие неизбежно.

Какие же страны и регионы мира можно в настоящее время считать функционирующими? Это Северная Америка, большая часть Южной Америки, Европейский союз, Россия при Путине, Япония и формирующиеся азиатские экономики (в первую очередь Китай и Индия), Австралия и Новая Зеландия, а также ЮАР. По примерной оценке, в этих странах и регионах проживают четыре из шести миллиардов населения земного шара.

Кто же тогда остается в «Провале»? Было бы проще сказать, что «все остальные», но я хочу представить вам больше доказательств, чтобы аргументировать свою точку зрения о том, что «Провал» еще долго будет причинять беспокойство не только нашему бумажнику или совести.

Если мы отметим на карте те регионы, в которых США проводили военные операции после окончания холодной войны, то обнаружим, что именно там сосредоточены страны, не входящие в сферу разрастающегося «Ядра» глобализации. Эти регионы — Карибский перешеек, фактически вся Африка, Балканы, Кавказ, Центральная Азия, Ближний Восток и значительная часть Юго-Восточной Азии. Здесь проживают приблизительно два миллиарда человек. Как правило, на этих территориях отмечен демографический перекокс в сторону молодого населения, доходы которого можно охарактеризовать как «низкие» или «ниже среднего» (по классификации Всемирного банка они составляют менее 3 тыс. долларов в год на душу населения).

Если обвести линией большинство тех районов, куда мы вводили свои войска, у нас, по сути, получится карта «Неинтегрированного провала». Конечно, некоторые страны, если принять во внимание их географическое положение, не укладываются в простые схемы. Они, как Израиль, окружены «Провалом», или, наоборот, как Северная Корея, волею случая оказались внутри «Ядра», или же, как Филиппины, расположились в пограничной зоне. Но, учитывая приведенные данные, трудно отрицать внутреннюю логику складывающейся картины: если та или иная страна выпадает из процесса глобализации, отвергает ее содержательную часть, резко возрастает вероятность того, что США рано или поздно отправят туда войска. И наоборот: если страна функционально связана с процессом глобализации и действует в основном по ее законам, нам нет нужды посылать свои войска, чтобы восстанавливать порядок и ликвидировать угрозы.

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ УГРОЗЫ

Со времени окончания Второй мировой войны в нашей стране бытовало представление о том, что реальная угроза безопасности исходит от стран с сопоставимыми размерами, развитием и уровнем достатка, — иными словами, от таких же великих держав, как Соединенные Штаты. В годы холодной войны такой супердержавой был Советский Союз. Когда в начале 1990-х произошло крушение «большой красной машины», у нас высказывались опасения относительно объединенной Европы, могущественной Японии, а в последнее время — в связи с усилением Китая.

Любопытно, что все эти сценарии объединяло одно предположение: по-настоящему угрожать нам способно только развитое госу-

«Как невозможно приготовить омлет не разбив яйца, так не дано изжить варварство и суеверия многих народов без применения силы. Вооруженные действия приведут к людским потерям, но смерть одного спасет сотни жизней, и в итоге цивилизация и процветание придут и сюда. Это – великая миссия и великая ответственность, но это также и великая честь для нас. И я убежден, что, черпая силы в духе нашей страны, мы выполним обязательства перед другими народами и будем достаточно сильны, чтобы справиться с миссией, которую налагает на нас наша история и национальный характер.

В процессе завоевания, конечно, не обойдется без кровопролития. Неизбежны потери и среди тех, кто пытается обеспечить в варварских государствах хотя бы какое-то подобие порядка. Но надо помнить: такова порученная им задача, а процесс построения государства может быть делом нескольких поколений» .

Джозеф Чемберлен, министр колоний Британской империи.
«Истинная концепция империи». 1897 год.

дарство. А как насчет остального мира? В военных документах менее развитые страны и регионы проходили как «малые включенные». Это означало: достаточно располагать военной мощью, способной отвести угрозу, исходящую от великой державы, чтобы всегда быть готовыми к действиям в менее развитом регионе.

События 11 сентября заставили усомниться в этом предположении. В конце концов, мы подверглись нападению даже не со стороны государства или армии, а всего лишь группы террористов, которых Томас Фридмен на своем профессиональном жаргоне назвал «сверхоснащенными одиночками, готовыми умереть за свое дело». Их нападение на Америку повлекло за собой системную перестройку нашего государственного аппарата (было создано новое Министерство внутренней безопасности), нашей экономики (теперь мы платим де-факто налог на безопасность) и даже нашего общества. Более того, эти события послужили сигналом к началу войны с терроризмом, и именно через их призму наше правительство теперь рассматривает любые двусторонние отношения в области безопасности, которые мы налаживаем во всем мире.

Во многих отношениях атаки 11 сентября оказали огромную услугу американскому истеблишменту, отвечающему за национальную безопасность: они избавили нас от необходимости заниматься абстрактным планированием и искать себе «ровню» для будущих высокотехнологичных войн, заставив обратить внимание на присутствующие

«здесь и сейчас» угрозы мировому порядку. Таким образом высветилась линия водораздела между «Ядром» и «Провалом» и, что еще важнее, приобрела рельефные очертания та среда, в которой зарождается сама угроза. Усама бен Ладен и «Аль-Каида» представляют собой продукты большого «Провала» в чистом виде — по сути дела, его наиболее жесткую ответную реакцию на посыл, исходящий от «Ядра». Они показывают, насколько хорошо мы справляемся с задачей экспорта безопасности в регионы беззакония (не очень-то хорошо) и какие государства они хотели бы «отлучить» от глобализации и вернуть к «хорошей жизни», как ее представляли себе в VII веке (их цель — все государства большого «Провала» с преобладающим мусульманским населением, особенно Саудовская Аравия).

Если принять во внимание эти намерения Усамы и сопоставить их с хроникой наших военных интервенций последнего десятилетия, то вырисовывается простое правило безопасности: *вероятность того, что та или иная страна спровоцирует США на военное вторжение, обратно пропорциональна ее вовлеченности в процессы глобализации.* Понятно, почему «Аль-Каида» сначала базировалась в Судане, а потом в Афганистане: они находятся в ряду стран, наиболее удаленных от процессов глобализации. Взгляните на другие государства, в которых в последнее время появлялись силы быстрого развертывания США: Пакистан (северо-западная часть), Сомали, Йемен. Эти страны и глобализация находятся на разных полюсах.

Деятельность данной сети терроризма важно пресечь на корню «на ее собственной территории», но столь же важно отрезать террористам доступ к «Ядру» через «промежуточные государства», расположенные вдоль полных кровью границ большого «Провала». В качестве примера на память тут же приходят такие страны, как Мексика, Бразилия, ЮАР, Марокко, Алжир, Греция, Турция, Пакистан, Таиланд, Малайзия, Филиппины и Индонезия. Но США работают над этой проблемой не в одиночку. Например, Россия ведет свою войну с терроризмом на Кавказе, Китай с удвоенной энергией взялся за укрепление своей западной границы, а всю Австралию взбудоражили взрывы на острове Бали.

Если мы отвлечемся на минуту и поразмышляем о значении складывающейся ныне новой карты мира в более широком смысле, то стратегию США в области национальной безопасности можно представить себе следующим образом: (1) добиться более широких возможностей защитных структур «Ядра» адекватно реагиро-

вать на события типа 11 сентября — например, осуществить системную перестройку; (2) работать с промежуточными государствами с целью расширения их возможности защищать «Ядро» от экспорта терроризма, наркотиков и пандемических болезней из стран большого «Провала»; (3), самое важное, *сократить размеры* большого «Провала». Обратите внимание: я не сказал, что надо отгородиться от «Провала». Первую нервную реакцию многих американцев на события 11 сентября можно выразить следующим образом: «Давайте покончим с нашей зависимостью от иностранной нефти, и тогда нам не придется иметь дело с теми людьми». В основе этой мечты лежит крайне наивное представление, будто сокращение того небольшого числа контактов, что существуют между «Ядром» и большим «Провалом», сделает последний менее опасным для нас в долгосрочной перспективе. Из-за того что Ближний Восток превратится в Центральную Африку, мир не станет более безопасным для моих детей. Мы не сможем просто взять и отмахнуться от *тех* людей.

Ближний Восток — это идеальная стартовая площадка. Дипломатия бессильна в регионе, где главный источник нестабильности — внутреннее положение в самих странах, а не взаимоотношения между ними. Хуже всего то, что на Ближнем Востоке отсутствует личная свобода, а это приводит к возникновению тупиковых ситуаций в жизни большинства здешнего населения — в первую очередь молодежи. Некоторые государства, такие, как Катар и Иордания, созрели для своего рода «перестройки» и рывка в более светлое политическое будущее благодаря молодым лидерам, осознающим неизбежность перемен. Иран также ждет прихода своего Горбачёва, если он уже не пришел.

Что мешает преобразованиям? Страх. Это боязнь отказа от традиций и боязнь осуждения муллы. Это и опасение мусульманских государств быть помеченными позорным клеймом «вероломных предателей» своей веры, и боязнь стать мишенью для радикальных группировок и террористических сетей. Но прежде всего это страх быть не такими, как все, и оказаться под огнем со всех сторон — разделить участь Израиля.

Ближний Восток давно уже превратился в некую дворовую кодулу, всегда готовую обидеть слабого. Израиль еще держится на плаву лишь потому, что стал, как это ни прискорбно, одним из самых «крутых» в квартале. Изменить эту гнетущую обстановку и открыть

шлюзы для перемен способно только одно — вмешательство внешней силы, которая в полном объеме возьмет на себя функцию Левиафана. Свержение Саддама, главного хулигана во всей округе, заставит США играть роль Левиафана более последовательно и решительно, чем они это делали в последние десятилетия. В первую очередь потому, что Ирак — это Югославия Ближнего Востока, перекресток цивилизаций, которые исторически всегда нуждались в диктатуре для поддержания порядка. Когда надобность в приходящих «няньках» отпадет, за этим регионом так или иначе придется присматривать, так что наши длительные усилия в послевоенных Германии и Японии покажутся легкой прогулкой в сравнении с тем, что предстоит нам на Ближнем Востоке.

Дело это верное, и сейчас самое время им заняться, да к тому же мы единственная страна, которой это по плечу. Дерево свободы не зацветет на Ближнем Востоке, пока там нет безопасности, а безопасность занимает самое важное место в экспорте нашего государственного сектора. При этом я имею в виду не экспорт вооружений, а то внимание, которое наши вооруженные силы уделяют любому региону, где сохраняется опасность массового насилия. Мы единственное государство на планете, способное экспортировать безопасность на постоянной основе, и у нас имеется достойный послужной список в этом деле.

Назовите мне страну, в которой царят мир и спокойствие, и я укажу вам на прочные или укрепляющиеся связи между местными военными и американскими военнослужащими. Покажите мне регионы, где большая война немыслима, и я продемонстрирую вам постоянно находящиеся там американские военные базы и имеющиеся долгосрочные альянсы в области безопасности. Перечислите мне крупнейшие инвестиционные проекты мировой экономики, и я укажу вам на два примера военной оккупации, преобразившей Европу и Японию после Второй мировой войны. В течение полувека наша страна успешно экспортировала безопасность в регион старого «Ядра» глобализации (Западная Европа и Северо-Восточная Азия), а в последние 25 лет, после неудачи во Вьетнаме, и в формирующееся новое «Ядро» (развивающиеся страны Азии). Но наши усилия на Ближнем Востоке были несущественны, а в Африке почти ничего не предпринималось. Пока мы не начнем систематический, долгосрочный экспорт безопасности в большой «Провал», он будет все настойчивее экспортиро-

вать свои недуги в «Ядро» в виде терроризма и других факторов нестабильности.

Чтобы сократить размеры «Провала», потребуется нечто большее, чем только американский экспорт безопасности. Например, Африке придется оказать гораздо более существенную помощь, чем предполагалось в прошлом, и в конечном итоге интеграция большого «Ядра» будет скорее зависеть от частных инвестиций, нежели от усилий государственного сектора «Ядра». Но все должно начинаться с безопасности, потому что свободные рынки и демократия не могут процветать в условиях непрекращающегося конфликта.

Придется перестроить наш военный истеблишмент так, чтобы он мог соответствовать стоящим перед ним задачам. В обозримом будущем нам не грозит мировая война — прежде всего потому, что наш колоссальный ядерный потенциал делает такую войну бессмысленной для кого бы то ни было. Одновременно классические войны «государство против государства» становятся довольно редким явлением, и если Соединенные Штаты находятся в процессе преобразования своего военного ведомства, то возникает естественный вопрос: каким оно должно стать, чтобы успешно справляться с будущими угрозами? По-моему, клин выбивают клином. Если в мире растет число «сверхснащенных одиночек», то и наша армия должна состоять из таких же «сверхснащенных одиночек».

Это звучит, вероятно, как стремление возложить дополнительное бремя ответственности на и так уже перегруженных военных. Но именно непрерывный успех Америки в сдерживании глобальной войны и исключении войн в отношениях между отдельными государствами позволяет нам совать свой нос в более сложные межэтнические конфликты и предотвращать возникновение порождаемых ими опасных транснациональных сил. Мне известно, что большинство американцев не желают и слышать об этом, но реальное поле боя в глобальной войне с терроризмом по-прежнему находится *именно там*. Если бы все ворота были на замке и было бы достаточно «охранников», то 11 сентября никогда не стало бы реальностью.

В истории много поворотных моментов, подобных тому страшному дню, но *вспять она не поворачивает никогда*. Мы рискуем многим, игнорируя существование большого «Провала», потому что он никуда не исчезнет до тех пор, пока мы, как нация, не ответим на брошенный нам вызов и не сделаем глобализацию по-настоящему глобальной.

СДЕЛАТЬ «ПРОВАЛ» БЕЗОПАСНЫМ

Вот какие регионы являлись мировой проблемой в 1990-е годы и угрожают сегодня и завтра реальными бедствиями, способными застигнуть нас во дворе собственного дома.

1. **Гаити.** Усилия по строительству государства в 1990-е принесли разочарование. На протяжении без малого ста лет мы вводили сюда войска и, несомненно, вернемся в эту страну в случае кризиса.

2. **Колумбия.** Страна разбита на несколько незаконных территорий со своими армиями, повстанцами, наркобаронами и настоящими правительствами, которые заняты переделом территории. Наркотики по-прежнему текут рекой. На протяжении последнего десятилетия укреплялись связи между наркокартелями и повстанцами, а теперь стало известно о наличии связей с международным терроризмом. Мы вмешиваемся в этот конфликт, раздаем обещания, но так ничего и не достигли. Приложение с нашей стороны частичных, разрозненных усилий и постепенное их наращивание ни к чему не приводят.

3. **Бразилия и Аргентина.** Обе страны дрейфуют между большим «Провалом» и функционирующим «Ядром». В 90-е годы прошлого века обе вволю наигрались в игру под названием «глобализация» и чувствуют себя обманутыми. Им угрожает реальная опасность вывалиться из фургона и встать на путь саморазрушения, проводя политику крайне левого или крайне правого толка. Ни о какой военной угрозе говорить не приходится, разве что об угрозе их собственным демократическим завоеваниям (возможное возвращение военных к власти). Южноамериканский общий рынок МЕРКОСУР пытается создать собственную реальность, в то время как Вашингтон настаивает на свободной торговле между двумя Америками. Но, возможно, нам придется довольствоваться соглашениями с Чили или тем, что только Чили войдет в расширенную ассоциацию НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле). Неужели Бразилия и Аргентина доведут дело до самоизоляции и будут потом жалеть об этом? Бассейн реки Амазонка остается большой неуправляемой территорией Бразилии. Кроме того, окружающей среде наносится все более серьезный урон. Проявит ли мировое сообщество достаточную озабоченность в связи со сложившейся ситуацией, чтобы вмешаться и попытаться исправить положение?

4. **Бывшая Югославия.** В течение большей части последнего десятилетия Европа демонстрировала свою неспособность действовать сплоченно и согласованно даже на собственных задворках. Западу теперь долго придется выполнять в этом регионе роль приходящей няньки.

5. **Конго и Руанда/Бурунди.** В результате военных действий, длившихся на протяжении всего десятилетия, в Центральной Африке погибло от двух до трех миллионов человек. Насколько еще должно ухудшиться положение, прежде чем мы попытаемся хоть что-то предпринять? Должны погибнуть еще три миллиона? Конго — это государство в стадии деградации, ни живое, ни мертвое, и все стремятся поживиться за его счет. Кроме того, в этом регионе свирепствует СПИД.

6. **Ангола.** В стране так и не предпринято серьезных попыток остановить непрекращающуюся гражданскую войну, которая за прошедшие четверть века унесла полтора миллиона жизней. По сути дела, внутренние междоусобицы продолжаются здесь с середины 1970-х годов, когда рухнула португальская колониальная империя. Ожидаемая продолжительность жизни в этой стране менее сорока лет!

7. **Южная Африка.** ЮАР — единственная африканская страна, входящая в состав функционирующего «Ядра». Тем не менее она находится на перепутье. Существует множество опасений по поводу того, что ЮАР служит своего рода шлюзом для террористических сетей, стремящихся получить доступ к «Ядру» через заднюю дверь. Самая большая угроза безопасности — преступность, принявшая характер эпидемии. В этой стране также свирепствует СПИД.

8. **Израиль — Палестина.** Террор не утихает — каждое новое поколение на Западном берегу спит и видит продолжение эскалации насилия. Защитная стена, которая возводится в настоящее время, будет своего рода Берлинской стеной XXI века. В конце концов внешним державам придется разводить обе враждующие стороны, чтобы обеспечить безопасность (это разведение обещает быть очень болезненным). Всегда существует вероятность того, что кто-либо попытается нанести по Израилю удар с помощью оружия массового уничтожения (ОМУ) и тем самым спровоцирует ответный удар, на который, как нам кажется, Израиль способен, что тоже не может не вызывать тревогу.

9. **Саудовская Аравия.** Менталитет монаршей мафии, действующей по принципу «надо дать им кусок пирога», в конеч-

ном счете спровоцирует внутреннюю нестабильность и насилие. Политика выплаты отступных террористам, чтобы держались подальше от этой страны, рано или поздно приведет к краху, а поэтому следует ожидать опасностей и извне. Значительную часть населения составляет молодежь, у которой практически нет надежд на будущее, немногим лучше и перспективы правящей элиты, основной источник доходов которой — тающие на глазах долгосрочные активы. Вместе с тем нефть еще достаточно долго будет значить слишком много для Соединенных Штатов, и они не постоят за ценой, чтобы обеспечить стабильность в этой стране.

10. **Ирак.** После вторжения нас ожидает гигантская восстановительная работа. Нам придется выстраивать режим безопасности во всем регионе.

11. **Сомали.** Хроническое отсутствие дееспособного правительства. Хроническая проблема с продовольствием. Хроническая проблема подготовки в стране террористов. Мы ввели туда морских пехотинцев, а также специальный воинский контингент, но ушли разочарованными — это своего рода маленький Вьетнам 1990-х. Будет сделано все возможное, чтобы он не повторился.

12. **Иран.** Контрреволюция уже началась: на этот раз студентов не устраивают захватившие власть муллы, от которых они хотят избавиться. Иран стремится дружить с США, но возрождение фундаментализма — это та цена, которую нам, возможно, придется заплатить за вторжение в Ирак. Муллы поддерживают терроризм и реально стремятся заполучить ОМУ. Значит ли это, что они станут следующей мишенью после того, как мы разберемся с Ираком и Северной Кореей?

13. **Афганистан.** Эта страна попирала законы и была рассадником насилия еще до того, как на мировую арену вышел режим «Талибан», тянувший ее в прошлое, в VII век (что было не так трудно сделать). Правительство продано «Аль-Каиде» за гроши. Это крупный центр производства наркотиков (героин). В настоящее время США увязли там надолго, пытаясь уничтожить наиболее отъявленных террористов/мятежников, которые предпочли остаться.

14. **Пакистан.** Всегда существует опасность того, что эта страна применит атомное оружие в конфликте с Индией по причине своей слабости (последний тревожный звонок прозвучал 13 декабря 2001 года, когда прогремели взрывы в Дели). Опасаясь, что Пакистан может пасть жертвой радикальных мусульман, мы решили под-

держат приверженные твердой линии военные группировки, которым в действительности не доверяем. Страна кишит боевиками «Аль-Каиды». США намеревались объявить Пакистан государством-изгоем, пока 11 сентября не вынудило нас снова перейти к сотрудничеству. Попросту говоря, Пакистан, похоже, не контролирует большую часть своей территории.

15. Северная Корея. Усиленными темпами продвигается к созданию ОМУ. Эксцентричное поведение Пхеньяна в последние годы (признание в похищениях людей; нарушение обещаний, связанных с ядерным оружием; открытая поставка вооружений в те страны, куда мы не рекомендуем поставлять оружие; подписание соглашений с Японией, которые как будто указывают на наступление новой эры; восхваление идеи новой экономической зоны) указывает на то, что он намерен провоцировать кризис. Такое поведение характерно для некоторых случаев психических заболеваний. Мы опасаемся, что Ким может пойти ва-банк (мало ли чего можно ждать от умалишенного). Численность населения сокращается — как долго люди там еще продержатся? После Ирака эта страна может стать нашей следующей целью.

16. Индонезия. Привычные опасения по поводу раскола страны «с самым многочисленным в мире мусульманским населением». Страна сильно пострадала от азиатского кризиса, буквально уничтожившего ее экономику. Как выяснилось, это район активных боевых действий террористических сетей.

Есть опасения, что новые/интегрирующиеся части «Ядра» в ближайшие годы могут быть потеряны. Речь идет о нижеследующих странах.

17. Китай. Страна во многом соревнуется сама с собой, пытаясь сократить число нерентабельных государственных предприятий, почти не снижая при этом уровня занятости. Кроме того, предпринимаются усилия, чтобы решить проблему роста потребностей в энергоносителях и сопутствующего загрязнения окружающей среды, а также предотвратить грядущий кризис с выплатами пенсий. Новое поколение лидеров подозрительно напоминает лишенных воображения технократов. И еще не известно, справятся ли они со стоящими перед страной задачами. Если ни один из этих макроэкономических факторов не спровоцирует внутреннюю нестабильность, то вряд ли Коммунистическая партия Китая (КПК) тихо растворится в ночи, предоста-

вив массам бóльшие политические и экономические свободы, которые на каком-то этапе могут показаться людям недостаточными. В настоящее время КПК чрезвычайно коррумпирована и фактически является паразитом на теле нации, но все еще верховодит в Пекине. Армия, похоже, все дальше уходит от общества и от реальности, более близоруко сосредоточиваясь на противодействии «угрозам» со стороны США, которые не дают Китаю возможности угрожать Тайваню, остающемуся еще одной взрывоопасной точкой. Кроме того, в Китае огромные масштабы приобрела эпидемия СПИДа.

18. **Россия.** Путину еще предстоит проделать большой путь в утверждении диктатуры закона; в руках мафии и баронов преступного мира все еще сосредоточено слишком много власти и влияния. Чечня и ближнее зарубежье в целом будут втягивать Москву в насилие, которое, тем не менее, вряд ли выплеснется за границы Российской Федерации. Продвижение США в Центральную Азию само по себе вызывает нервозность в Москве и может, если не действовать аккуратно, привести к ухудшению взаимоотношений. У России слишком много внутренних проблем (слабость финансовой системы, деградация окружающей среды и пр.), слишком сильна ее зависимость от экспорта энергоресурсов, и она не ощущает себя в безопасности (не получится ли так, что восстановление экономики Ирака убьет курицу, несущую золотые яйца для России?). СПИД тоже распространяется здесь быстрыми темпами.

19. **Индия.** Постоянно сохраняется опасность ядерного противостояния с Пакистаном. Мало того, проблема Кашмира также не способствует улаживанию конфликта с Пакистаном, и война с терроризмом вызвала рост степени вовлеченности США. Индия наглядно демонстрирует все плюсы и минусы глобализации в миниатюре: высокие технологии, массовая бедность, островки бурного развития, трения между разными культурами/религиями/цивилизациями и т. д. Индия слишком велика, чтобы преуспевать, и одновременно она слишком велика, чтобы можно было допустить ее крах. Индия хочет быть могучим и ответственным военным игроком в регионе, надежным другом США и отчаянно стремится догнать по развитию Китай (сама себя убеждая в том, что нужно непременно добиться успеха). Кроме того, в стране быстро распространяется СПИД.

Когда вырождаются войны

Война – это преисподняя. Она, как не раз предостерегал Клаузевиц, никогда не проходит по плану. Но неоконсервативным стратегам не приходило в голову задуматься об этом. Даже те высокопоставленные военные, кого с самого начала беспокоили проблемы послевоенной стабилизации, не могли предвидеть, сколь высокой степени вырождения достигнет моральный облик американских военнослужащих в Ираке. Средний командный состав, ответственный за поддержание боевого духа войск, время от времени забывал соблюдать принятые международным сообществом законы войны. В результате армия, добившаяся военного успеха, опозорена.

Виновных, конечно, накажут, но никто пока еще не привлечен к ответственности там, где этого можно было бы ожидать в первую очередь – в Министерстве обороны США. Катастрофические и неожиданные события, связанные с жестоким обращением с узниками тюрьмы «Абу-Грейб», чреватые далеко идущими последствиями. США все глубже увязают в трясины иракского болота, увлекая за собой правительства Великобритании, Италии, Австралии, Польши и других союзников. Теперь Вашингтон взывает к помощи ООН, а ведь еще год назад Чейни и иже с ним списали эту организацию со счетов, как не отвечающую новым реалиям. В любом случае вряд ли стоит надеяться на то, что Объединенные Нации достаточно быстро подставят плечо Америке.

Если бы нынешней американской администрации позволили действовать по своему усмотрению, она и вовсе разрушила бы всю систему ООН – ту самую, которую президент Буш-старший, напротив, стремился укрепить. Мы попали в ловушку, и, чтобы выбраться из нее, нам необходим сильный Совет Безопасности.

Чудовищные издевательства над пленными никак не вяжутся с претензиями на идеологическое и культурное доминирование. Где уж тут быть «городом на холме», маяком для всего мира, тем, кто несет факел демократии и прав человека?! Одной-единственной фотографии юной, цветущей женщины-добровольца, которая тащит на собачьем поводке обнаженного иракца, достаточно, чтобы раз и навсегда разбить мечту Пола Вулфовица о том, что Ирак и вообще весь Ближний Восток можно превратить в некое подобие штата Канзас.

Вся эта химера разлетается в клочья, а за пропагандистским фасадом уже слышен все нарастающий ропот. Звучат требования о выводе войск и фактической капитуляции. И что тогда? Арабский мир будет ликовать, жители американских городов скажут: «Мы же предупреждали». Друзья Америки отойдут в тень, а катастрофа будет идти своим чередом. Говоря словами Бернарда Шоу, каждый, кто будет утверждать, что знает развязку этой истории, – шарлатан. Нас ожидает очень тревожное время. Тот, кто начинает войну, не должен питать иллюзий, что сможет предотвратить ее вырождение и управлять ее последствиями.

Пол Кеннеди – известный английский историк, профессор Йельского университета. Отрывок из его эссе о войне в Ираке цитируется по газете *Die Welt*, 12 мая 2004 года.

В пустынных степях Аравийской земли...

Англия (Америке): Давайте выдадим друг другу мандаты на эту нефть, пусть это послужит смазочным маслом для нашей дружбы.

Месопотамия: Как бы не пришлось вам вскоре смазывать пятки этим маслом.

Из журнала «Крокодил» 1923 г.

Нефть и песок

Слово «нефть» происходит от персидского «нефт», и первые известные археологам места добычи нефти находились тут же, на берегах Персидского залива, за несколько тысячелетий до нашей эры. Но арабские племена, кочевавшие к югу от залива, вплоть до самого недавнего времени не знали, что нефть станет определяющим началом во всей их политической и экономической жизни.

Двадцать седьмого сентября [1960 года] выходящая в Саудовской Аравии газета «Ан-Надва» писала: «Долгие годы нас, арабов, пугала нефть. Между собой мы называли ее «страшным черным волшебником». Но теперь нефть для нас уже не является пугалом, и мы знаем ей цену...»

По запасам нефти Саудовская Аравия — на третьем месте в капиталистическом мире, после Соединенных Штатов и Венесуэлы. Но «черный волшебник», который мог бы творить чудеса и превратить аравийские пески в цветущий сад,

томится в цепях у «Арамко» — так сокращенно называется «Арабиен-америкэн ойл компани». Месторождения нефти, нефтеперерагонные заводы в Рас-Тануре, земли и дороги древней арабской страны, Саудовской Аравии, принадлежат заморским империалистам. С 1946 года Соединенные Штаты контролируют крупнейшую на полуострове воздушную базу в Дахране... А по асфальту в столице Эр-Рияде и в районах нефтепромыслов катаются роскошные автомашины американских служащих «Арамко» и местной знати, которой немало перепадает с барского стола Рокфеллеров.

...Сколько подданных насчитывается сегодня у короля Сауда, потомка эмира Сауда ибн Мухаммеда, заложившего в начале восемнадцатого века основы нынешнего государства? Ни в одной энциклопедии мира нет точного ответа на этот вопрос. До сих пор не подсчитаны точно ни площадь Саудовской Аравии, ни ее население. Так, очевидно, выгоднее для «Арабиен-америкэн ойл компани», которая беспокоится только о подсчете миллионов долларов, выреченных от добычи и продажи аравийской нефти.

Уже восемь лет прошло с тех пор, писала 27 сентября «Ан-Надва», как группа саудовских бурильщиков самостоятельно, без всякой иностранной помощи и технического руководства, пробурила первую скважину. Значит, «Арабиен-америкэн ойл компани» и ее специалисты не так уж незаменимы...

Абделькасем Латем, арабский журналист.

Опубликовано в сборнике «День мира», издательство «Известия», Москва, 1961 год.

Внешняя политика для президента-демократа

Самьюэл Бергер

ПАДЕНИЕ С ПЬЕДЕСТАЛА

Прошлой осенью президент Джордж Буш выступил в Национальном фонде развития демократии с важным заявлением, в котором очертил цели и задачи Соединенных Штатов. Как верно заметил президент, в интересах США – наличие политической свободы в мусульманских странах, поскольку ее отсутствие лишает людей возможности выразить недовольство мирным путем, толкает их к насилию и правонарушениям. Президент справедливо упрекнул прежние администрации в слишком мягком отношении к авторитарным арабским режимам и заявил, что Америка берет на себя трудную, но жизненно важную задачу – способствовать формированию более открытого и демократичного общества в странах Ближнего Востока. Но за редким исключением активисты демократического движения, политики, журналисты и интеллектуалы мусульманского мира – наши естественные партнеры в этом деле – отнеслись к словам Буша скептически и даже с пренебрежением. На всем Ближнем Востоке речь президента едва ли скольконибудь значительно повлияла на бытующие в среде простых людей представления о Соединенных Штатах и их намерениях. Проблема не в том, что идеи президента чужды арабскому миру.

Самьюэл Бергер был помощником президента Клинтона по национальной безопасности с 1997 по 2001 год, а в настоящее время возглавляет консалтинговую компанию *Stonebridge International*. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 3 (май/июнь) за 2004 год. © 2004 *Council on Foreign Relations Inc.* Публикация статьи с изложением точки зрения Республиканской партии планируется на июль/август.

Согласно последним опросам, проведенным в этом регионе исследовательским центром *Pew Research*, значительное большинство респондентов от Марокко до Иордании и Пакистана стоят на демократических позициях. Им свойственно стремление жить в обществе, в котором руководители избираются в ходе свободного волеизъявления, где свобода слова надежно защищена и соблюдается законность. Но, как ни парадоксально, не меньше респондентов в тех же странах утверждают сегодня, что им «не нравятся американские представления о демократии».

Подобные противоречия имеют место и в других регионах. Вашингтон намерен защитить Южную Корею, если на полуострове вспыхнет война, однако растущее число молодых южнокорейцев считают, что Америка представляет собой большую угрозу для безопасности их страны, чем Северная Корея. Мы ведем с терроризмом борьбу, которая в равной степени жизненно необходима как для нашей, так и для европейской безопасности, но в глазах европейцев борьба с терроризмом все чаще ассоциируется с проявлением эгоистических интересов мощной державы, и потому они требуют от своих правительств, чтобы те отказались от участия в этой борьбе.

Такое негативное отношение частично проистекает из естественного недовольства американской военной, экономической и культурной мощью. Здесь мы мало что можем поделать, и за это нам нет необходимости оправдываться. Но такое отношение стало еще более нетерпимым из-за свойственной администрации Буша манеры добиваться своих целей. Высокомерный стиль поведения администрации и ее ничем не оправданная односторонняя политика оттолкнули тех, кто являлся наиболее вероятным сторонником восприятия американских ценностей, и вызвали оппозицию даже со стороны тех, кому наиболее выгоден успех Соединенных Штатов. В мире остается все меньше и меньше людей, допускающих наличие какой-либо связи между их устремлениями и теми принципами, которые проповедует Вашингтон.

В результате, несмотря на небывалую мощь, которой сегодня обладает Америка, уровень ее влияния редко опускался до столь низкой отметки, как теперь. Мы способны воздействовать на другие страны средствами принуждения, но нам не слишком часто удается добиться чего-либо путем убеждения. Наши важнейшие глобальные инициативы, начиная с продвижения реформ на Ближнем Востоке

и заканчивая искоренением терроризма, скорее всего, закончатся провалом, если Соединенные Штаты не изменят свой подход или не сменят свое руководство.

СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

В этом году в ходе предвыборных дискуссий по вопросам внешней политики одинаково интенсивно обсуждаются как стоящие перед нами цели, так и средства их достижения. Большинство демократов согласны с президентом в том, что борьба с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) должна стать приоритетным направлением глобального масштаба, что война в Афганистане была необходима и оправданна, что саддамовский Ирак представлял собой угрозу, которую нужно было устранить тем или иным способом. Более того, по прошествии времени администрация Буша, по крайней мере на словах, приняла аргументацию демократов относительно того, что для достижения победы над терроризмом Соединенным Штатам недостаточно просто уничтожить зло, что тут необходимы еще какие-то добрые начинания, поддерживающие людей в их стремлении жить мирно и свободно, победить нищету и болезни.

Однако, ставя перед собой подобные цели, администрация придерживалась радикальных убеждений относительно того, как США должны вести себя на международной арене. Главные стратеги из администрации президента, очевидно, полагают, что в нынешнем хаотичном мире американская мощь — особенно военная — единственное реальное средство достижения целей и что, пока мы внушаем страх, не столь важно, любят нас или нет. Эти же люди считают, что для поддержки наших усилий во внешней политике нам лучше создавать временные «коалиции заинтересованных участников», поскольку длительные альянсы требуют слишком многих компромиссов. Согласно их теории, в силу сложившихся обстоятельств Америка обязана выступать в роли доброй силы и иметь благие намерения, а потому не нуждается в чем-либо одобрении для придания легитимности собственным действиям. К тому же они полагают, что международные организации и международное право — не что иное, как ловушки, расставленные более слабыми государствами, которые стремятся связать нам руки.

Эти идеи не новы. Во времена Трумэна и Эйзенхауэра радикальная фракция республиканцев в Конгрессе под предводительством лидера республиканского большинства в сенате Роберта Тафта ополчилась буквально против любой из мер, направленных на создание послевоенного международного порядка. Радикалы возражали против создания НАТО и размещения войск США в Европе на постоянной основе, поскольку считали, что в противостоянии замыслам Советского Союза нам следует положиться на одностороннее применение военной силы. Они выступали против учреждения Всемирного банка и МВФ, были враждебно настроены в отношении ООН. Они презирали «универсалистов» вроде Элеонор Рузвельт, поскольку те поддерживали идеи международного права. В течение короткого времени сторонники Тафта доминировали в Конгрессе (до тех пор, пока демократы и республиканцы-интернационалисты, такие, как Дуайт

Несмотря на небывалую мощь, которой обладает Америка, уровень ее влияния редко опускался до столь низкой отметки.

Эйзенхауэр, совместными усилиями не потеснили их на политической сцене). Но вплоть до сегодняшнего дня их радикальное мировоззрение никогда не определяло политику исполнительной власти.

Подлинное «столкновение цивилизаций» происходит не где-нибудь, а в Вашингтоне. А учитывая открытые разногласия между госсекретарем Колином Пауэллом и министром обороны Дональдом Рамсфелдом, можно сказать, что оно разворачивается даже внутри самой президентской администрации. И это не спор по отдельным политическим вопросам — войне в Ираке, цене соблюдения Киотского протокола или расходам на оказание помощи другим странам. Это — столкновение диаметрально противоположных взглядов на роль Америки в мире. Это — битва между либералами-интернационалистами, объединяющими в своих рядах представителей обеих партий и считающими, что обычно нам нет равных по силе, когда мы вместе с союзниками выступаем в защиту общих ценностей и интересов, и теми, кто, видимо, полагает, что Америка должна либо действовать в одиночку, либо вообще воздерживаться от каких-либо шагов. Сторонники жесткой линии в администрации Буша весьма активно выражают и отстаивают свою позицию. В год выборов демократам также следует четко изложить свои взгляды по поводу того, что они думают и что собираются делать в связи с необходимостью укреплять безопасность и благосостояние США, продвигать

демократические идеалы, восстанавливать наше влияние, наш авторитет и нашу способность к лидерству. Демократы должны наметить контуры такой внешней политики, которая не только ставила бы перед страной верные цели, но и позволила бы ей снова обрести способность к их достижению.

С НАМИ, А НЕ ПРОТИВ НАС

Все послевоенные администрации, как республиканские, так и демократические, верили, что в мире есть некие вещи, с которыми нельзя не бороться: это одиозные режимы или отдельные личности, которые заслуживают быть заклеенными в качестве зла и могут быть остановлены только силой. И сегодня, не отрицая важности изменения политических и экономических условий, в которых зарождаются террористические движения, мы должны осознать: простым устранением причин возникновения терроризма мы не сможем помешать законченным террористам нанести удар по США или по странам-союзникам. Таких людей следует изолировать от общества или уничтожать.

Точно так же мы должны избавиться от успокоительных софизмов, будто свободный рынок неизбежно порождает свободное общество, а глобализация сама по себе обеспечит мир во всем мире. Страны и их лидеры — не заложники абстрактных исторических сил. Они действуют в соответствии с собственными интересами и амбициями. В обозримом будущем Соединенным Штатам и их союзникам следует быть готовыми при необходимости к применению военной и экономической силы, дабы укоротить амбиции тех, кто угрожает нашим интересам.

Ставка на силу и решимость, готовность сформулировать четкие условия взаимодействия и последствия их несоблюдения, несомненно, правильная позиция по отношению к нашим противникам. Однако грубой ошибкой нынешней администрации является то, что принцип «с нами или против нас» она применяет не только к врагам Америки, но и к ее друзьям. Проще говоря, сила аргументов произведет на наших естественных союзников гораздо большее впечатление, нежели аргументы силы. Демократически избранные лидеры, будь то в Германии, Великобритании, Мексике или Южной Корее, должны укреплять в согражданах стремление поддерживать США в реализации совместных с ними планов. Убеждая эти страны в том, что Соединенные Штаты используют свою силу на общее благо, мы тем самым даем им возможность встать на нашу сторону.

Но, принуждая их действовать во имя наших интересов, мы способствуем тому, что противостояние Америке становится для них политически необходимым, а то и выгодным. Десять лет назад трудно было даже представить себе, что лидеры Германии и Южной Кореи — двух государств, обязанных своим существованием Америке, которая жертвовала ради них жизнями своих солдат, — победят на выборах под антиамериканскими лозунгами.

Начиная войну с Ираком, администрация Буша полагала, что большинство союзников присоединится к нам, если мы ясно дадим им понять, что в противном случае поезд уйдет без них. Считалось также, что мы не нуждаемся в легитимности, которую обеспечили бы одобрение и участие ООН. На практике эти теории оказались несостоятельными. Человеческие, финансовые и стратегические потери в ходе этой войны многократно возросли, а успешное завершение оккупации было поставлено под угрозу из-за того, что Вашингтону не удалось заручиться поддержкой сильных союзников (таких, как Франция, Германия и Турция, а не подобных, скажем, Маршалловым островам).

Но даже по окончании военных действий администрация продолжала терять свое влияние в лагере союзников. Много говорилось об опрометчивом решении Пентагона отказать в контрактах на восстановление Ирака компаниям из стран-союзниц по НАТО, таких, как Канада, Франция и Германия, в тот самый момент, когда Соединенные Штаты обратились к ним с просьбой о списании иракских долгов. При этом мало кто обратил внимание на еще более странное решение администрации — приостановить оказание многомиллионной военной помощи государствам, поддержавшим войну, из-за их отказа гарантировать американцам полную неприкосновенность со стороны Международного уголовного суда. В итоге получается, что мы проявили одинаковое пренебрежение по отношению как к «старой», так и к новой Европе.

Что касается ООН, то спустя несколько месяцев после вторжения в Ирак выяснилось: лидер главенствующей шиитской общины отказывается даже встречаться с американскими представителями, не говоря уже о том, чтобы принять наш план выборов. В результате Вашингтону пришлось упрашивать ООН выступить в качестве посредника. К администрации пришло запоздалое понимание того, что наши действия приобретают большую легитимность, если их одобряет мировое сообщество.

Администрации демократов предстоит подтвердить готовность США применить военную силу (при необходимости — в одностороннем порядке) для защиты своих жизненных интересов. Но для нас нет более важной задачи, чем восстановление морального и политического авторитета Америки в мире, чтобы в нужный момент мы могли убедить других присоединиться к нам. Столь крутой поворот требует выработки нового стратегического соглашения с нашими ближайшими союзниками, в особенности на европейском континенте. Вашингтону следует начать с простой декларации нашей политической программы: в борьбе с глобальными угрозами Соединенные Штаты будут в первую (а не в последнюю) очередь действовать в согласии с союзниками. Предлагая союзникам присоединиться к нам в военных операциях или восстановительных работах по государственному строительству в таких странах, как Ирак и Афганистан, мы должны быть готовы разделить с ними не только связанный с этим риск, но и право принятия решений. Именно так мы действовали, когда НАТО вступила в войну в Боснии и Косово, и именно об этом нынешняя администрация столь безответственно забыла, когда НАТО в соответствии со статьей о коллективной обороне предложила США свою помощь в Афганистане. Среди обязательств Америки в подобном соглашении должна также присутствовать необходимость последовательно уделять особое внимание подлинно глобальным приоритетам, в первую очередь борьбе с терроризмом, не отвлекаясь на частные идеологические разногласия по таким вопросам, как Киотский протокол, Международный уголовный суд и Конвенция о запрещении биологического оружия.

Подход администрации демократов к разрешению споров вокруг договоренностей с Европой должен отличаться прагматизмом и концентрироваться на том, чтобы устранять недостатки в существующих соглашениях, а не аннулировать эти соглашения. Международное право само по себе не гарантирует соблюдения содержащихся в нем положений и не решает никаких проблем. Но когда наши цели находят свое воплощение в договорных документах, мы можем в случае их нарушения заручиться международной поддержкой. К тому же ничто так не подрывает авторитет Соединенных Штатов, как представление о том, что Америка возомнила себя слишком могущественной, чтобы быть связанной нормами, которые сама же проповедует всем остальным.

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

В рамках нового соглашения с союзниками Соединенные Штаты должны возобновить усилия на том направлении, которое во всем мире справедливо считается залогом долгосрочных перемен на Ближнем Востоке. Речь идет о разрешении палестино-израильского конфликта. Пока конфликт продолжается, арабские правители будут использовать его как отговорку, чтобы не проводить реформы и уклоняться от открытого сотрудничества с США в борьбе с терроризмом.

Возможно, что в создавшемся на данный момент положении односторонние действия Израиля, направленные на обеспечение собственной безопасности, являются неизбежной мерой. Уже более трех лет народ этой страны подвергается беспрецедентно жестокому террору. Но действия, предпринимаемые израильским правительством, должны стать не иллюзорным финалом, а лишь этапом на пути к переменам в палестинском руководстве, которые могли бы способствовать переговорам и достижению взаимного соглашения. Если вывод израильских войск с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа будет согласован с палестинцами, если израильская «стена безопасности» будет рассматриваться как временная мера, вызванная соображениями безопасности и демографии, а не стремлением захватить чужие земли, сохранится надежда на реальное решение этой проблемы. Если нет, пустое пространство, образовавшееся после вывода войск, превратится в несостоявшееся прибежище террористов под предводительством радикалов из ХАМАС. При подобном устрашающем сценарии палестинцы продолжают свою самоубийственную стратегию террора, следствием чего станет не оттеснение Израиля к морю, а принятие им более радикальных и жестких решений. Долгая война «на износ» обернется для Израиля еще большим разобщением и утратой иллюзий. Целое поколение детей в регионе вырастет с убеждением, что США — это проблема, а не решение.

Американская политика в отношении палестино-израильского конфликта традиционно покоилась на двух столпах. Мы — самые стойкие союзники Израиля. И мы — честный посредник для обеих сторон. Это не сделало нас беспристрастными, скорее наоборот. Мы весьма заинтересованы в достижении такого соглашения, которое одновременно гарантировало бы безопасность Израилю и достойную жизнь палестинцам. Администрация демократов должна будет со всей энергией и решимостью вновь обратиться к этим принципам. Она обязана стать надежной опорой Израиля в его борьбе с

терроризмом и помочь палестинцам освободиться от своих лидеров, которых мало что заботит, кроме собственного выживания. Ей также следует показать пример международному сообществу, предложив реалистичную концепцию будущей жизни палестинцев при условии, что они признают факт существования еврейского государства Израиль и будут уважать его безопасность. Нужно наметить также концепцию создания двух государств, при которой палестинцы что-то выигрывают, а что-то теряют. Ставки очень высоки, и без участия США никакой прогресс невозможен.

Когда мы вновь присоединимся к мирному процессу и приступим к упрочению ослабленных связей с союзниками, чего попросит у них взамен президент-демократ? Прежде всего, реального направления воинских контингентов и финансовой помощи в Афганистан и Ирак. НАТО согласилась, наконец, возглавить расширенную миротворческую миссию в Афганистане, и теперь существует острая необходимость укрепить европейскими силами американское присутствие, чтобы предотвратить возвращение хаоса, бросающего вызов нашим интересам. Наряду с Пакистаном Афганистан остается передовой линией борьбы с террором. Но при нынешних взаимоотношениях с нашими союзниками по ту сторону Атлантики немногие европейцы поддерживают идею отправки войск в Афганистан для выполнения опасных миссий. Если новая администрация хочет восстановить безопасность в Афганистане и облегчить бремя, которое несут сейчас американские солдаты, ей придется заняться решением этой проблемы.

Ираку также потребуется, чтобы в решении его судьбы приняло участие целое поколение представителей международного сообщества. Независимо от того, была ли оправданна эта война, сегодня все глубоко заинтересованы в успехе Ирака. Раскол иракского общества по этническим или религиозным причинам приведет к дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и подстегнет радикальные движения, представляющие угрозу для современного мира. Стабильность и демократия в Ираке, напротив, стимулировали бы процесс реформ во всем регионе. Для этого потребуется длительное участие в восстановлении и политическом развитии Ирака наряду с активной позицией в военных вопросах. А она подразумевает, что международные контингенты не будут безвылазно оставаться на базах и в казармах, передоверив обеспечение безопасности плохо подготовленным иракским службам. Но под-

держание военного присутствия на таком уровне невозможно, и будет считаться нелегитимным в глазах простых иракцев, если на него не будут смотреть, как на подлинно международный, а не исключительно американский проект.

Вся ирония в том, что односторонний подход администрации Буша позволил нашим союзникам остаться в стороне: дал им повод уклониться от того, чтобы взять на себя ответственность по данному и ряду других глобальных вопросов. Демократическая администрация не стала бы оттеснять союзников на второй план, когда речь идет о вопросах, которые представляются им важными. Взамен она получила бы право требовать от них гораздо больше, будь то их вклад в стабилизацию Ирака и Афганистана, демократизация на Ближнем Востоке или предотвращение распространения и потенциального применения ОМУ.

ПРЕДОТВРАТИТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПРИШЛОСЬ УПРЕЖДАТЬ

Когда администрация Буша доказывала необходимость вторжения в Ирак, один из аргументов президента гласил: Соединенные Штаты не могут ждать, пока угроза применения ОМУ станет неизбежной. Но общий подход администрации к борьбе с распространением ОМУ противоречит этой логике.

Демократической администрации следует использовать все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы предупредить возникновение угрозы ОМУ, прежде чем применение военной силы станет единственно возможным решением. Наиболее верное средство, к которому Вашингтон может прибегнуть уже на раннем этапе, дабы предотвратить попадание смертоносных материалов в руки террористов или стран-изгоев, — это обезвредить такого рода материалы в месте их изначального нахождения. Но нынешняя администрация проявляет мало интереса к ускорению или расширению соответствующих программ. В начале президентского срока Джордж Буш-младший пытался даже урезать расходы на программу Нанна — Лугара по совместному сокращению угрозы, предназначенную для стран бывшего Советского Союза. При наших теперешних темпах потребуется 13 лет, чтобы повысить безопасность всех российских объектов, на которых размещены плутоний и высокообогащенный уран. Увеличение суммы финансирования программы Нанна — Лугара позволит сделать то же самое за 4 года. Но и за пределами России работают десятки исследователь-

ских реакторов, в которых хранится сырье для производства радиологического или ядерного оружия. Нам следует возглавить глобальное движение, направленное на то, чтобы повсюду в таких местах была обеспечена безопасность ядерных материалов.

Единственная страна, которая, по нашим данным, имеет возможность и предположительно намерение продать террористам полноценное ядерное оружие, — это Северная Корея. Но президентская администрация с необъяснимым спокойствием наблюдала за тем, как КНДР неуклонно продвигалась к тому, чтобы стать первым в мире ядерным «Уолмартом» (сеть знаменитых американских супермаркетов, — **Ред.**). Сегодня Пхеньян способен производить и потенциально продавать до 6 ядерных единиц в любой конкретный момент. А к концу текущего десятилетия эта цифра, вероятно, составит 20 ядерных единиц — показатель, превышающий даже самые мрачные прогнозы разведки относительно Ирака. И мы не знаем, сколько плутония переработано в пригодное для применения ядерное топливо за последние полтора года, с тех пор как Северная Корея выслала международных наблюдателей. А мы всё это время обсуждали вопрос о форме стола для переговоров.

Администрация демократов должна будет в кратчайшие сроки внести ясность в вопрос, собирается ли Ким Чен Ир превратить Северную Корею в ядерную фабрику или готов вести переговоры о присоединении страны к мировому сообществу. Официальным представителям США следует выступить с серьезным предложением, согласно которому Северная Корея осуществляет всеобъемлющую и контролируруемую нейтрализацию своих ядерных программ в обмен на экономическую и политическую интеграцию в мировое сообщество, и быть готовыми к обоюдному выполнению данной договоренности, как только будут согласованы ее основные положения. Мы должны быть готовы к положительному ответу. И если Пхеньян ответит «нет», Южная Корея, Япония и Китай присоединятся к нашим силовым операциям, только будучи убеждены, что мы предприняли серьезную попытку и сделали все возможное, чтобы избежать конфронтации. Наихудший вариант развития событий таков: нищая Северная Корея поставляет ядерное оружие «Аль-Каиде», ХАМАС или чеченским боевикам, которые затем наносят удары по Вашингтону, Лондону или Москве.

Такой же план «открытых действий» необходим и в случае с Ираном. В обмен на полный отказ Тегерана от ядерных амбиций и

терроризма ему публично предлагается установить нормальные отношения. И если руководство Ирана отвернется от такого предложения, лишив людей возможности осуществить свои надежды, это приведет в движение внутренние механизмы самого иранского общества. У нас есть и другие претензии к Ирану и Северной Корее, в том числе связанные с творящимися там вопиющими правонарушениями. Но эти проблемы будет решить легче, если мы сначала выведем обе страны из изоляции.

Демократической администрации следует стремиться к дальнейшему укреплению международных правил, запрещающих распространение ОМУ. Существующий Договор о нераспространении ядерного оружия способствовал установлению одной важной нормы международного права. В рамках этого договора с 1975 года Южная Корея, Аргентина, Бразилия, Тайвань, ЮАР, Казахстан, Белоруссия, Украина, а теперь и Ливия дали обратный ход и отказались от своих ядерных программ. Но договор по-прежнему несовершенен, поскольку ничто не препятствует следующему сценарию. Эти страны разрабатывают все составляющие ядерной программы, а затем, не неся никаких штрафных санкций, выходят из договора, как только они смогут приступить к работам по обогащению урана или производить плутоний для ядерного оружия. Мы должны добиваться новой договоренности. Ядерные державы, такие, как США, должны помогать неядерным странам в развитии ядерной энергетики и снабжать их ураном. Но они обязаны и держать под контролем все стадии топливного цикла, изымая отработанное ядерное сырье и обеспечивая ему надежное хранение, дабы предотвратить использование его для производства оружия. (Несомненно, существует риск, связанный с местом и способом хранения топлива, однако свободной от риска альтернативы не существует.) К любой стране, пытающейся выйти за рамки этой строгой системы контроля, должны автоматически применяться санкции ООН. Попытки убедить неядерные государства согласиться с таким вариантом увенчаются успехом только в том случае, если сама Америка подаст пример того, как следует действовать. Это значит, что нужно отказаться от безответственных планов администрации Буша по разработке нового поколения ядерного оружия малой мощности (создающих впечатление, что такое оружие вообще может быть средством эффективного ведения войны) и присоединиться к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Большинство демократов согласны с президентом Бушем в том, что с террористами, а иногда даже и с несговорчивыми режимами следует общаться на языке силы. Вопрос не в том, стоит ли задействовать наш военный и разведывательный потенциал, а в том, как это делать и насколько оперативно нам удастся адаптировать его к тем проблемам и задачам, с которыми сегодня сталкивается Америка.

После завершения холодной войны прошло уже два цикла военных реформ — переход от наращивания гигантских бронетанковых формирований к преимущественному размещению мобильных воинских частей в любых регионах мира и от аналоговых технологий к цифровым информационным системам. Борьба с терроризмом потребует еще одной трансформации в военной сфере. Хотя нам по-прежнему необходим потенциал для ведения войны с применением обычных средств, сегодня придется уже без помощи танков и истребителей находить и уничтожать врагов, прячущихся в тени, зачастую среди простых граждан. По сути, это задача для разведслужб. Новая администрация должна будет провести масштабное переоснащение и модернизацию наших разведывательных агентств, и в том числе назначить нового главу национальной разведки, уполномоченного целиком распоряжаться отраслевым бюджетом, а не пятой его частью, как нынешний директор ЦРУ. Конечно, неизбежны ситуации, когда через испытание войной с терроризмом пройдут и наши вооруженные силы, как это было в Афганистане, Пакистане, Йемене и на Филиппинах. Чего потребует от нас эта война с точки зрения новой доктрины, тактики, обучения и вооружения? Как она изменит организацию нашей военной сферы? Как победить нового противника, не изменяя ценностям, которые защищают наших солдат в военное время и определяют ответ на вопрос, кто мы? Администрация Буша игнорировала эти вопросы. Администрация демократов должна будет на них ответить.

В администрации Буша полагают, что наши войска должны быть задействованы исключительно в случае войны. С самого начала Буш и его команда не принимали концепцию миротворческой деятельности и национального строительства и с большим подозрением относились к идее длительного размещения американских контингентов за рубежом. Это предубеждение легло в основу американской стратегии в Афганистане и Ираке — и обернулось тяжелейшими последствиями. Избавив Афганистан от власти талибов, администра-

ция Буша доверила строительство этого государства тем же самым полевым командирам, которые уничтожали афганскую нацию в начале 1990-х. В Ирак же администрация отправила минимальный контингент, необходимый для того, чтобы нанести поражение противнику, не считая при этом нужным использовать дополнительные войска для занятия и обезвреживания освобождаемых ими территорий. В итоге война сменилась хаосом, который привел к охлаждению отношений войск коалиции с коренным населением, в то время как террористы вновь подняли голову.

Что требуется от демократов, так это чувство реализма: если Соединенные Штаты ввязываются в войну, они должны подготовиться к тому, чтобы после ее окончания, если это необходимо для закрепления успеха, годами сохранять свое присутствие, восстанавливать то, что было разрушено, и работать в связке с союзниками. Где бы то ни было — на Балканах, в Афганистане или Ираке, мы должны уметь продемонстрировать свою стойкость, а не только силу оружия.

Частично проблема состоит в нежелании определенных военных кругов адаптировать наши вооруженные силы к подобным миссиям. Некоторые военачальники опасаются, что если армия разовьет миротворческий потенциал, то гражданским руководителям будет слишком трудно удержаться от того, чтобы не задействовать ее. Но факт остается фактом: за последние десять лет президенты от обеих партий использовали наши воинские контингенты для осуществления по меньшей мере семи крупных постконфликтных миротворческих операций или операций по стабилизации обстановки. Если мы хотим быть хорошо подготовлены в будущем, не стоит отрицать очевидное: нравится нам это или нет, в ближайшей перспективе роль вооруженных сил будет в значительной степени заключаться в осуществлении подобных миссий. Демократической администрации предстоит обеспечить нашей армии организационную структуру, боевую подготовку и вооружение, необходимые для выполнения задач, которые мы поставим перед ней, включая вооруженную борьбу с противником, подавление беспорядков, обеспечение общественной безопасности и защиту гражданского населения. А чтобы с наших военных не спрашивали сверх того, что от них требуется, необходимо гарантировать наличие гражданских институтов — собственных и международных, — работающих в вышеперечисленных направлениях.

Будь администрация Буша больше привержена идее коллективного действия, она могла бы с бóльшим основанием требовать по-

вышения боеспособности от наших союзников по НАТО. Нас не устраивает система разделения труда, при которой мы воюем, а они произносят речи. Мы столкнемся с необходимостью восстановления общества в странах, потерпевших крах, и в странах, переживших военные конфликты, но для нас неприемлема ситуация, когда мы будем вынуждены действовать в одиночку. Нам нужны международные институты, готовые оперативно принимать меры. Мобилизовать в себе такую готовность — первейшая задача ООН, если она стремится сохранить свою значимость. Администрация демократов должна будет возглавить работу по превращению ООН в аналог НАТО в гражданской сфере поддержания мира, с тем, чтобы Объединенные Нации обладали полномочиями, которые позволят задействовать специальные силы стран-участниц — от полиции до социальных работников — и оперативно размещать их в горячих точках планеты.

В БОРЬБЕ ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО

Основной задачей нашей внешней политики должно стать укрепление безопасности Соединенных Штатов. Иными словами, всю нашу мощь следует использовать для борьбы с терроризмом и распространением смертоносного оружия. Однако нам необходимо усвоить один урок, который мы извлекли из событий последних трех лет. А именно то, что наши действия всякий раз будут наталкиваться на сопротивление — даже со стороны друзей, — если мы используем нашу мощь исключительно в целях собственной безопасности, а не для разрешения проблем, в которых заинтересовано мировое сообщество. За некоторыми весьма редкими исключениями (в их число входит инициатива президента по демократизации Ближнего Востока и осознание им того факта, что США должны участвовать в общей борьбе со СПИДом) после 11 сентября 2001 года мы наблюдали, как сужается круг задач, стоящих перед нынешним кабинетом, и перспектива, которой он руководствуется. До 11 сентября администрация проводила национальную политику в области противоракетной обороны. Теперь ее политика сосредоточена на борьбе с терроризмом и отношениях с Ираком. Но у команды Буша по-прежнему отсутствует внешнеполитическая стратегия в полном смысле этого слова, стратегия, соответствующая роли державы мирового масштаба, облеченной глобальной ответственностью. Мы должны снова выйти на ведущие позиции по более широкому кру-

гу вопросов и в большем количестве регионов, руководствуясь при этом расширенным определением национального интереса.

Следующему президенту придется, в конце концов, обратить внимание на Латинскую Америку и восстановить репутацию США как защитника демократии. Эта репутация пострадала из-за отношения президента Буша к ситуации в Венесуэле и на Гаити. Африку следует рассматривать как нечто большее, чем второстепенный участок борьбы с терроризмом. Когда президент обещал послать американские войска в Либерию, а через десять дней после высадки отозвал их обратно, по нашему престижу на континенте был нанесен сокрушительный удар.

В Азии, где проживает более половины населения планеты, происходят поистине тектонические сдвиги в геополитической и экономической сфере. Но Соединенные Штаты демонстрируют странную незаинтересованность в этих процессах. Еще недавно государства этого региона всерьез опасались Китая и связывали свое будущее с Америкой. Сегодня происходит обратное. Китай весьма умело превратил большинство стран Юго-Восточной Азии, включая Австралию, в своих союзников. Его экономика развивается колоссальными темпами. Сегодня Пекин готов решать такие серьезные дипломатические проблемы, как проблема Северной Кореи. Китай все чаще рассматривают в качестве доминирующего фактора в регионе. Богатая нефтью Россия превращается в стабильное государство, она наращивает свой потенциал и укрепляет свои позиции в Азии. Индия после нескольких поколений самоизоляции и поглощенности внутренними делами постепенно открывается для мира. Администрации демократов придется поработать над сохранением статуса Соединенных Штатов в Азии. Ее обязанностью станет стимулирование деятельности в правильном направлении поднимающихся государств Азии, а также восстановление лидирующего положения США в сфере борьбы с региональными кризисами.

Новый президент должен будет также подтвердить интерес США к тому, что происходит во внутренней жизни Китая и России. Ставки огромны: отсутствие политических реформ обернется для Китая экономической стагнацией, при которой страна не сможет удовлетворить запросы сотен миллионов людей, выбитых из привычной колеи переменами. Если Россия не будет с большим уважением относиться к законности и праву соседей на суверенитет, то она не сможет ни привлечь инвестиции, ни привить людям позитивный

настрой. Настоящие реалисты понимают связь между внутренней и внешней политикой. Но администрация Буша по большей части оставила без внимания проблему внутреннего развития России и Китая. Президент Буш ни разу отчетливо не сформулировал всеобъемлющую стратегию отношений с этими странами. Вместо этого он узко сконцентрировал свое внимание исключительно на их деятельности в мировом масштабе.

Президент-демократ столкнется с необходимостью расширить структурные и географические рамки нашей внешней политики, показав миру, что нам понятна простая истина: террор — это зло, но зло не исчерпывается одним только терроризмом. Для огромного большинства людей во всем мире основную угрозу представляет не «Аль-Каида», а локальные вооруженные конфликты, вспыхивающие на почве этнических разногласий, борьбы за власть и ресурсы. А такие бедствия, как нищета, болезни и деградация окружающей среды, каждый год уносят неизмеримо больше жизней, чем террористические акты. Эти проблемы должны быть для нас значимы в той же степени, в какой, как мы ожидаем, будут значимы для других наши проблемы.

Задача Соединенных Штатов — предстать вновь как государство-миротворец. Америке следует активно участвовать в разрешении конфликтов — от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии, в Центральной и Западной Африке, помогать другим странам в создании их миротворческого потенциала и вместе с союзниками задействовать свои финансы и вооруженные силы, если наши интересы и ценности окажутся под угрозой. Даже если шансы на успех невелики, подобные усилия дадут миру понять, что американский потенциал может быть использован ради общего блага. Демократической администрации предстоит выделить федеральные средства на усиление борьбы на таком фронте, как инфекционные болезни. Несмотря на все красивые заголовки и громкие обещания, нельзя утверждать, что хотя бы один из пяти представителей группы риска имеет доступ к службам, занимающимся профилактикой СПИДа. На 50 больных СПИДом не приходится и одного, кто получал бы необходимые лекарства; в Африке это соотношение составляет 1 к 1 000. Международный фонд борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией обратился к состоятельным странам с просьбой о ежегодных пожертвованиях в размере 10 миллиардов долларов ради спасения миллионов жизней. Америка может и должна пожертвовать

больше положенной ей части, чтобы впоследствии иметь основания призвать другие страны поступить так же.

Демократы также должны будут организовать масштабную международную инициативу с целью обеспечить чистой водой сотни миллионов людей в бедных странах. Их новой администрации следует приложить больше усилий для того, чтобы дети, особенно девочки, в других странах могли ходить в школу. Президенту и его сподвижникам надо попытаться преодолеть «информационное неравенство» — увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными в сфере доступа к новым технологиям. Все эти задачи составят часть личной миссии для президента-демократа. Ему придется поднимать эти темы на каждом международном саммите, в каждой своей речи, призывая лидеров государств и крупных представителей частного капитала приложить больше усилий для решения указанных проблем.

Демократический кабинет должен выступить поборником расширения торговли, являющейся прочнейшим залогом долгосрочного процветания как для богатых, так и для бедных стран. Нужно убедить европейцев прекратить выплаты субсидий своим фермерским хозяйствам, поскольку они разоряют фермеров в развивающихся странах (в государствах Евросоюза на каждую корову приходится в среднем более двух долларов государственных субсидий ежедневно — эта цифра превышает прожиточный минимум большинства африканцев). При этом нам следует проявить решимость и сократить субсидии фермерам в собственной стране. Будущий президент должен будет также принять к сведению, что предприятие, добивающееся роста производства, но забывающее о справедливости, обречено на провал по обоим направлениям. Джин Сперлинг, бывший советник президента Билла Клинтона по вопросам экономики, предложил «новое соглашение о свободной торговле», направленное на расширение открытых рынков параллельно с удовлетворением законных требований трудящихся. Приоритетная роль отводится таким мероприятиям, как финансирование образования и переподготовка персонала до потери рабочего места, предоставление комплекса социальной помощи людям, потерявшим надежду на работу. Кроме того, предлагается внести изменения в политику налогообложения и здравоохранения. В нынешнем виде эта политика делает невыгодным создание новых рабочих мест в США. Также необходимо бороться с нарушением трудовых прав граждан за границей.

Наконец, Соединенным Штатам пришло время заняться решением проблемы изменения климата. Если не остановить глобальное потепление, оно приведет к разрушению мировой экономики и сельского хозяйства, к массовой миграции населения, с лица земли в буквальном смысле будут сметены целые государства. В таком случае пострадают все. Чтобы смело и с готовностью ответить на этот вызов, президенту-демократу нужно стимулировать совместные усилия обеих партий. Это касается, например, акта Маккейна – Либермана об управлении климатом (который был отклонен небольшим числом голосов в Сенате в прошлом году), направленного на сокращение объемов выделения парникового газа. Этот документ способен объединить совместные с союзниками усилия в борьбе за спасение или пересмотр Киотского протокола. Вокруг него будут выдвигаться новые инициативы, нацеленные на решение жизненно важных проблем, таких, как наступление пустыни и уменьшение площади лесов.

КТО МЫ – ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Президент Буш утверждает, что передовая линия войны с терроризмом проходит в Ираке и что лучше бороться с врагами в Багдаде, чем в Балтиморе. Подобная формулировка ошибочна в самой своей основе. Сегодня фронтовая линия пролегает повсюду, где имеется американское присутствие, и особенно там, где оно не приветствуется. Данная реальность требует от нас определиться, кто мы, и сделать это так, чтобы в результате в изоляции оказались наши враги, а не мы сами. Во времена холодной войны американские лидеры это хорошо понимали. Конечно, всеобщей любовью Америка не пользовалась, но нам, по крайней мере, удалось создать ряд крепких альянсов, основанных на глубоком осознании общности интересов и связях не только между правительствами, но и между народами. В те годы Америкой восхищались там, где это было более всего необходимо: в странах по ту сторону «железного занавеса», то есть на главном фронте холодной войны. Поляки, венгры, простые русские люди верили нам как защитникам их демократических устремлений. В Восточной Европе не наблюдалось антиамериканских настроений. А ведь если бы они были, то коммунистические правительства могли использовать их для противостояния Америке, которая призывала к реформам, а экстремисты эксплуатировали бы такие настроения в своих целях. Представьте себе, к чему это приве-

ло бы. Каков был бы исход холодной войны? Могла ли в таком случае идти речь о крушении советской империи? А если да, то какой режим пришел бы ей на смену?

Именно с такими вопросами мы сталкиваемся сегодня на Большом Ближнем Востоке и в других регионах мира. У нас есть грубая сила, чтобы утвердить свою волю там, где это потребуется, и в подавляющем большинстве случаев мы применяли ее с добрыми намерениями. Но кто бы ни стал президентом, нам следует для достижения наших целей гораздо чаще прибегать к силе убеждения, нежели мускулов. Кто согласится встать на сторону Америки, если мы не пытаемся защищать нечто большее, чем свои собственные интересы? Кто будет по доброй воле сотрудничать с нами, если мы требуем сотрудничества только на наших условиях? И если нам все же удастся изменить статус-кво в исламском мире, как мы это сделали в Восточной Европе одно поколение тому назад, какой режим там установится, если роль США как лидера отвергнута даже теми, кто сам стремится к переменам в обществе?

Положительным моментом является то, что мировое сообщество с готовностью приветствует возвращение Соединенных Штатов к своей традиционной роли лидера. Большинство стран по-прежнему гораздо больше беспокоит возможное проявление изоляционизма со стороны Америки, нежели унилатерализма. Мы можем использовать подобные настроения для формирования новых коалиций, направленных против терроризма и оружия массового уничтожения, в пользу создания более свободного и безопасного мира.

Но недостаточно только ставить перед собой благородные цели. Соединенные Штаты нуждаются в лидерах, способных гарантировать, что наши средства не будут дискредитировать наши собственные цели. Нам нужен дальновидный реализм, свободный от идеологических шор, разделяющих нас с нашими естественными союзниками во всем мире. Словом, необходимо, чтобы наша сила была, как и прежде, подкреплена моральным авторитетом. Только такое сочетание будет способствовать ослаблению наших врагов и вдохнет надежду в сердца наших друзей.

«Упрямец» Буш и «заговор Голливуда»

Роберт Ричи

Иракский кризис является важной темой кампании по выборам президента США, которые предстоят в ноябре 2004 года. Примечательно, однако, что, несмотря на очень высокую степень политизации избирательной гонки и накал идейной борьбы, подходы Джорджа Буша и Джона Керри к Ираку, по сути, схожи. Ни тот ни другой не намерены покидать этот регион до полной стабилизации, оба выступают за укрепление в мире лидирующей роли Америки как единственной сверхдержавы. Цели двух политиков одни те же — различны лишь средства их достижения.

Линия Буша, прежде всего в Ираке, стала олицетворением предельной неуступчивости, упрямства, негибкости. Нынешний хозяин Белого дома уверен, что все в руках божьих: мол, Господь ему поможет и укажет верный путь. Вскрылось уже множество скандальных злоупотреблений, но всерьез никто не наказан. Коз-

лом отпущения сделают, похоже, бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета, на которого возложат основную ответственность и за неспособность предотвратить террористические атаки 11 сентября 2001 года, и за провалы в Ираке. А главные фавориты Буша и идеологи нынешней администрации — министр обороны Дональд Рамсфелд и его правая рука Пол Вулфовиц — останутся вне досягаемости критики.

Керри практически не использует промахи и провалы действующей администрации на Ближнем Востоке, и эксперты полагают, что ухудшение ситуации в Ираке (если оно продолжится) может отчасти сыграть на руку «третьей силе» — независимому кандидату Ральфу Нейдеру. Он выступает за немедленный и безоговорочный вывод войск и может заручиться поддержкой как левых демократов-пацифистов, так и крайне правых республиканцев-изоляционистов, считающих, что военнотружа-

Роберт Ричи — исполнительный директор американского Центра изучения выборов и демократии.

«Семь недель Джон Кеннеди и Дик Никсон скачут на одном и том же коньке избирательной кампании – внешней политике – в противоположных направлениях. Основной прием Кеннеди и его кампании – атака на республиканцев. На них он возлагает вину за слабость Америки и падение ее престижа за границей [...]

Никсон отрицает, что США занимают второе место в мире. Он утверждает, что в предстоящие годы стране нужен сильный, умелый и знающий лидер, способный вести дела с Никитой Хрущевым (то есть он, Дик Никсон). [...]

Никсон требует перемирия в избирательной борьбе по вопросам внешней политики на время пребывания Хрущева в США. Кеннеди и слышать не хочет об этом.

[...] Оскорбления рвутся в воздухе, как зенитные снаряды. Но весь этот фейерверк почти незаметен за местным горизонтом. Страна поглощена захватывающим зрелищем, развертывающимся в Объединенных Нациях, где в главной дипломатической роли выступает Никита Хрущев.»

Журнал *Time*, сентябрь 1960 года

щим США нечего делать так далеко от дома. Соответственно он способен отобрать голоса у обоих главных кандидатов. В 2000-м либералы обвиняли Нейдера в том, что он расчистил дорогу к власти Джорджу Бушу-младшему, забрав у демократического кандидата Альберта Гора критически важные голоса в «колебавшихся» штатах, таких, как злополучная Флорида.

Нынешние выборы являются, наверное, самыми политизированными за последние сто лет. Страна почти поровну поделена на приверженцев двух ведущих партий. Причина этого кроется прежде всего в особенностях поведения Джорджа Буша и политического стиля команды республиканцев, управляющих в настоящее время страной. Нация видит, что президент слишком привязан к своей партии. После Второй мировой войны у власти в Соединенных

Штатах находились правительства, в которых представители обеих партий успешно сотрудничали. Многие американцы вне зависимости от их политических взглядов считают такую модель более разумной, чем монополизация власти одним человеком или одной группировкой. Возможно, на этих выборах избиратели потребуют, чтобы Конгресс объяснил, почему он позволяет сохранять подобному положению вещей.

Лейтмотивом избирательной кампании 2000 года было: «Избавим страну от демократов, погрязших в распутстве и опозоривших Америку на весь мир!» Девиз же нынешних выборов: «Избавиться от слишком “упертого” Буша». Многие проголосуют за Керри не потому, что он хорош, а потому, что им очень не нравится Буш. Правда, есть и обратная сторона предвыборной ситуации: выступления Керри пока не слыш-

ком убедительны, он по-прежнему мало известен и не забирает себе очки, которые теряет его соперник.

Градус накала межпартийной борьбы очень высок. Демократы обвиняют действующую администрацию в том, что она использует нагнетание угрозы терроризма в качестве своего рода предвыборного трюка. Нацию, мол, запугивают неким невидимым смертельным противником, не говоря, откуда, собственно, исходит эта угроза. Республиканцы в ответ клеймят демократов за применение недостойных методов. Например, таких, как масштабный «заговор Голливуда» против ненавистного ему президента.

Кинематограф действительно играет несвойственную ему роль катализатора политических страстей. За последнее время на экраны Америки вышло несколько картин, которые можно назвать антиправительственными манифестами. Так, фильм «Послезавтра» рассказывает о катастрофических последствиях всемирного потепления. А кто в нем виноват? Конечно, администрация Буша, отказавшаяся в угоду энергетическим компаниям-гигантам поддерживать Киотский протокол! Фильм «Серебряный город» режиссера Джона Сейлеса всячески высмеивает Джорджа Буша-младшего. Но настоящую войну президенту объявил Майкл Мур, писатель и кинодокументалист левых взглядов, фильм которого «Фаренгейт 9/11» получил

«Золотую пальмовую ветвь» на Каннском кинофестивале. Мур атакует Буша по всем фронтам: и за неспособность предотвратить террористическую атаку на Америку, и за якобы имеющие место преступные связи его семьи с лидерами Саудовской Аравии, пригревшими на своей груди террористов.

На самом деле, если бы «заговор» Голливуда действительно существо-

Мур – большой жирный лжец.
Агитпродукция сторонников
Республиканской партии

вал, то все эти киноленты были бы приурочены к самим выборам, а они поступили в прокат в начале лета. Опыт показывает, что американские избиратели всерьез начинают интересоваться личностью претендента и политикой действующего президента лишь в сентябре, когда открываются дебаты между кандидатами. Два предвыборных месяца определяют больше, чем предшествующие полгода.

Так что волна антибушевской кинопродукции свидетельствует не о

наличии продуманной стратегии, а о том, что антиреклама Буша сейчас — настоящая золотая жила для продюсеров и прокатчиков. Эти фильмы могут в какой-то степени воздействовать на избирателей, хотя, конечно, не повлияют на твердых сторонников каждой из партий. Те, кто не любит Буша, получают новые доказательства своей правоты. А те, кто стоит за него, лишь преисполнятся решимостью защитить своего лидера от нападков леваков.

И республиканцы, и демократы более активно, чем во время прошлых кампаний, борются за голоса молодых избирателей, большинство которых игнорируют выборы. Значитель-

но большую роль, чем прежде, играет Интернет. Появилось несколько мощных политических групп, которые активно используют «всемирную паутину». Одна из них, *MoveOn*, оплачивает показ антибушевских клипов на ведущих американских телеканалах в прайм-тайм, организует выступления видных политиков-демократов вроде бывшего вице-президента Альберта Гора. Но сетевые послания тоже адресованы тем, кто уже определился. Совершенно очевидно, что решающую роль в разделенной стране сыграют еще не определившиеся избиратели, число которых на каждых выборах составляет примерно десять процентов.

ПОЛИТ.РУ

«Полит.ру» — официально зарегистрированное независимое средство массовой информации, старейший общественно-политический ресурс русского Интернета.

- новости 24 часа в сутки: все самое важное и ничего лишнего;
- аналитические статьи, комментарии и репортажи;
- эксклюзивные интервью;
- обзоры прессы и телевидения;
- новейшие исследования крупнейших российских социологических и аналитических служб

<http://www.polit.ru>

Стройка века

“ Мы до сих пор не смирились с мыслью, что нам еще долго придется заниматься национально-государственным строительством. Однако интересы США требуют от нас совершенства в деле обучения других наций искусству самостоятельного управления ”

Строительство государств: пособие для начинающих

Фрэнсис Фукуяма

84

Принуждение к демократии: есть ли пределы?

Александр Аксенёнок

98

Иракский кризис и перспективы урегулирования

Ситуационный анализ

112

США и ООН – смешивать не рекомендуется

Сверкер Острём

124

Строительство государств: пособие для начинающих

Фрэнсис Фукуяма

«Я не думаю, что наши войска следует использовать для так называемого национально-государственного строительства. Полагаю, они должны быть задействованы, чтобы сражаться и выиграть войну» (*Джордж Буш, 11 октября 2000 г.*).

«Мы собрались здесь в тот момент, когда вся нация и весь цивилизованный мир переживают критический период своей истории. Часть страниц этой истории была написана до нас, остальные напишем мы... Восстановление Ирака потребует основательных усилий многих наций, в том числе и нашей: мы пробудем в Ираке столько, сколько потребуется, и ни днем дольше» (*Джордж Буш, 26 февраля 2003 г.*).

Превращение Джорджа Буша из кандидата, обладающего устойчивым предубеждением против национально-государственного строительства, в президента, который берется написать историю мятежной части планеты, — одна из самых ярких иллюстраций того, как изменилась политика США под влиянием терактов 11 сентября. При Буше-младшем Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за стабильность и политическое развитие двух му-

Фрэнсис Фукуяма — профессор международной политэкономии в университете Джонса Хопкинса (г. Вашингтон). Бывший заместитель директора Штаба планирования политики при Госдепартаменте США. Автор книг «Конец истории и Последний человек» (1992), «Доверие: общественные добродетели и путь к процветанию» (1995), «Великий разрыв» (2003), *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century* («Государственное строительство: управление и мировой порядок в XXI веке», 2004). Данная статья была опубликована в первом (январь-февраль) номере журнала *Atlantic Monthly* за 2004 год.

сульманских стран — Афганистана и Ирака. Очень многое теперь зависит от нашей способности не просто выигрывать войны, а и помогать строить самодостаточные политические институты демократии и крепкие рыночно-ориентированные экономики. Причем не только в указанных двух странах, но и на Ближнем Востоке в целом.

Нет сомнения в том, что нашему благополучию и всему мировому порядку сегодня угрожают главным образом слабые, терпящие крах или несостоятельные государства. Слабость или отсутствие институтов государственности в развивающихся странах тянут за собой целую цепочку проблем, звеньями которой являются террор, беженцы, СПИД и крайняя бедность. До 11 сентября США чувствовали себя в безопасности и могли игнорировать хаос, происходящий в отдаленных районах мира вроде Афганистана, но в результате образования опасного узла из религиозного терроризма и оружия массового уничтожения периферийные когда-то регионы оказались в самом центре всеобщей озабоченности.

Консерваторы никогда не одобряли так называемых «гуманитарных интервенций», предпринятых в 1990-е годы, в частности, в Сомали, на Гаити, в Боснии, Косово и Восточном Тиморе. Либералов же так и не убедили доводы администрации Буша в пользу вторжения в Ирак. Однако за последние 15 лет США либо в целях защиты прав человека, либо из соображений безопасности неоднократно осуществляли интервенции и после окончания холодной войны в среднем примерно раз в два года предпринимали очередную попытку построить какое-то государство. Мы долго отнекивались, но отныне это является фактом. А нам бы следовало освоиться с возложенной на себя миссией, потому что почти наверняка еще не раз появится повод для национального строительства.

Критики этого вида деятельности доказывают: если под ним понимать создание или воссоздание всей совокупности культурных, общественных и исторических связей, объединяющих людей в нацию, то извне этого никогда не получится. На самом деле речь идет о строительстве государства как действующего аппарата, то есть о создании или укреплении таких государственных институтов, как армия, полиция, судебные органы, налоговые службы, центральные банки, система здравоохранения, образования и т. п.

Этот процесс включает в себя две четко разграниченные фазы, и обе — критические. Первая предполагает принятие мер по стабили-

зации, оказание гуманитарной помощи и ликвидацию последствий катастроф, восстановление инфраструктуры и запуск экономической машины. Вторая фаза разворачивается вслед за завершением процесса стабилизации и предполагает создание самостоятельных политических и экономических институтов, которые в конечном счете позволят обеспечить компетентное демократическое управление и будут способствовать экономическому росту.

Содержание первой из обеих фаз не вызывает вопросов. Несмотря на сопряженные с этой фазой трудности, ее выполнение вполне в пределах возможностей как Соединенных Штатов, так и мирового сообщества в более широком масштабе. (Агентство США по международному развитию, *USAID*, имеет весьма неоднозначную историю поддержки долговременного экономического роста, но при этом вполне эффективно занимается доставкой гуманитарной помощи.) Вторая фаза, переход к самостоятельному развитию, представляет собой куда более серьезную проблему, а в долгосрочной перспективе она выглядит гораздо более важной. Ключевым здесь является слово «самостоятельное»: до тех пор пока пришедшие извне силы не будут способны оставлять после себя стабильные, легитимные, относительно некоррупцированные государственные институты местного происхождения, они не могут надеяться на возможность «красивого ухода».

ОТСУТСТВИЕ ДАРА ПРЕДВИДЕНИЯ

Какие уроки на долгосрочную перспективу мы можем извлечь из накопленного Америкой на сегодняшний день опыта реконструкции в Ираке? Администрацию Буша сурово критиковали за отсутствие адекватного планирования на послевоенный период, но не следует забывать, что национально-государственное строительство по самой своей сути трудноосуществимо. Неожиданный поворот дела не обязательно следствие сбоя в планировании — ведь запастись готовыми решениями проблемы на все случаи жизни невозможно.

Представители администрации настаивают на том, что проделали значительную работу по планированию, но эта их деятельность не получила признание ввиду возникновения непредвиденных обстоятельств. До войны предметом оживленной дискуссии были химическое и биологическое оружие, а также саботаж и пожары на нефтедобывающих объектах. Однако, по всей видимости, иракцы не располагали упомянутыми видами оружия, а в немалой степени

благодаря стремительности оккупации (результат военного планирования, при котором упор делался на мобильность и скорость, а не на численность подразделений и резервы) на нефтяных объектах саботажа не было. Еще до войны около 60 % населения Ирака выжило за счет продовольствия, предоставляемого в рамках Всемирной продовольственной программы ООН, и администрация президента без лишней суеты договорилась с этим органом об обеспечении потока продовольствия для всего населения Ирака во время военных действий. Подробные планы имелись на случай серьезного гуманитарного кризиса, включая исход беженцев, подобного тому, который разразился вслед за войной в Заливе в 1991-м, но ничего страшного не произошло.

За что же в таком случае несет ответственность администрация? Самым важным ее упущением было отсутствие планов на случай непредвиденных обстоятельств ввиду возможности почти полного развала иракского государства. Администрация надеялась обезглавить баасистское руководство и обеспечить новым лидерам быстрый приход к власти. Вместо этого рухнули устои правопорядка. По мере того как разбежалась армия, полиция перестала патрулировать улицы, прекратили функционировать правительственные учреждения. Последствия сложившейся ситуации были значительными. Правительственная инфраструктура физически прекратила свое существование, поскольку министерства были разграблены (причем разворованы двери, туалеты, проводка) и подожжены; поиски оружия массового уничтожения были скомпрометированы мародерством в предполагаемых местах их хранения; для многих иракцев первым впечатлением о «свободе» стали повальная преступность и хаос.

Прецеденты, подобные тем, что были созданы в Ираке, имели место и раньше. Наиболее наглядным примером является американская интервенция в Панаме в 1989 году, когда ущерб от грабежей и беспорядков, продолжавшихся несколько дней, составил миллиарды долларов. Могла ли администрация Буша, будь она более дальновидной, предотвратить широкомасштабный хаос в Ираке?

Возможно. Одним из последствий решения осуществить вторжение очень малыми силами (около 150 тысяч солдат) явилось то, что после завершения основных боевых операций наличного воинского контингента оказалось просто недостаточно, чтобы контролировать всю территорию страны. Чтобы решить эту проблему, нужно было наводнить страну войсками. Однако слишком хорошо известно, что

боевые подразделения не готовы действовать в условиях гражданских беспорядков и выполнять полицейские функции, нередко они усугубляют ситуацию жестким применением силы. США не располагают специально предназначенными для таких целей общенациональными полицейскими силами. Единственным вариантом выхода из положения после завершения боевых действий мог бы быть ввод миротворческих или полицейских частей вроде итальянских карабинеров, канадских миротворческих подразделений или испанской гражданской гвардии.

Однако не будем спешить с выводом о том, что многосторонний подход мог бы предотвратить грабежи в Ираке. Вспомним, что

«В большинстве государств свобода пока не прижилась. И наиболее серьезным вопросом для англосаксонского мира становится возможность распространения идеалов свободы и справедливости в варварских государствах. История учит, что со временем, осознав выгоды свободного существования, эти государства уже не вернутся к деспотизму» .

Чарльз Дилк, идеолог британского колониализма.
«Более великая Британия».
1868 год

прежние международные операции по вводу полицейских сил на Гаити, в Сомали, Боснию, Косово были слабо организованы, а сами части – плохо укомплектованы и в большинстве случаев прибыли слишком поздно, когда наиболее острая необходимость в них уже отпала. Маловероятно, чтобы неповоротливые международные силы полиции могли сколько-нибудь более существенно изменить ход событий. Итальянцы в конце концов послали в Ирак своих карабинеров, но те прибыли уже после того, как повальное мародерство пошло на убыль.

Как показывает исследование, проведенное недавно *RAND Corporation*, в результате предпринятых Америкой за последние 15 лет попыток национально-государственного строительства накоплен значительный опыт решения связанных с этим организационных проблем. Но администрация Буша не сумела воспользоваться накопленным опытом. Наиболее серьезные ошибки в планировании связаны с тем, что организация по послевоенному восстановлению была учреждена в последнюю минуту, что ее не наделили достаточными полномочиями и весь контроль за ее функционированием передали Пентагону, который оказался неспособным к выполнению возложенной на него задачи. В результате эта организация вместо того, чтобы развернуть работу сразу после завершения основных боевых операций, тратила драгоценные недели и месяцы на создание собственной инфраструктуры.

Примерно в августе 2002-го президент Буш подписал приказ, согласно которому был запущен весь механизм военного планирования в связи с предстоящей войной, а к концу года американские войска начали прибывать в район Персидского залива. Но лишь 20 января прошлого года на генерал-лейтенанта в отставке Джея Гарнера были возложены обязанности по координированию работы только что созданного Бюро по восстановлению и гуманитарной помощи (*ORHA*). У него оставалось меньше двух месяцев для объединения усилий различных американских агентств по планированию, перед тем как 17 марта *ORHA* было передислоцировано в Кувейт и начались военные действия. В конце января шесть сотрудников *ORHA* располагались в одном из не оборудованных телефонной связью офисов Пентагона, а всего три месяца спустя в штате *ORHA* числилось более 700 человек — по любым стандартам впечатляющее достижение институционального строительства. Тем не менее без ответа остается вопрос: коль скоро Госдепартамент, *USAID*, ЦРУ и Военный колледж сухопутных сил провели детальную разработку планов на послевоенный период, почему же администрация президента не озаботилась сведением воедино их рекомендаций, как только начался процесс планирования военных действий?

Далее, возникла серьезная проблема с субординацией. Гарнер, возглавлявший гуманитарную деятельность в Курдистане после войны в Заливе, был трехзвездным генералом в отставке и потому не мог отдавать приказы четырехзвездному главе Центрального командования вооруженными силами (*CENTCOM*) Томми Фрэнксу. В середине мая Гарнера сменил высокопоставленный сотрудник международного ведомства в ранге посла, специалист по борьбе с терроризмом Пол Бремер, возглавляющий сейчас Временную коалиционную администрацию, созданную взамен *ORHA*. Бремер — это более заметная фигура. Он пользовался широкой известностью в политических кругах Вашингтона и был там своим человеком, обладавшим гораздо большим авторитетом, чем Гарнер.

К несчастью, общественность восприняла отставку Гарнера как следствие его спорадических и неорганизованных попыток наладить восстановительный процесс. На самом деле, если учитывать обстоятельства, он проделал потрясающую работу. Администрация Буша с самого начала планировала заменить Гарнера более заслуженным и видным руководителем — так почему же Бремер или другой чело-

век того же калибра не был назначен на эту должность еще до начала войны?

Администрация ссылается на то, что осенью 2002 года не имела возможности заниматься вопросами послевоенного планирования, поскольку в то время еще только добивалась одобрения войны мировым сообществом. Однако в этом утверждении сквозит лицемерие. Президент ясно дал понять, что будет действовать с одобрения или без такового со стороны мирового сообщества, и отправил в Персидский залив войска, не дожидаясь решения ООН. А ведь эти приготовления, как железнодорожные расписания фон Мольтке в июле 1914-го, нельзя было взять и отменить. На самом же деле причиной запоздалого планирования и слабости руководства была разразившаяся осенью 2002 года серия межведомственных войн.

ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ – ВЕЛИКАЯ БАТАЛИЯ

Первая фаза национально-государственного строительства – постконфликтное восстановление – крайне трудна, поскольку необходимые средства распылены среди множества правительственных и неправительственных учреждений. Прежние попытки подобного строительства страдали вследствие недостаточной координации как на уровне правительства США, так и на уровне мирового сообщества в целом. Так, в соответствии с Дейтонскими соглашениями военная власть в Боснии принадлежит НАТО, тогда как гражданская власть была распределена между Управлением верховного представителя ООН, ОБСЕ, Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев, Всемирным банком, Международным валютным фондом и Международным трибуналом по бывшей Югославии. Некоторые функции, в том числе создание международных полицейских сил, затерялись в межведомственных зазорах. Внутри американского правительства происходили трения между военными и гражданскими агентствами, которые оспаривали первенство в решении небоевых задач, таких, как демобилизация и полицейские функции.

Американские чиновники, принимавшие в этом участие, извлекли в 1990-х годах несколько уроков, которые администрация Клинтона в мае 1997-го систематизировала в Директивном решении Президента США № 56 (*PDD-56*). Эта директива заложила основы координирования деятельности американских ведомств в связи с возникновением постконфликтных чрезвычайных ситуаций и использовалась в период восстановления Косово после натовской ин-

тервенции 1999 года. Отчасти благодаря более согласованным действиям США национальное строительство в Косово отличалось гораздо более слаженной организацией на международном уровне, чем в Боснии, большей сплоченностью руководства и проходило со значительно меньшими межведомственными трениями.

На начальной стадии деятельности администрация Буша готовилась заменить Директивное решение № 56 новым директивным указанием президента, которое возложило бы ответственность за координацию любой деятельности по национально-государственному строительству на аппарат Совета национальной безопасности в Белом доме. Это была здравая во всех отношениях мысль, но президент так и не подписал проект этого документа — очевидно, по причине упорных возражений со стороны Министерства обороны. Затем произошли события, связанные с 11 сентября, война в Афганистане и последовавшие за ней попытки восстановления страны. При этом у администрации Буша так и не появилось согласованной политической концепции национально-государственного строительства, а попытки восстановления Афганистана многие официальные лица расценили как неудачные.

И вот на фоне этих событий, в ноябре 2002-го, вскоре после принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 1441 Пентагон выступил с «великой идеей»: все планирование на послевоенный период должно осуществляться централизованно и под его руководством. Задержка с назначением координатора по восстановлению произошла как следствие вытекавшей из великой идеи великой межведомственной баталии.

У министра обороны Дональда Рамсфелда было несколько серьезных причин, чтобы претендовать на сохранение за собой руководства процессом восстановления. Предыдущие попытки руководства национально-государственным строительством всегда осуществлялись по двум каналам. С одной стороны, решались вопросы военной безопасности, с другой — через местного посла и Госдепартамент — гражданские вопросы. По мнению Рамсфелда, это разделение полномочий сковывало американские вооруженные силы, поскольку представители гражданской управленческой цепочки никогда не соглашались принять стратегию, направленной на скорый вывод войск, и постоянно требовали от военных выполнения несвойственных им функций — например, полицейских. Согласно Рамсфелду, эта проблема особенно остро стояла в Боснии, где вой-

Саддам Хусейн: «Мои условия таковы... Алло? Алло?»
Карикатура из газеты *Philadelphia Inquirer*, 21 февраля 1991 года

ска США оставались на протяжении семи лет после подписания Дейтонских соглашений, и снова встала в Афганистане, когда американцы вытеснили оттуда талибов.

Между тем Пентагон несколько месяцев спорил с Госдепартаментом и разведслужбами о роли Ахмада Чалаби и Иракского национального конгресса. Крайние позиции заняли, с одной стороны, представители Пентагона, полагавшие, что задачу демократизации Ирака можно целиком переложить на Чалаби, и, с другой стороны, представители Госдепартамента и разведки, которые считали его кандидатуру неподходящей для выполнения какой бы то ни было функции в послевоенном Ираке.

К концу декабря 2002 года Рамсфелд, непревзойденный специалист по бюрократическим играм, взял верх. Президент Буш, ввиду притягательности для него идеи единоначалия, согласился передать контроль Пентагону. Но эта стратегия имела явные недостатки. Пентагон, не располагая достаточным институциональным опытом и потенциалом для осуществления необходимого объема работ по восстановлению, обратился за помощью не по тем адресам. Министерство обороны ведь не держит специалистов по написанию конституций или продюсированию привлекательных телепрограмм,

способных составить конкуренцию продукции каналов «Аль-Джазира» или «Аль-Арабия» в борьбе за сердца и умы арабских зрителей. У Пентагона не налажены отношения с международными неправительственными организациями, предоставляющими гуманитарную помощь. Нет у него и готовых рецептов по координированию работы с ООН и другими международными институтами.

Как только стало ясно, что восстановление Ирака становится процессом более длительным и дорогостоящим, чем ожидалось, в Конгрессе немедленно раздались возгласы в пользу привлечения международной помощи. Но на уровне мирового сообщества отсутствует какой-либо центральный орган, способный взяться за координирование процесса национально-государственного строительства. Решение возложить такую ответственность на ООН, как бы оно ни приветствовалось другими странами, было бы непрактичным. Организация Объединенных Наций не имеет ни опыта, ни ресурсов (кадровых и прочих), чтобы авторитетно руководить реализацией программ подобного строительства. В этих вопросах ООН зависит от основных доноров — США, Евросоюза и в меньшей степени от Японии.

Больше того, еще никто не брался за решение более серьезной проблемы, связанной с проведением второй фазы национально-государственного строительства, — переходом к самостоятельному функционированию местных институтов. Майкл Игнатъевф, эксперт по правам человека, дал запоминающуюся характеристику этой проблемы. В то время как мировое сообщество, пишет Игнатъевф, повторяет как мантру слова «создание рабочей инфраструктуры», реально нередко происходит «высасывание этой инфраструктуры». На места прибывают хорошо финансируемые международные агентства, специалисты-контрактники и представители неправительственных организаций, которых нужно обеспечивать связью для их спутниковых телефонов и портативных компьютеров, а также западными зарплатами. В статье, недавно опубликованной в *Journal of Democracy*, Джералд Кнауус и Феликс Мартин утверждают, что спустя семь лет после подписания Дейтонских соглашений Босния превратилась в «европейский радж» (понятие, которым до 1947 года характеризовалось английское господство над Индией. — Ред.), в котором верховный представитель ООН играет роль вице-короля, правящего колониально-зависимой территорией, не имеющей ни демократии, ни самоуправления. Ни в Боснии, ни в Косово не просматривается стратегия, направленная на

вывод международных сил, потому что это оставит обе страны наедине с теми самыми трудноразрешимыми политическими проблемами, которые первоначально потребовали вмешательства.

Ничто из вышесказанного не означает, что США должны исключить участие мирового сообщества в будущих попытках национально-государственного строительства. Многосторонний подход подразумевает разницу между теми 70 млрд долларов, которые были вложены иностранными державами в войну в Заливе, и 13 миллиардами, которые они обещали пожертвовать на восстановление в этот раз. Мировое сообщество способно предоставить полицейские силы, специалистов по водоснабжению, саперов для обезвреживания мин и другие ресурсы, которые американцы зачастую не могут быстро развернуть в полевых условиях. Необходим постоянный правительственный орган США для сотрудничества с мировым сообществом, настроенный на неизбежно длительную и кропотливую работу.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Опыт администрации Буша в Ираке не научил нас ничему новому в том, что касается национально-государственного строительства; он скорее заставляет нас повторить пройденное, вспомнить некоторые забытые уроки прошлого. Первый из них состоит в том, что это — предприятие не из легких, требующее длительных и серьезных затрат человеческой энергии и ресурсов, а кроме того уносящее человеческие жизни. Если говорить о странах, где подобные мероприятия в значительной степени увенчались успехом (Германия, Япония, Филиппины), то речь идет о тех из них, в которых срок пребывания американских войск измерялся поколениями. Поэтому не стоит и затевать такое дело, если мы не готовы платить по столь высоким ставкам.

При всем том мы сейчас по рукам и ногам связаны обязательствами в Афганистане и Ираке. Вероятно, и в будущем мы продолжим брать на себя обязательства по национально-государственному строительству по той простой причине, что государства-неудачники — не та проблема, которую можно игнорировать. Наличие этой проблемы неизбежно заставляет нас извлекать уроки из недавнего прошлого.

Проблемы, с которыми администрация столкнулась в Ираке, не столько результат каких-то просчетов, сколько вполне предсказуемый побочный эффект от создания непродуманной инсти-

туциональной структуры. Исправление этой структуры должно проходить по четырем направлениям.

Во-первых, Соединенным Штатам необходимо создать центральный орган, укомплектованный постоянным штатом, для управления текущей и предстоящей деятельностью в области национально-государственного строительства. В качестве одного из вариантов, рекомендованных Комиссией по постконфликтному восстановлению при Центре стратегических и международных исследований, предлагается учредить должность директора по восстановлению. Резиденция директора может находиться в одном из правительственных зданий, хотя ее местоположение в Белом доме представляется наиболее логичным, если учитывать деликатный характер межведомственных отношений, с которыми придется иметь дело. (Признав ошибочным передачу Пентагону верховного руководства процессом восстановления Ирака, аппарат Белого дома решил в октябре 2003-го отозвать у него эти полномочия.) Офис директора мог бы служить своего рода копилкой институционального опыта, что позволит нам избавиться от необходимости каждый раз заново учиться тому, что мы когда-то уже проходили.

Во-вторых, этот координирующий орган должен быть облечен достаточными полномочиями, чтобы в случае кризиса удержать под контролем конфликтующие правительственные ведомства. Поэтому необходимо, чтобы был назначен руководитель гражданского аналога *CENTCOM*, отвечающий за послевоенное гражданское планирование, которое осуществлялось бы одновременно и параллельно с военным планированием.

В-третьих, любая постоянно действующая организация, занятая национально-государственным строительством, должна поддерживать связи с подобными агентствами в других странах. Несмотря на положительный опыт операций в Сомали, Боснии и Восточном Тиморе, благодаря которому мировое сообщество лучше справляется с выполнением «строительных» работ, ему также недостает возможностей для сохранения накапливаемого отдельными организациями опыта — и здесь пригодилась бы помощь США.

Наконец, работа по восстановлению должна оставаться исключительно под гражданским контролем — с начала перехода от стадии стабилизации в регионе к построению самостоятельных институтов, которые в конечном итоге дадут Соединенным Штатам возможность «уйти красиво». Решение вопросов о том, как скоро

власть должна быть передана под местное управление, какова должна быть последовательность политических реформ, где и когда можно снизить объемы помощи и уровень присутствия в конкретной стране, нельзя оставлять Министерству обороны, которое всегда будет настаивать на быстром выводе вооруженных сил.

Это стремление станет приобретать все большее практическое значение по мере восстановления Ирака. Доналд Рамсфелд уже сформулировал стратегию «облегченного варианта» национального строительства, которая подразумевает быстрый переход к местному управлению, а также проведение «добровольно-принудительной» политики, предоставляющей местному населению свободу самостоятельно вести поиск собственного пути к хорошему правлению и демократии. Этот подход сомнителен — во всяком случае, что касается конечного результата. Слабое в административном отношении новое иракское правительство не будет восприниматься гражданами как вполне легитимное. Разрываемое внутренними противоречиями, оно окажется объектом коррупции и некомпетентности — вспомним о борьбе между шиитами и нешиитами во Временном управляющем совете Ирака, которая разгорелась по вопросу о проекте новой Конституции. Национально-государственное строительство требует гораздо большего, чем обучение местных полицейских и военных для замены американцев: если эти подразделения не подкреплены прочной структурой из политических партий, судебных органов, гражданской администрации, над которой верховенствует закон, то они обречены на роль пешек во внутренней борьбе за власть. Национально-государственное строительство «в облегченном варианте» рискует оказаться «разумным обоснованием» ухода из страны без оглядки на хаос, который мы после себя оставляем.

Необходимость создания постоянного органа при правительстве США для управления национально-государственным строительством как идею будет нелегко продать на политическом рынке. Мы пока не смирились с мыслью, что нам еще долго придется заниматься национальным строительством. Однако международные отношения перестали быть только игрой великих держав; теперь события внутри малых стран могут иметь огромное воздействие на остальной мир. Наша «империя», возможно, есть нечто преходящее, основанное на демократии и правах человека, но наши интересы требуют от нас совершенства в деле обучения других наций искусству самостоятельного управления.

Король Курдистана.

(Патристическая картина в двух сериях)

Полное сфабрикованной исключенно король Курдистана
Махмуд перешел на сторону турок и их бить с англичанами.
Из жизни.

Рис. Ив. Мазинков.

Англичане так воспевают:
— «Чтоб пресечь возмужность смут

Чтобы турки и не пожули,—
Нужен им король Махмуд!»

Но подаяв Махмуд самостоятельный,
Им приказ такой был дан:

— «Я король самостоятельный!
Турки! Бейте англичан!»

Принуждение к демократии: есть ли пределы?

Александр Аксенёнок

После успешных демократических перемен в Центральной и Восточной Европе и крушения ряда диктатур в Азии и Латинской Америке объектом пристального внимания стал Ближний Восток в широком значении этого географического понятия.

Почему именно ближневосточная почва оказалась столь благоприятной для международной террористической деятельности, прикрывающейся религиозной оболочкой? Для администрации США ответ на этот вопрос поначалу казался простым: мол, большинство арабских, да и вообще мусульманских режимов погрязли в ретроградстве, экономические и политические реформы буксуют либо имитируются, экономическое положение ухудшается, а это создает питательную среду для терроризма и всякого рода экстремистских настроений. Отсюда следовал вывод: срочно требуется демократическое переустройство Ближнего Востока на основе политических реформ и рыночных преобразований, оправдавших себя в других регионах.

Пример Ирака, однако, показывает: односторонние действия по форсированной насильственной демократизации региона чреваты новыми потрясениями. Да и результаты «государствостроительства» с участием многонациональных сил в разных частях света (Косово, Гаити), мягко говоря, противоречивы. Переход от одной общественной формации к другой, более адаптированной к требованиям глобализации, и так слишком болезнен, чтобы стоило усложнять процесс, искусственно подстегивая его.

А.Г. Аксенёнок — к. ю. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, в 1995–1998 годах — спецпредставитель МИД РФ по Боснии и Восточной Славонии, арабист, многие годы проработавший на Ближнем Востоке.

ЗАСТЫТЬ НА НУЛЕ

Обширный регион Ближнего Востока от Атлантики до Персидского залива почти с 300-миллионным населением в последние два десятилетия действительно замедлил темпы своей исторической трансформации. Доход на душу населения застыл на нуле в то время, как в других развивающихся странах с сопоставимой экономикой он составил в среднем 3 %. И это при крайней неравномерности распределения доходов по региону — от 335 дол. США на душу населения в Мавритании до 30 тысяч в Катаре. Доля арабских стран в мировой торговле с 1981 по 2002 год снизилась более чем наполовину (с 9,6 % до 3,2 %), что свидетельствует о слабой интеграции региона в мировую экономику. Неуклонно сокращался объем иностранных инвестиций, снижалась производительность труда. Безработица достигла опасной черты, превысив во многих странах четверть всей рабочей силы. В Алжире, где этот процент гораздо выше, толпы праздно шатающейся молодежи были и остаются резервом для вербовки террористов. Вызвавший острые дебаты второй Доклад ООН о человеческом развитии в арабском мире (2003) высветил три главных препятствия на пути к его дальнейшему поступательному развитию: дефицит свободы, дефицит знаний и дефицит прав женщин.

Политические структуры большинства стран Арабского Востока оказались не менее ригидными, чем экономические. Постколониальный процесс становления независимой государственности завершился к последней декаде прошлого столетия формированием здесь жестко централизованной власти. На ее основе после военных переворотов 1950–1960-х была достигнута политическая стабилизация, сопровождавшаяся формированием национального самосознания в каждой отдельной арабской стране. Идеология арабского национализма с ее лозунгами единства всей «арабской нации» отошла в прошлое. Понятие нации перестало носить абстрактный иллюзорный характер, ассоциируясь все больше с конкретным государством в рамках исторически сложившихся границ.

С точки зрения принятых на Западе формальных критериев либеральной демократии (хотя и там не все так однозначно) установившиеся на Ближнем Востоке политические режимы являются авторитарными. Сменяемость правителей, разделение властей, легальная оппозиция — все это на практике отсутствует. Избирательная система далека от того, чтобы быть признанной свободной и справедливой. Даже в таких более развитых странах, как Египет и

Сирия, институты народного представительства предназначены лишь для осуществления контролируемой сверху процедуры штампования законов. Что касается нефтяных монархий аравийских государств, то здесь (Катар, ОАЭ) наметились робкие сдвиги в сторону модернизации политических структур и большей открытости. Вместе с тем самое крупное государство этого арабского субрегиона, Саудовская Аравия, с момента основания в 1932 году управляется как семейное предприятие при полном отсутствии выборных институтов.

НЕ НАВРЕДИ...

С тем, что в большинстве государств мусульманского региона наблюдается недостаток демократии и свободы предпринимательства, согласны практически все, но вопрос, как изменить такое положение, вызывает острые дискуссии. Первая реакция на американскую инициативу «Большой Ближний Восток» показала, что к идее ускоренного насаждения западных ценностей на мусульманскую почву Европа относится критически, а исламский мир — со скепсисом или полным отторжением.

Амбициозный план переустройства всего региона, от Мавритании до Афганистана — предусматривает целый набор мер по оказанию помощи в подготовке и проведении «свободных справедливых выборов», в разработке законодательства и обучении парламентариев, в создании независимых СМИ, формировании политических партий, неправительственных организаций и других атрибутов гражданского общества, в перестройке системы образования. В экономической сфере предлагаются преобразования, направленные на высвобождение частной инициативы малого и среднего бизнеса, сокращение госрегулирования и либерализацию всего делового климата.

Уже простое ознакомление с инициативой «Большой Ближний Восток» создает впечатление, что ее основные положения скопированы с тех широкомасштабных и в целом удачных реформ, которые за последнее десятилетие были проведены в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. При этом задействованы уже испытанные финансовые каналы — Национальный фонд развития демократии, бюджет которого президент Буш обещал увеличить вдвое — до 80 млн дол., и специальное подразделение Госдепартамента США с бюджетом на 2005-й в размере 190 млн долларов.

Однако такой упрощенный подход к специфическим проблемам Ближнего Востока не соотносится с местными реалиями. Регион имеет свои цивилизационные особенности, свою многовековую историю, глубоко укоренившиеся, отличные от западных менталитет, традиции правления и общественной жизни. Более продуктивно было бы следовать принципу «не навреди», отделяя то, что необходимо реформировать, от традиционных элементов жизни, не препятствующих процессам модернизации.

В отличие от Восточной Европы, которая всегда была восприимчива к политической культуре и историческим традициям Запада, народы Ближнего Востока, прошедшие через завоевательные войны и колониальное правление, сравнительно недавно ощутили вкус национального самоопределения. Если в интегрирующейся Европе такое понятие, как «иностранный вмешательство во внутренние дела», становится ныне архаичным, то на мусульманском Востоке, например, финансирование извне политических партий воспринимается крайне болезненно (это же, кстати, карается законом и в самих США). С точки зрения регионального менталитета и традиций периодическая сменяемость власти через всеобщие выборы и наличие организованной оппозиции означают ослабление централизованных начал и раскол в армии, которая была и остается на Востоке символом национального суверенитета. Государства Ближнего Востока, как бы они ни различались по формам правления, характеризуются сильной верховной и зачастую харизматической властью. Такую власть общественное сознание не рассматривает как автократию, а скорее воспринимает как способ национально-государственного существования. Египет с сильным институтом президентства, Сирия с партией Баас, бессменно находящейся у власти последние четыре десятилетия, Алжир, где по сложившейся практике военные «делают» президентов, арабские монархии парламентского типа (Марокко, Иордания), не говоря уже о Саудовской Аравии, — все это примеры, подтверждающие отмеченную закономерность.

О живучести политических традиций и укладов общества на Ближнем Востоке говорит и неудавшийся опыт первых попыток реформаторства в регионе. Под воздействием англо-французской колонизации конституционное правление с некоторым участием представительных систем сложилось на крупнейших и наиболее развитых территориях бывшей Османской империи (долина Нила, Месопотамия, Палестина) еще в период между Первой и Второй мировыми

войнами. К 50-м годам XX века там сформировались самостоятельные государственные образования — Египет, Ирак, Сирия, политические системы которых были «скроены» во многом по образцу и подобию западных. Многие видные востоковеды признают несостоятельность этих «великих экспериментов». Бернард Льюис в этой связи отмечал: «Политическая система, перенесенная в готовом виде не просто из другой страны, а даже из другой цивилизации, навязанная Западом сверху близким к нему правителям, не могла адекватно соответствовать природе исламского ближневосточного общества». По авторитетному мнению английского востоковеда Эдварда Ходжкина, политические партии, созданные в «арабском климате», представляли собой по преимуществу «головастики — организации с очень большими головами и очень маленькими хвостами».

Арабские политические режимы, сложившиеся в 1950–1960-е как порождение колониальной эпохи, были сметены волной военных переворотов (Египет — 1952, Ирак — 1958, Сирия — 1962 гг.),

Инициатива «Большой Ближний Восток» скопирована с реформ, проведенных в Центральной и Восточной Европе.

которые по их последствиям и степени народной поддержки можно рассматривать как форму национально-освободительной борьбы. При этом решающую роль в кардинальных изменениях на политической карте Ближнего Востока сыграли вовсе не

внешние факторы (конфронтация между Востоком и Западом на поле Третьего мира еще только начиналась). Просто-напросто старые правящие элиты исчерпали ресурс поддержки со стороны собственного народа. Их оторванность от самобытной почвы, проводимая ими политика вестернизации и насаждения либеральных ценностей в неподготовленных для этого обществах вызвали активное недовольство сограждан и во многом обусловили националистический подъем.

Столь же неудачными оказались попытки навязать ближневосточным государствам импортные модели развития в период советско-американского соперничества в регионе. Египет, Сирия, Ирак, Алжир (арабские страны, условно относимые в то время к зонам влияния Советского Союза) отвергли коммунистическую идеологию и строили «социализмы» национального типа. Из советской практики лидеры этих стран заимствовали только то, что помогало им закрепить свое влияние и создавать государства с сильной властной

вертикалью, то есть концепцию правящей партии и принцип верховенства государственного сектора. Между тем эти политические и экономические рычаги работали на Ближнем Востоке и в каждой из арабских стран по-своему. В Египте существовало такое аморфное объединение, как Арабский социалистический союз; в Сирии и Ираке у власти утвердились две ветви расколовшейся Партии арабского социалистического возрождения (Баас); в Алжире задачи правящей партии, прикрывавшей закулисное правление военных, выполнял Фронт национального освобождения. Ведущая роль государственного сектора в экономике также проявлялась здесь иначе, чем при советской командно-административной системе. Осуществленная национализация, конечно, ограничила размеры частной собственности, которая, тем не менее, так и осталась определяющей в производственных отношениях, особенно в таких отраслях, как земледелие, сфера обслуживания, строительство, легкая промышленность, торговля. Рабочая сила в основном была по-прежнему сосредоточена в частном секторе. Доля самого госсектора в сельском хозяйстве, например, Египта за период 1962–1970 годов не превысила 2,7 %, хотя государство направило в сельхозпроизводство 97 % капиталовложений. Примерно аналогичная картина складывалась и в других странах так называемой социалистической ориентации.

Не более удачливы, чем Советский Союз, в насаждении своих моделей государственного устройства и механизмов политической власти были и Соединенные Штаты. Дальше всего демократизационные процессы продвинулись в Иордании и Марокко, хотя внешние атрибуты демократии (парламентаризм западного образца и многопартийность), по существу, мало меняли автократический характер исторически сложившихся в этих странах монархических режимов. Их живучесть и приспособляемость к меняющемуся внешнему миру в значительной степени объяснялись личностными факторами. В период националистического подъема в Иордании и Марокко у власти находились мудрые правители – короли Хусейн и Мухаммед V соответственно, считавшиеся потомками пророка Мухаммеда и обладавшие особой харизмой.

А вот нефтеносный район Персидского залива, находившийся под западным влиянием, стал витриной благополучия и роскошной жизни. Но здесь же возникло опасное противоречие между меняющимся экономическим базисом и застывшей в средневековые политической надстройкой. Ядром абсолютной власти в Сау-

довской Аравии по-прежнему является заключенный основателями этого королевства союз многочисленного семейства Аль Сауд и религиозной верхушки Аль Шейх, следующей жесткой ваххабитской трактовке ислама.

Таким образом, колониальные и последующие опыты реформирования на Ближнем Востоке показали, насколько деликатен и многосложен этот процесс. Рассчитывать на быстрый эффект здесь невозможно. В тактическом плане следует терпеливо продвигаться вперед размеренными шагами, планомерно подготавливая почву для восприятия демократических реформ, повышая культурно-образовательный уровень населения. То есть требуется не ломка отживших устоев, а постепенная, упорядоченная их трансформация изнутри при сохранении национальных традиций — религиозных, общественных, культурных, семейно-бытовых. Содействие процессам модернизации в мусульманских странах должно включать в себя терпеливую, рассчитанную на долгосрочную перспективу работу со старыми и нарождающимися политическими элитами и, что не менее важно, влиятельными религиозными кругами.

ЦЕНА ПРОСЧЕТОВ

Так в чем же причины настороженного, а зачастую и враждебного отношения арабов к переменам, навязываемым извне? В ближневосточных странах, причисленных к недемократическим (Египет, Сирия, Тунис, Алжир, Саудовская Аравия и др.), серьезно опасаются, что раскручивание сюжета об отторжении их режимами реформ используется Соединенными Штатами как предлог для военно-политического давления с целью замены неугодных правителей. Мессианская риторика, исходящая из Вашингтона, только подкрепляет эти опасения. Ирак — не единственный тому пример. Массированное давление и экономические санкции в отношении Сирии и Ирана на фоне более вежливого обхождения со столь же недемократическими Саудовской Аравией, Тунисом, Алжиром подводят арабов к мысли о том, что дело, может быть, не столько в демократии, сколько в политической целесообразности, которая определяется американцами в одностороннем порядке. Вполне обоснованны аргументы ряда европейских представителей, предсказывающих обратный эффект от тактики, построенной на «кнуте». Проведение реформ эволюционным путем в обстановке внешнего нажима представляется еще более затруднительным, а синдром «осажденной

крепости» только лишь льет воду на мельницу противников преобразований.

Для целого ряда арабских стран, лидеры которых осознают необходимость перемен, сдерживающим моментом стал печальный пример других регионов, в первую очередь бывших республик Советского Союза и Югославии. Слишком высокая цена советской «перестройки» и первого этапа демократических реформ в России — распад государства, резкий упадок экономики и хаос политических структур после крушения КПСС — вынуждает мыслящих людей на Ближнем Востоке задумываться над тем, как минимизировать негативные побочные последствия переходного периода.

Не в пользу поспешных реформ по навязанным извне схемам говорит также американский опыт государственного строительства в других странах после Второй мировой войны. По расчетам американских экспертов, из 16 таких попыток только три увенчались успехом — в Японии, Германии и Панаме. Успех в Гаити оказался временным: через десять лет после того как в 1994 году США с помощью 20-тысячного воинского контингента вернули к власти «демократа» Аристиде, они совместно с Францией потребовали его смещения с поста президента, что наконец привело к прекращению кровопролитной гражданской войны в стране.

Перспективы демократических перемен в мусульманском мире во многом будут зависеть от того, чем завершится военная кампания США и их союзников в Ираке. Авторы сценариев послевоенного развития этого государства, похоже, недооценили целый ряд факторов исторического и психологического порядка (американцы никогда не имели сильной востоковедческой школы). С самого начала были допущены политические просчеты, исправление которых дорого обходится иракскому народу, самим американцам и международному сообществу в целом.

Свержение режима, стержнем которого являлось однопартийное правление, вызвало в Ираке коллапс всей политической системы и атрибутов государственности (невольно напрашивается аналогия с развалом КПСС и трудностями перехода России, других постсоветских республик к демократическому правлению). Заполнить вакуум власти оказалось гораздо труднее, чем провести военную операцию. Главная проблема — в поисках приемлемой для большинства политической альтернативы на национальном уровне. Ставка на Временный управляющий совет, где преобладают нико-

му не известные в Ираке представители оппозиции, долгие годы проводившие на чужбине, предопределила изначальное отношение к этому квазиоргану как к марионетке оккупационных держав. Другим раздражителем стали импульсивные решения об увольнении всех военнослужащих и полицейских, в результате чего около миллиона мужчин и членов их семей в одночасье остались без средств к существованию. К ошибкам, мешающим процессу политической стабилизации, следует отнести также объявление вне закона бывшей правящей партии Баас. С учетом того, что члены этой партии имелись практически в каждой иракской семье, такой подход породил чувство коллективной вины, чего, кстати сказать, удалось избежать союзникам по антигитлеровской коалиции и самим немцам после победы над нацизмом во Второй мировой войне. Среди баасистов есть люди, которые не несут ответственности за преступления Хусейна и его окружения и придерживаются вполне умеренных политических взглядов, созвучных западноевропейским социал-демократическим идеям. Чтобы противостоять набирающему силу воинствующему исламу, эту светскую прослойку стоило бы привлечь к стабилизационным процессам, особенно в преддверии готовящихся на будущий год выборов.

И, наконец, отчасти проблемы переходного этапа можно было бы избежать, если бы не произошло резкой смены конфессионального баланса. Преобладание во временных иракских структурах шиитов хотя формально и отражает состав населения, вызывает опасения арабов-суннитов, что уже толкнуло многих из них на путь сопротивления оккупации не столько из верности прежнему режиму, сколько из боязни притеснений и актов мести. Как показали события в Ираке, первоначальная ставка на представителей шиитского большинства, рассчитанная на привлечение к сотрудничеству той части населения, среди которой наиболее распространены настроения исламского радикализма, себя не оправдала. Можно предположить, что разногласия между вдохновителем вооруженных выступлений имамом Муктадой ас-Садром и умеренными лидерами шиитской общины носят скорее тактический характер. Первые как бы забегают вперед, проявляя нетерпение. Вторые, более опытные, предпочитают добиваться власти парламентскими методами, памятуя о подавлении двух шиитских восстаний в прошлом столетии. Поэтому остается под большим вопросом, приведут ли предстоящие выборы к созданию демократического Ирака.

ШАНСЫ НА УСПЕХ

Примеры международного вмешательства с целью принуждения к миру и строительства национальной государственности за последнее десятилетие показывают, что наибольшие шансы на успех имеет многосторонний формат таких действий. Если подобные акции одобрены и контролируются Советом Безопасности ООН, не столь важно, под чьим командованием проводятся операции. Временная администрация ООН в Восточной Славонии (ВАООНВС) во главе с американским отставным генералом Жаком-Полем Кляйном квалифицированно справилась с интегрированием Восточной Славонии в состав Хорватии, проведя демилитаризацию и обеспечив демократические и справедливые выборы в местные органы власти при должном уровне представительства сербского национального меньшинства в местной администрации.

Столь же упорядоченно вот уже на протяжении нескольких лет проводится операция многонациональных сил в Боснии. Хотя эта операция осуществляется под руководством НАТО, она получила поддержку Совета Безопасности, который имеет рычаги воздействия, позволяющие корректировать те или иные политизированные перекосы и принимать важные решения на основе международного консенсуса. Созданные за последние годы с помощью международного сообщества мультиконфессиональные институты боснийской государственности проявляют работоспособность, несмотря на все сложности межэтнических отношений в треугольнике мусульмане—хорваты—сербы. Безусловно, это большой успех миротворчества, достигнутый благодаря одобренным ООН многосторонним соглашениям, наметившим контуры государственности, которую пришлось создавать «всем миром». Вместе с тем до сих пор нет ответа на вопрос, выдержит ли дейтонская схема «государствостроительства» испытание временем. Означает ли сложившаяся благоприятная ситуация наступление подлинного национального примирения? Не распадутся ли хрупкие компромиссы вскоре после ухода из Боснии многонациональных контингентов?

Иначе обстоят дела в Косово, где силовое вмешательство было предпринято без мандата ООН, которая подключилась уже постфактум. Созданные в Косово институты местной власти практически узаконили ущемление прав национального, в данном случае сербского, меньшинства, а вместе с тем и легализовали албанские военнизированные структуры, по-прежнему добывающиеся политиче-

ской цели — независимости — методами террора. В результате такого «демократического строительства» трагедия албанского народа, собственно и явившаяся предлогом для нанесения натовских ударов по Сербии и ввода туда войск, сменилась трагедией сербов. На протяжении пяти лет сотни тысяч сербских беженцев, изгнанных из родных мест, не могут вернуться в Косово, а многонациональные силы не в состоянии урезонить албанских экстремистов.

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Ключевая роль в борьбе с международным терроризмом, и с воинствующим исламизмом в том числе, отводится сейчас военному противостоянию (Ирак, Афганистан), тайным операциям по линии спецслужб, мерам в области безопасности и прочим действиям силового характера. Безусловно, это необходимо и неизбежно, но это лишь одна сторона медали. Другая сторона — конструктивная политическая и идеологическая деятельность — остается, на мой взгляд, недостаточно востребованной. Мусульманские улицы по-прежнему увешаны лозунгами и плакатами, радикально трактующими ислам. В этих условиях для международного сообщества вряд ли продуктивно делить ислам на радикальный и умеренный. Такое искусственное деление может сослужить медвежью услугу тем религиозным деятелям, которые выступают за деполитизацию ислама. Ведь никто из них не может позволить себе открыто заявить о своих умеренных воззрениях — таковы давние традиции. Другое дело, если перевести проблему демократизации в плоскость открытых теологических и светских дискуссий, например, о моделях правления и государственного устройства в мусульманском мире.

Это позволит создать условия для модернизации самого ислама, скованного догматами прошлых веков. По мнению египетского ученого Камала Абуль Магда, «переход от психологического замыкания на прошлом к ясному видению будущего нельзя совершить без решения ряда проблем исламской теории и практики, среди которых одной из важнейших является система правления в исламе».

Все затруднения мусульманских теологов и ученых состоят, по моему мнению, в том, что исламу при всей его универсальности так и не удалось создать сколько-нибудь целостную концепцию государственности. Коран и шариат предлагают в связи с этими вопросами самые общие нормы, которые на практике могут применяться по-разному, в зависимости от меняющихся обстоятельств. Исламское

государство — это миф, который используется в современном мире для достижения политических целей насильственным путем. Созданное на Аравийском полуострове мусульманское сообщество с центром в Медине в его первоначальном виде просуществовало недолго — чуть более трех десятилетий. Но уже с конца VII века стали проявляться тенденции отхода от теократического характера верховной власти, как это было при первых «правоверных» халифах, объединивших в себе духовное и светское начала. На деле вся полнота власти переходила к султанам, хотя на поверхности поддерживалась видимость верховенства «божественной воли». Со временем Арабский халифат превратился в типично восточную деспотию, и уже к началу XX века эта форма государства, искусственно привнесенная из Средневековья в современность, сохранила только номинальное значение, а с распадом Османской империи и вовсе исчезла.

Призывы к обновлению ислама не есть что-то новое, но все они содержат аргументацию, открывающую путь к обоснованию необходимости демократизационных процессов, приданию им, так сказать, религиозной легитимности. Широкое распространение в арабских научных кругах получил в 1970–1980-е следующий подход: первоначальный ислам выработал только основополагающие принципы государственного устройства и политической демократии; что же касается путей и способов их реализации на практике, то определять их должны сами люди. По мнению кувейтского профессора Мухаммеда Фатхи Османа, требуется «четкое разграничение между твердыми основами исламского устройства государственной власти и моделями, подверженными изменениям». В монографии «Политическая система исламского государства» сирийский юрист д-р Мухаммед Селим аль-Ава также предлагал отделить в политическом наследии ислама нормы, которые носят обязательный характер для современных мусульман (ахкям), от тех, которые существовали только в силу исторических условий и теперь утратили силу (хулуль). Так, например, современное государство в Марокко характеризуется как «утонченная смесь традиций ислама и прагматического модернизма».

Наконец, нельзя не учитывать внешнеполитические факторы, не в последнюю очередь влияющие на обстановку в регионе. На нынешний момент психологическая атмосфера на Ближнем Востоке складывается не в пользу демократических перемен. Арабские «верхи» остро ощущают господствующие настроения «низов», которые,

как никогда ранее, все больше приобретают антиамериканскую и в какой-то степени антизападную окраску.

Оккупация Ирака и несбалансированная линия США в израильско-палестинском противостоянии сливаются в сознании большинства арабов в один фронт борьбы за сохранение поруганного национального и религиозного достоинства. После апрельских кровавых событий в Ираке и заявления Джорджа Буша о поддержке плана Ариэля Шарона понадобится немало времени и усилий, чтобы создать внешнюю политическую среду, благоприятствующую проведению реформ изнутри. Внутренний фундамент преобразований, в которых Большой Ближний Восток действительно нуждается, больше всего страдает от целой серии просчетов в ближневосточной политике США, от поверхностного черно-белого отношения к проблемам мусульманского мира в целом. Генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Муса в своем выступлении на Давосском форуме в Иордании (2003) обрисовал складывающуюся ситуацию предельно ясно: «Все арабские страны хотят взаимодействовать с Соединенными Штатами, но они не уверены в намерениях американцев. Мы знаем, что должны меняться, но перемены не навязываются извне, а исходят от самого народа, поскольку демократия — не подарок от США или Европы».

Ситуация на Ближнем Востоке, где накапливается критическая масса внутреннего протеста, смешанного с чувствами разочарования, унижения и злобы, приближается к опасной черте. На протяжении послевоенной истории это был регион межгосударственной конфронтации и военных переворотов. Теперь, когда рамки арабо-израильского конфликта сузились до основной — палестинской — проблемы, возникла «иракская головоломка», осложняющая борьбу с международным терроризмом. Как бы ни относиться к военной акции США в Ираке, к попыткам навязывания демократических ценностей насильственным путем, понятно одно: долг международного сообщества — перейти в конце концов к согласованным действиям по всем взаимосвязанным направлениям, включая антитеррористическое, политико-дипломатическое, идеологическое, культурно-просветительское, духовное и др. Это и будет создавать необходимые предпосылки для демократической трансформации Большого Ближнего Востока естественным путем, без перескакивания через исторические этапы.

«Понять арабов было легко...»

«Бедуины — странный народ. Англичанин может жить с ними только в том случае, если обладает безграничным и бездонным, как море, терпением. Это были настоящие рабы своих привычек, без всяких устоев, запоем пьющие кофе, молоко и воду, любители тушеного мяса и бесстыдные попрошайки табака. Они неделями мечтали о половых наслаждениях, а следующие за ними дни проводили, возбуждая себя и своих слушателей эротическими рассказами. При благоприятствующих условиях они жили бы исключительно чувственной жизнью. Их сила была силой мужчин, огражденных от искушений в силу географических условий: бедность Аравии сделала их простыми, воздержанными и выносливыми. В условиях цивилизованной жизни они, как дикари, не устояли бы перед ее темными сторонами: скупостью, развратом, жестокостью, хитростью и обманом; и, как дикари, они сугубо страдали бы от этого, так как не имели бы противоядия.

Убийство приверженцами суданской «Армии Махди» британского генерала Гордона. Хартум, 26 января 1885 года. Источник: *Mansell Collection*

Как только они догадывались, что мы хотим управлять ими, они становились упрямыми или уходили прочь. Если же мы понимали их и предоставляли им возможность делать то, что им хотелось, они готовы были идти за нас в огонь и в воду. Трудно было бы сказать, окупались ли достигнутыми результатами положенные на них труды. Англичане, привыкшие к более крупным достижениям, не могли и, конечно, не стали бы тратить время и силы, которые каждый день расточали шейхи и эмиры на такое пустое дело. Однако понять арабов было легко, ум их был подчинен тем же законам логики, что и наш, и не было ни основания, ни оправдания, кроме нашей лени и невежества, считать их непонятными и трудно разгадываемыми и оставлять их неисследованными».

Лоуренс Аравийский. «Семь столпов мудрости»

Иракский кризис и перспективы урегулирования

Ситуационный анализ
(руководитель Евгений Примаков)

Нынешнее развитие событий в Ираке является результатом взаимодействия целого комплекса факторов. Каждый из них либо следствие американской военной операции по свержению Саддама Хусейна, либо несет на себе серьезные признаки воздействия этой операции. Особого внимания требует анализ взаимосвязи происходящего в Ираке и избирательной кампании в США, которая вступает в наиболее интенсивную фазу. Эти процессы оказывают влияние друг на друга.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАЦИИ: СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

По единодушному мнению участников ситуационного анализа, вооруженное сопротивление оккупационному режиму не следует отождествлять с борьбой сторонников Саддама Хусейна. После его ареста сопротивление несколько не ослабло, хотя в Вашингтоне рассчитывали на спад сопротивления.

Одним из центров сопротивления и экстремизма в Ираке является «суннитский треугольник», где проживает большинство иракских суннитов и где совершается наибольшее число нападений на американских военных. Сунниты составляли ту часть населения, на которую опирался режим Хусейна. Тем не менее эксперты сошлись во мнении, что сегодня сунниты в целом не представляют собой безоговорочно просаддамовскую силу. Их сопротивление скорее подпитывается опасениями относительно того, что сохранение ок-

Ситуационный анализ проходил в апреле 2004 года в МГИМО (У) МИД РФ под руководством академика РАН **Е.М. Примакова**. Список участников на с. 123.

купационного режима на длительный срок будет способствовать низведению суннитов до положения второстепенного меньшинства. Среди участников ситуационного анализа превалировало мнение, что в Ираке отсутствует сопротивление баасистов в качестве организованного просадамовского элемента. Некоторые из «просадамовцев» действуют по собственной инициативе. Однако в целом партию Баас нельзя считать организованной силой, выступающей против оккупации, и тем более центром, способным сплотить различные силы сопротивления. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении садамовской армии, национальной гвардии, федаинов, полиции. Ни одна из этих структур не стала штабом всеобщего сопротивления.

Если бы борьба против оккупации шла под просадамовскими лозунгами, да к тому же с участием уцелевших членов команды Хусейна и тех групп населения, на которые опирался его режим, Соединенные Штаты могли бы рассчитывать на серьезную международную поддержку, в том числе и со стороны ряда арабских государств. Однако в число участников сопротивления оккупации все больше втягиваются широкие слои населения, которые отнюдь не испытывали комфорта при свергнутом режиме.

Особо чувствительными для США являются выступления шиитов. Головная организация духовных лидеров шиитов, вернувшихся из иранской эмиграции, – Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ), лидером которого долгое время был Мухаммед Бадр аль-Хаким. ВСИРИ располагал значительными военными силами (хорошо обученный корпус Бадр). Вначале ВСИРИ не скрывал, что ставит себе целью создание в Ираке исламского государства, но сохранял нейтралитет в отношении возглавляемых США оккупационных коалиционных сил. Затем, однако, влияние стали приобретать группы и организации, взявшие курс на противостояние коалиционным войскам. Прежде всего «Армия Махди», подконтрольная Муктаде ас-Садру, одному из религиозных лидеров шиитского духовенства. В начале апреля, по сути, началась национально-освободительная война шиитов.

Шииты, составляющие более 60 % населения Ирака, подвергались дискриминации во время правления Хусейна. Поэтому, планируя операцию в Ираке, США рассчитывали на их поддержку в создании секуляризованного государства. Но сегодня бои ведутся не только на суннитском, но и на шиитском фронте. По мнению экс-

пертов, борьба шиитов может переживать периоды «приливов» и «отливов», но при сохранении нынешней системы оккупационной власти в ряды участников сопротивления неизбежно будет втягиваться все большее их число. Их теперь уже нельзя считать ни союзниками, ни даже «попутчиками» американцев.

Эксперты объясняют этот факт следующим образом. Во-первых, шииты в целом относятся к американцам крайне недоверчиво. Во время первой войны в Заливе (1991) американцы отказались поддержать шиитов, и выступления последних были безжалостно подавлены Хусейном. Во-вторых, проводя операции против радикалов, американские оккупационные войска подвергли жестокому обстрелу с воздуха и суши два главных религиозных центра шиитов – Эн-Наджаф и Кербелу, погибло много мирных жителей. В-третьих, шииты не согласны с американскими проектами послевоенного устройства Ирака. Они выступают за проведение прямых выборов до 30 июня, что, безусловно, позволило бы им получить убедительное большинство в законодательном органе. В-четвертых, в политическом движении шиитов верх берет радикально настроенная часть, пользующаяся все большей поддержкой в массах. В-пятых, намечается сближение шиитского потока сопротивления с суннитскими.

По мнению участников ситуационного анализа, идея федерализации Ирака и выделения в его составе шиитского автономного образования не обеспечит решение проблемы. Подобная модель может удовлетворить курдов, но никак не шиитов. Прежде всего потому, что шииты населяют не только юг Ирака, но и в значительных количествах представлены и в Багдаде, и в других частях страны. К тому же они в самом деле стремятся взять в свои руки власть в центре.

Федерализация Ирака выдвигает на первый план «иранский фактор». Многие лидеры иракских шиитов находились в эмиграции в Куме (религиозный центр Ирана) и связаны с шиитским Ираном. Автономия иракских шиитов могла бы негативно сказаться и на внутреннем положении в Иране, усилив в нем религиозно-экстремистские элементы. В конечном счете это также способствовало бы усилению тенденции к исламскому государственному устройству и в Ираке. Шиитская автономия представляет для США куда более серьезную опасность, чем модель, при которой шииты составят ядро общеиракского руководства. Ведь даже многочисленное присут-

ствии шиитов в центральных органах законодательной и исполнительной власти будет ослаблено влиянием суннитской и курдской фракций. Курды, например, уже добились включения во временную Конституцию Ирака (от 8 марта 2004 года) положения, согласно которому они получают право вето на принятие любого закона.

КУРДЫ – РЕЗЕРВ ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ?

При подготовке к операции в Ираке США рассчитывали и на «курдский фактор», надеясь использовать в своих интересах не только ненависть курдов к режиму Хусейна, но и вообще противоречия между курдским и арабским населением страны. Ныне для курдов определяющими являются два вопроса: разграничение сфер контроля над богатыми нефтяными районами Киркука и Мосула и возвращение на север страны соплеменников, выселенных при Хусейне. Решение этих двух проблем в пользу курдов резко укрепит их положение и, по мнению большинства экспертов, снимет с повестки дня на ближайшую перспективу требования о создании собственного независимого государства. Курды уже имеют в рамках Ирака автономию, полученную еще при режиме Хусейна.

Однако решить вопрос о присоединении к этой автономии Киркука и Мосула очень трудно, если вообще возможно. Максимум, на что, судя по всему, могут согласиться арабы, — это совместное управление нефтяными месторождениями Киркука и Мосула. Курды такой вариант отвергают: ведь Киркук — древнейший курдский город, который когда-то был историческим и духовным центром курдской цивилизации. Однако после открытия здесь в 1960-х богатых месторождений нефти руководство Ирака взяло курс на арабизацию этих территорий и выселение части курдских поселений. К настоящему времени там проживает значительное число арабов, постоянно происходят вооруженные стычки арабов и курдов.

Во время военной кампании весной 2003 года курдские отряды «пешмерга» активно сотрудничали с силами коалиции. Но в условиях послевоенного урегулирования подобное сотрудничество сохранится только в том случае, если США встанут на сторону курдов в их конфликте с арабами. Это приведет к серьезному осложнению отношений с арабами, причем по данному вопросу шииты едины с суннитами. Так, когда представители США, под руководством которых готовилась временная Конституция, настояли на предоставлении курдам (10 % населения) фактического права вето, приравняв

их к шиитам (60 %) и суннитам (30 %), это вызвало бурное возмущение у всех иракских арабов.

Использование американцами «курдского фактора» в послевоенном Ираке осложняется и положением внутри самого курдского движения. Наряду с Демократической партией Курдистана (лидер — Масуд Барзани) и Патриотическим союзом Курдистана (лидер — Джаляль Талабани) усиливает свое влияние движение «Ансар аль-Ислам». Оно состоит из радикальных представителей исламизированной части иракских курдов и, как предполагается, пользуется поддержкой из Афганистана.

Пространство для маневрирования США по курдскому вопросу в Ираке ограничено и позицией Турции. Изначально Турция отвергала вариант предоставления курдам автономии в федеральном иракском государстве. Но, полагают эксперты, по мере ухудшения ситуации в Ираке Анкара может согласиться с автономией для иракских курдов, но только при соблюдении двух условий: иракские курды не будут требовать создания собственного государства, и в эту автономию не будут включены Киркук и Мосул. Турция опасается, что это может усилить стремление курдов объявить автономию независимым государством.

Часть участников ситуационного анализа считают реальной угрозой Анкары ввести войска на север Ирака, если она сочтет неприемлемой для себя предложенную модель решения курдского вопроса. На такую крайнюю меру Турцию может подтолкнуть угроза целостности собственного государства, в котором проживает крупная курдская община. Укрепление позиций курдов в Ираке чревато активизацией радикальных курдских элементов в Турции. К тому же большую роль для Анкары играет и нефтяной фактор.

ИРАКСКОЕ ПОЛЕ БОЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Американское руководство неоднократно заявляло, что ввод коалиционных войск в Ирак ознаменовал собой новый важный этап войны с мировым терроризмом. Однако утверждения о том, что Хусейн предоставлял приют «Аль-Каиде» или другим исламским экстремистам, были либо дезинформацией, либо ошибкой. Саддам Хусейн — это ярко выраженный националист, который жестоко подавлял все попытки насадить в Ираке радикальную исламскую идеологию и тем более применить ее на практике. Больше того, усиление влия-

ния радикалов-исламистов неизбежно означало бы конец его диктаторского, но секуляризованного режима.

После свержения Хусейна Ирак превратился в своего рода магнит для международных террористов, которые проникают в страну и создают здесь новый плацдарм. Международные террористические группировки, главным образом «Аль-Каида», попытаются как можно дольше сохранять в Ираке ситуацию крайней нестабильности, чтобы закрепиться на территории, которая более удобна в качестве террористического центра, чем Афганистан. Ведь рядом с Ираком расположены ключевые страны региона, в которых сильны экстремистские тенденции.

Таким образом, в состав сопротивления возглавляемой США коалиции в Ираке входят различные элементы. Различны и мотивы их действий. Но есть основания считать, что сохранение оккупационного режима приведет к сближению между разрозненными группами сопротивления.

ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ

Наиболее вероятное развитие событий – раскол иракского общества на коллаборационистов, сотрудничающих с войсками коалиции, и антиоккупационные силы. Но этот раскол будет усугубляться и другими противоречиями. Уничтожение режима Саддама Хусейна сопровождалось разрушением баланса сил между ведущими этноконфессиональными общинами, на котором держались единство и стабильность Ирака. Вакуум власти стремятся заполнить и шииты, и сунниты, и курды.

Эксперты считают, что, несмотря на сближение различных потоков сопротивления, сохраняется вероятность раскола по религиозно-этническому признаку. Это чревато очень серьезной опасностью для страны после окончания оккупационного режима. Не исключена даже угроза развязывания гражданской войны на смешанной политико-религиозной основе.

В ходе ситуационного анализа эксперты обсудили возможности стабилизации в послесаддамовском Ираке и пришли к следующим выводам.

Первое. Стабильность на базе *религиозного устройства* маловероятна. В случае проведения всеобщих выборов большинство в законодательном органе получат шииты, что может способствовать созданию политической системы, аналогичной иранской. Иранский

опыт свидетельствует о том, что такая политическая система способна обеспечить относительную стабильность только на краткосрочную перспективу. В то же время в Ираке достаточно сильны настроения, свидетельствующие о неприемлемости исламских моделей государства и общества. Навязывание таких моделей силой расколает страну. Вместе с тем общая тенденция в арабском мире не усиливает «государственный исламизм».

Второе. Слаба надежда на стабилизацию за счет резкого *увеличения числа иракцев, готовых сотрудничать с оккупационными властями*. Этот вариант возможен, но не сразу, а только в случае появления эффективной политической силы общенационального масштаба, которая взяла бы курс на сотрудничество с США. Гипотетически ядром такой силы, по мнению выступавших, могли бы отчасти стать члены бывшей партии Баас. При прежнем режиме большинство иракцев вступали в эту двухмиллионную партию не по идеологическим, а по карьерным соображениям. Поэтому в ней оказались наиболее активные и дееспособные слои иракского общества. Американцы совершили ошибку, запретив Баас и не стремясь отколоть от нее часть, готовую послужить им политической опорой.

Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) изначально не сумел заручиться поддержкой населения. Потребуются долгое время и резкое увеличение финансовых затрат для того, чтобы возникли реальные предпосылки для стабилизации ситуации в стране.

Третье. Нарастание сопротивления оккупационным войскам во многом вызвано отсутствием значительного прогресса в восстановлении разрушенной инфраструктуры, ростом безработицы, неспособностью оккупационных властей эффективно обеспечивать безопасность. Без решения проблем массовой безработицы и повышения зарплаты невозможно противодействовать озлоблению иракского населения, а следовательно, и усилению сопротивления силам коалиции.

Между тем решение комплекса социально-экономических задач чрезвычайно затруднено. Маловероятно и скорое достижение стабилизации за счет восстановления Ирака как важнейшего экспортера нефти. Чтобы увеличить объемы добычи и экспорта нефти, следует сосредоточить контроль над всем топливно-энергетическим комплексом в руках тех, кто заинтересован в восстановлении Ирака и ясно осознаёт текущие политические задачи. Между тем основная часть запасов нефти находится на севере в Киркуке, а также на юге, населенном шиитами. Восстановление и развитие

нефтедобывающего сектора Ирака требует длительных сроков и огромных финансовых затрат.

Положение усугубляется тем, что после отмены санкций против Ирака свернута гуманитарная помощь в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». Вызывают сомнения и перспективы масштабной иностранной помощи, необходимой для возрождения страны.

Экономическая стратегия до 2005-го, разработанная ВУСИ, предусматривает рост на базе рыночной экономики, включая либерализацию цен, приватизацию, снижение дотаций госпредприятиям. Но данная стратегия основана прежде всего на предполагаемых нефтяных доходах и иностранной помощи, а средств, поступающих из обоих этих источников, может оказаться намного меньше, чем планируется. Отсутствие стабильности и безопасности грозит еще большим спадом экономической активности. Период, в течение которого не удастся достичь более или менее полного удовлетворения внутренних потребностей Ирака в базовых товарах и услугах, может затянуться до пяти лет.

ПЕРЕХОД К КОЛЛЕКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Провал политики единоличного урегулирования иракского кризиса заставил США взять курс на более активное подключение Организации Объединенных Наций к процессу стабилизации. В начале операции президент Буш полностью отрицал возможность такого подхода, но теперь Вашингтон рассматривает эту линию как средство, во-первых, ослабить критику в свой адрес за нелегитимность военных действий в Ираке и, во-вторых, заручиться политической и финансовой поддержкой многих государств — членов ООН. Поворот в сторону ООН расширяет свободу маневра администрации Буша, тем более что антивоенные настроения граждан США постепенно усиливаются в преддверии президентских выборов.

Вместе с тем эксперты выразили единодушное мнение, что американская администрация не пойдет на полную замену оккупационных сил миротворческими подразделениями ООН. Однако в случае дальнейшей эскалации насилия и роста числа жертв со стороны коалиции не исключена вероятность частичной замены оккупационного контингента ооновскими силами.

Замену войск коалиции на контингент НАТО или значительное увеличение числа стран — участниц коалиционных сил под командованием США участники дискуссии признали маловероятными.

Наоборот, в связи с последними событиями в Ираке (массовые выступления шиитов, обострение ситуации в «суннитском треугольнике», взятие в заложники граждан иностранных государств) заметны тенденция отказа союзников США по коалиции от безоговорочной поддержки американской администрации, а также стремление некоторых из них сократить или ликвидировать свое военное присутствие в Ираке. При этом нельзя исключить возможность дополнительного участия в оккупации Ирака государств, недавно ставших членами НАТО и стремящихся укрепить свои взаимоотношения с Вашингтоном.

В июне 2003 года президент США Джордж Буш призвал ряд арабских государств присоединиться к коалиционным силам. Но арабские режимы опасаются, что это приведет к дестабилизации ситуации в их странах, и без того охваченных антиамериканскими настроениями. Эти настроения не в последнюю очередь подогреваются палестино-израильским конфликтом и ролью в нем Соединенных Штатов. По мнению экспертов, США постараются привлечь умеренные арабские режимы к решению задач послевоенного устройства Ирака, но по линии оказания материально-технической помощи. Высока вероятность того, что американская администрация будет стремиться заручиться поддержкой арабских государств при формировании властных структур в Ираке.

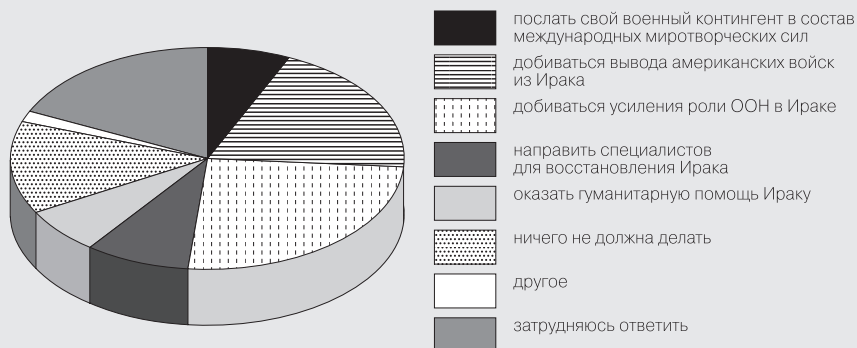
ПОЗИЦИЯ США: ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Резкий рост сопротивления со стороны иракцев уже привел к ужесточению курса Соединенных Штатов. Последующее изменение этого курса будет зависеть от того, насколько эффективным окажется ужесточение позиции и приведет ли оно к положительным результатам. Если да, то Соединенные Штаты, скорее всего, будут менее податливы на дальнейшие уступки международному сообществу. Если же ужесточение не приведет к улучшению ситуации, то Бушу придется идти на очередные компромиссы.

Ситуация в Ираке оказывает влияние на предвыборную гонку в США, хотя главным фактором для американского общества всегда была и остается экономика. Начавшийся экономический подъем, сокращение безработицы, несомненно, работают в пользу избрания президента Буша на второй срок. Но даже в условиях экономического роста его шансы на переизбрание отнюдь не бесспорны.

Как Россия должна защищать свои интересы в Ираке?

(Данные опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2003 г.)

Все участники ситуационного анализа считают очень маловероятным решение Буша вывести американские войска из Ирака до президентских выборов. Очевидно, заявление президента о том, что обострение обстановки в Ираке и увеличение потерь не заставят США вывести свои войска, отражает реальную позицию Белого дома. Вывод американских войск был бы воспринят как поражение политики Буша, что не прибавит ему голосов избирателей. Следовательно, на ближайший период призывы ряда видных представителей американской общественности «немедленно уйти из Ирака» бесперспективны. В этой связи эксперты обратили внимание на особенности общественного мнения в США. Так, согласно авторитетным опросам, даже скандальный провал попыток доказать факт наличия у Ирака оружия массового уничтожения привел к незначительному (в пределах 2–4 %) и краткосрочному падению рейтинга Буша.

Оценивая внутривнутриполитическую обстановку в США, некоторые эксперты утверждали, что в своем стремлении собрать голоса избирателей администрация делает ставку не на изменение своей позиции по Ираку, а на другие средства. Например, после нынешнего, почти двукратного, повышения цен на бензин попытаться сбросить их в преддверии выборов или продемонстрировать «под выборы» арестованного Усамы бен Ладена.

РОЛЬ РОССИИ В СТАБИЛИЗАЦИИ ИРАКА

Россия, бесспорно, заинтересована в скорейшей стабилизации ситуации в Ираке, а также в том, чтобы новым иракским государством управляли сами иракцы. Достичь этого путем вывода из Ирака американских войск без одновременной передачи управляющих функций миссии Организации Объединенных Наций невозможно.

В интересах России – возвращение Вашингтона на позиции коллективных действий в кризисных ситуациях, отказ от политики односторонних действий, ярко проявившейся в отношении Ирака. Однако, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию в США, путь к этому лежит не через поражение Соединенных Штатов в Ираке, а через эволюционный разворот администрации Буша в сторону ООН. Такой разворот уже начался, и суть российской политики, по мнению экспертов, должна заключаться в том, чтобы поддержать его и сделать необратимым. Для этого необходимо активное и в то же время аккуратное, хорошо обдуманное и взвешенное участие России в иракском урегулировании.

Один из наиболее важных ресурсов российской политики – это положительный баланс двухсторонних отношений с различными участниками конфликта. Особое значение имеют доверительные российско-американские контакты на уровне президентов.

В ходе дискуссии неоднократно отмечалась также важность отношений России со странами Европы. Во время последнего иракского кризиса Европа раскололась на противников и сторонников операции США в Ираке. По мнению участников ситуационного анализа, игра на этих разногласиях контрпродуктивна. Роль России может выражаться в том, чтобы закрепить страны Европейского союза, в первую очередь Германию и Францию, на позициях, которые сочетают осуждение односторонних подходов к применению силы против любого государства с активной поддержкой коллективных, через механизмы ООН, действий для стабилизации ситуации в Ираке. Такие действия должны быть не антиамериканскими, а вырабатываться совместно с США.

Не менее существенную роль могут сыграть традиционно хорошие отношения России с арабскими государствами, тем более что позиции по иракскому кризису практически совпадают. Привлечение арабских государств к поиску мирного урегулирования в Ираке, безусловно, должно положительно повлиять на значительную часть иракского населения. Особо отмечена целесообразность кол-

лективных действий по определению тех сил в иракском обществе, которым может быть передана власть. Формой таких действий могла бы стать международная конференция по Ираку.

Эксперты уверены в том, что подобный консенсус следует обязательно вырабатывать под эгидой ООН. Это решило бы проблему легитимности и авторитетности операции по восстановлению Ирака.

Участники дискуссии обратили внимание на то, что потенциал России не ограничивается возможностью проведения переговоров и конференций. Российская сторона способна участвовать и в восстановлении Ирака, включая деловое взаимодействие, особенно в тех отраслях экономики, где работали советские, а затем российские специалисты.

Относительно военного участия Российской Федерации в преодолении кризиса в Ираке эксперты сошлись во мнении, что это возможно только при наличии мандата Совета Безопасности ООН и в случае передачи ООН центральной роли в иракском урегулировании. Но даже при таких условиях возможность дислокации в Ираке российских частей остается под вопросом.

В качестве экспертов в ситуационном анализе участвовали Арбекова Е.В., Балакбаев А.М., Батуева Е.В., Большов Р.А., Дедкова И.В., Зиновский Ю.Г., Иванова С.А., Коноплина Е.С., Константинов К.А., Корзун П.А., Космун В.А., Кузнецова Т.В., Лебедев М.В., Мазурова К.П., Макогонов А.С., Нетёсова Ю.С., Панкратова А.А., Полухина Л.А., Попов А.В., Смирнова Л.Н., Терещенко В.В., Трушкин Э.В., Фуженкова Н.В., Хуснитдинова А.З. В обсуждении принял участие д. и. н. Караганов С.А.

США и ООН — смешивать не рекомендуется

Сверкер Острём

*Перемены в мире в последние годы приняли столь масштабный и калейдоскопический характер, что иногда создается впечатление, будто проблемы, с которыми сталкивается ныне международная политика, совершенно уникальны. Между тем многое из того, о чем так активно спорят сегодня, уже не раз включалось в повестку дня мирового сообщества. В воспоминаниях, вышедших недавно в Стокгольме (Åström, Sverker. Ögonblick. Lind & Co), ветеран шведской дипломатии **Сверкер Острём** приводит примеры различных коллизий из своей более чем полувековой карьеры, на протяжении которой он занимал практически все высшие должности в Министерстве иностранных дел Швеции. Публикуемый ниже отрывок относится к событиям 1958 года, которые остаются поучительными и сегодня, когда вновь, как почти полвека назад, решается вопрос о роли ООН и США на Ближнем Востоке.*

Весной 1958 года на границе Ливана и Сирии, которая в то время вместе с насеровским Египтом входила в состав Объединенной Арабской Республики, произошли беспорядки. Вооруженные люди проникли в Ливан с очевидной целью: поддержать панарабские силы и ослабить позиции прозападного христианского президента Камиля Шамуна или даже свергнуть его. Заменяла угроза гражданской войны. США и Великобритания считали жизненно важным сохранить Шамуна у власти и были готовы в любой момент направить войска на его защиту (впоследствии это и

произошло). Сам Шамун бесспорно желал того же.

Однако США всеми силами стремились к тому, чтобы избежать проведения собственной операции, и приняли предложение Швеции, внесенное в Совет Безопасности ООН (в тот период мы были членами Совбеза), направить в Ливан ооновских наблюдателей, чтобы те взяли ситуацию под контроль и по возможности прекратили проникновение из Сирии. Естественно, мы тесно взаимодействовали с генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршёльдом, который, как только решение Совета Безопасности было принято, быстро

и эффективно организовал соответствующий контингент. По мнению министра иностранных дел Швеции Эстена Ундена, решение Совбеза означало, что ООН брала на себя определенную ответственность за сохранение территориальной целостности и независимости Ливана.

Затем в Багдаде произошел военный переворот, и Шамун, опасавшийся распространения нестабильности из соседней страны, обратился за защитой в Вашингтон. В середине июня американские войска высадились в Ливане с целями, почти полностью совпадавшими с задачей, заявленной контингентом ООН. Но Унден расценил сложившуюся ситуацию как в принципе недопустимую: ООН, по его мнению, не имела права с ней согласиться. Он рассуждал следующим образом: если какое-то государство ощущает угрозу внешней агрессии или внутреннего мятежа, оно имеет полное право обратиться к другой державе с просьбой об оказании военной помощи. Устав ООН не содержит ничего, что могло бы помешать этому. Самый наглядный пример применения данного правила — пребывание американских солдат на территории большинства стран НАТО. В первую очередь это относится к мирному времени. Но в военные действия против другой страны эти войска могут вступить только в том случае, если государство, на территории которого они находятся, под-

Даг Хаммаршёльд (слева) и Эстен Унден

вергается вооруженному нападению и в соответствии со статьей 51 Устава ООН обращается за помощью к государству, которому принадлежат расквартированные подразделения. Унден был убежден, что летом 1958-го правительство Ливана имело все возможные права на то, чтобы пригласить американцев, но при этом (здесь-то и возникает коллизия) должно было отказать от услуг ООН. Потому что в противном случае возникала опасность смешения двух понятий — «ООН» и «США». Организации Объединенных Наций пришлось бы брать на себя ответственность за то, что совершили американские силы, и в конечном итоге ООН утратила бы репутацию организации, стоящей выше интересов отдельных наций. Следовательно, резюмировал с неумолимой логикой

Унден, надо либо отозвать контингент ООН, либо заморозить его мандат до тех пор, пока американцы не выведут свои войска.

И в Швеции, и за границей подобная позиция вызвала изумление, беспокойство и растерянность. Не много нашлось правительств, которые поддержали точку зрения Ундена. Но важнее всего, что как ошибочную, если не сказать катастрофическую, расценил позицию Стокгольма Даг Хаммаршёльд. Курс Швеции в этом вопросе шел вразрез с тем планом, который Хаммаршёльд разработал с присущими ему расторопностью и изобретательностью. Генеральный секретарь исходил как раз из того, что, используя продолжающееся пребывание в Ливане сил ООН, можно было бы постепенно сократить американское военное присутствие и в конце концов сделать его ненужным. Он полагал, что мы в Стокгольме просто сошли с ума, о чем не преминул сообщить шведскому представителю в Нью-Йорке Гуннару Яррингу (один из самых известных шведских дипломатов, посол в Москве с 1964 по 1973 год. — **Ред.**).

Американцы тоже были раздосадованы и оказывали на нас серьезное давление. 17 июля американский посол передал премьер-министру Швеции Таге Эрландеру личное послание президента Эйзенхауэра. В тот же день в Вашингтон был направлен ответ (в то время это де-

лали быстро). Эрландер писал (фактически диктовал письмо Ундену), что с точки зрения международного права Швеция не имеет претензий к американской высадке. Публично мы не высказывали и политического несогласия, «хотя я не собираюсь скрывать, — продолжал Эрландер, — что испытываю серьезные сомнения относительно разумности предпринятых действий».

Данная тема надолго оказалась предметом бурных споров через Атлантику между шведским МИДом и делегацией Швеции в ООН. Я вел бесконечные ночные переговоры с Яррингом, которому было поручено объяснить позицию Хаммаршёльда, так же как мне вменили в обязанность объяснять позицию Ундена. Беседы заставляли меня то в вестибюле какого-нибудь посольства после позднего приема, то в рабочем кабинете в МИДе, то в собственной постели.

Ситуация сложилась пикантная. Непонимание было полным. Хаммаршёльд звонил напрямую Ундену, но тот не отступал и давал распоряжение Яррингу, которому приходилось по указанию министра выступать против своей воли в Нью-Йорке с речью, написанной в МИДе и содержавшей предложение заморозить миссию ООН. Унден пошел еще дальше и дал решительно не согласному с этим Яррингу указание внести проект соответствующей резолюции. И это несмотря на то, что

Советский плакат 1958 года

Хаммаршёльд в телефонном разговоре с ним прямо просил этого не делать. Результат оказался вполне ожидаемым: кроме Швеции проект поддержал только Советский Союз. Далее все пошло так, как желал и планировал Хаммаршёльд. США вывели свои войска, Ливан постепенно покинули и силы ООН.

Надо заметить, что Унден проявил во всей этой истории упорство, граничащее с настоящим упрямством. Поскольку позиция была к тому же недостаточно хорошо мотивирована, она вызывала и внутри страны, и на мировой арене не слишком благоприятную реакцию — недоумение и иронические усмешки. Возможно, следовало бы вести себя более гибко и тонко. Но в то же время я не считаю наши действия ошибкой. Во-

прос был настолько важен, что нашу позицию требовалось обозначить предельно четко. Если мы рассчитываем на то, что ООН в перспективе будет осуществлять операции по сохранению и укреплению мира, ее репутацию как структуры, абсолютно нейтральной и не принимающей ни одну сторону, следует отстаивать любой ценой. Так рассуждал профессор Унден. С этим трудно спорить.

В те дни Ундена особенно занимал один вопрос: как относиться к утверждению Вашингтона о том, что вся его операция является защитной мерой в соответствии со статьей 51 Устава ООН? Унден считал это утверждение опасным. Устав ООН в принципе содержит строгий запрет на применение силы, и статья, о ко-

торой идет речь, — единственное исключение. (Мы не рассматриваем здесь возможность, реализованную во время иракского кризиса 1990—1991 годов, когда военные действия против государства, которое угрожает миру или осуществляет агрессию, санкционируются Советом Безопасности ООН).

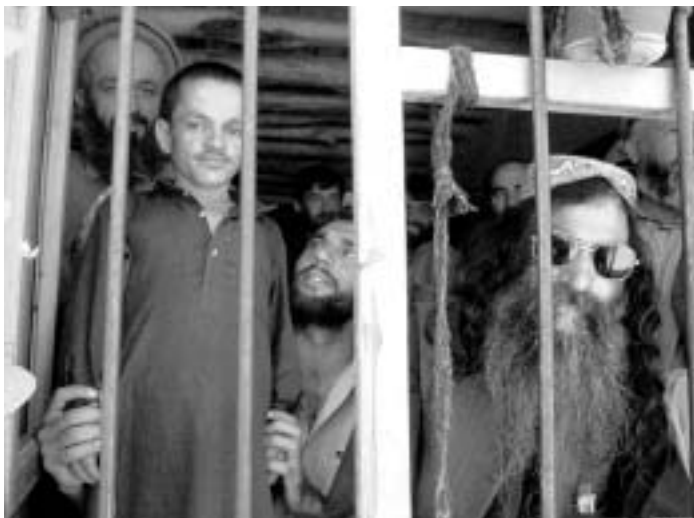
Статья 51 утверждает, что государство имеет право применить военную силу при наличии следующего необходимого условия: оно должно подвергнуться вооруженному нападению. Но в ливанском случае нападения извне не было. Если бы американцам никто не возразил, был бы создан прецедент, которым великие державы могли бы когда угодно воспользоваться против малых стран. В то же время Унден указывал на то, что в данной конкретной ситуации применение статьи 51 совершенно не требовалось. Ведь американские войска прибыли в Ливан с одобрения, даже по прямому приглашению, правительства страны. В международном праве нет норм, которые не позволяли бы любому государству откликнуться на подобную просьбу.

С тех пор Швеция последовательно добивалась соблюдения жесткого

толкования статьи 51. Если использовать ставшее ныне модным выражение, то это стало своего рода национальной доктриной. В своей последней речи в ООН, с которой премьер-министр Улоф Пальме выступал осенью 1985-го в связи с сорокалетием этой организации, он подробно остановился на данном вопросе и предостерег против злоупотребления упомянутой статьей, которое становилось все более обычным явлением. В ряде случаев различные государства уже применяли военную силу против других стран, используя в качестве предлога небольшие инциденты или стычки, которые трактовались как вооруженные нападения. В дальнейшем примерами такого рода злоупотреблений Уставом ООН стали американские бомбежки Триполи в ответ на теракт в ночном клубе в Берлине, в результате которого погибли военнослужащий США и его подруга, а также нападение Израиля на штаб-квартиру ООП в Тунисе в отместку за убийство нескольких израильтян на Кипре. Пальме считал, что в интересах малых стран — совместные протесты против подобной практики, которая на самом деле есть не что иное, как воплощение закона джунглей.

Жизнь после талибов

Фото Аркадия Дубнова

Взятые в плен талибы. Панджшерское ущелье.
Август 2001 года

“ Почти каждый день нас приглашали на какой-нибудь прием. На одном из них я разговорился с зарубежным дипломатом.
— За последние два года Кабул на моих глазах неузнаваемо изменился, — сказал мне дипломат.
— В каком отношении? — спросил я.
— Во всех отношениях. В культурном, в экономическом.
В самом деле, движение Афганистана вперед напоминает торопливый шаг молодого человека, который проспал и теперь, досадуя на себя за это, спешит наверстать упущенное ”

Берды Кербабаев, туркменский советский писатель.
Очерк «В гостях у соседей». Журнал «Дружба народов».
Сентябрь 1960 года

Афганистан «освобожденный»

Кэти Гэннон

130

Афганистан «арендованный»

Аркадий Дубнов

143

Афганистан «ОСВОБОЖДЕННЫЙ»

Кэти Гэннон

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАБУЛ

В 1994 году на улицах Кабула, столицы Афганистана, шли жестокие бои между группировками соперничающих полевых командиров. Удары следовали один за другим, причем часто мишенями становились простые люди. Я видела, как мальчик поднял руку, потянувшись за мячом, и осколок снаряда отсек ему кисть. 13-летняя девочка побежала домой за одеждой и одеялами, которые ее семья не успела взять с собой, в спешке покидая родные стены. Наступив на противопехотную мину, она потеряла ступню. За четыре года боев за Кабул 50 тысяч афганцев (большинство из них мирные жители) погибли, еще больше получили увечья.

В ходе одного особо жестокого нападения были скальпированы пять женщин-хазареек. И совершили это преступление не члены движения «Талибан»; до захвата Кабула этой радикальной исламистской военизированной организацией оставалось еще два года. То были люди Абдул Расула Сайяфа, одного из многих полевых командиров, сражавшихся за установление контроля над столицей. Боевики Сайяфа вели войну долгие годы — вначале против Советского Союза, после того как тот вторгся в Афганистан в 1979-м, а затем, после вывода советских войск, против других группировок моджахедов.

Кэти Гэннон — руководитель бюро агентства *Associated Press* в Афганистане и Пакистане. Агентство предоставило ей временный отпуск для работы в должности сотрудника по делам прессы при Совете по международным отношениям. Пишет об Афганистане и Пакистане с 1986 года. Данная статья, написанная по материалам ее поездки в эти страны в декабре 2003 — январе 2004 года, опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 3 (май/июнь) за 2004 год. © 2004 *Council on Foreign Relations Inc.*

Возвращение англичан из Афганистана. Перевозка раненых на бурдючном плоту (надутые воздушные мешки) по реке Кабул из Джелалабада в Индию. Иллюстрация из журнала «Нива», 1880 год

Даже среди прочих афганских формирований личная армия Сайяфа стояла особняком. В ее рядах воевало больше арабов, чем в какой-либо другой группировке, а кроме того, она поддерживала более тесные финансовые связи с Саудовской Аравией, где были открыты представительства армии Сайяфа. В отличие от большинства афганцев он являлся членом исламской секты саудовских ваххабитов, призывающей к строгому соблюдению норм шариата. Сайяф выступал против присутствия американских войск в Саудовской Аравии и яростно отказывался признать права женщин, не желая встречаться или даже говорить с женщинами, не принадлежащими к его семье.

Через два года после зверств, учиненных над хазарейками, боевики Сайяфа вместе с тогдашним министром обороны Ахмад Шахом Масудом и президентом Бурханудином Раббани были выбиты из города талибами. Однако сегодня многие полевые командиры вернулись в столицу, и теперь они сильны, как никогда. Всего несколько месяцев назад в ходе заседания Лойя джирги (большого совета), созданного для разработки проекта новой Конституции Афганистана, Сайяф встречался с Залмаем Халилзадом, послом США в Афганистане и специальным посланником президента Буша. Стороны отказались со-

общить, о чем шла речь, однако, по распространенному мнению, Халилзад уговаривал Сайяфа поддержать несколько положений Конституции, таких, как сильная президентская власть, гарантии прав женщин, прав человека и защита религиозных меньшинств. В конце концов Сайяф согласился; неизвестно, правда, чего он попросил взамен.

Тем не менее сам факт проведения подобных переговоров вызывает тревогу, ибо отражает слабость нынешней стратегии Вашингтона в отношении Кабула. Америка уверена, что люди, в прошлом причинившие Афганистану столько бедствий, каким-то образом сумеют привести страну к демократии и стабильности в будущем. Однако факты свидетельствуют об обратном. Речь идет об упущенных возможностях, растроченном потенциале доброй воли и пренебрежении к урокам истории.

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Помимо Сайяфа к власти в Афганистане вернулись еще ряд основных полевых командиров, включая Мохаммада Фахима — нынешнего министра обороны, Абдул Рашида Дустума — специального посланника президента Афганистана на севере страны и Раббани — в прошлом президента, а ныне «серого кардинала» афганской политики. Все они разделяют ответственность за чудовищные убийства середины 1990-х годов. У них до сих пор есть собственные армии и собственные тюрьмы, они получают огромные доходы от нелегальной торговли опиумом (в сумме почти 2,3 млрд долларов по стране в прошлом году), от вымогательства и других форм рэкета.

Но теперь эти люди сидят за столом переговоров вместе с представителями США, ООН и другими членами афганского правительства и ведут торг за власть. И Хамид Карзай, временный правитель страны, как представляется, не в состоянии ничего с этим поделать. Ощущение «дежа вю» настолько сильно, что Лахдар Брахими, специальный представитель ООН в Афганистане, недавно заявил: нынешняя ситуация «напоминает события, последовавшие за приходом к власти правительства моджахедов в 1992-м» и приведшие спустя несколько лет к возникновению организации «Талибан».

Почему же все столь быстро пошло не так? Как разгром талибов — большая победа Вашингтона, ставшая, казалось, предвестием возрождения измученной страны, — привел к восстановлению статус кво? Ответ следует искать в событиях сентября 2001 года. Вскоре после нападений на Нью-Йорк и Вашингтон, спланированных и

подготовленных на афганских базах «Аль-Каиды», Северный альянс примкнул к США в борьбе за полное уничтожение террористов и их спонсоров-талибов. Однако в число новых союзников Вашингтона вошли люди, терроризировавшие Афганистан до прихода к власти талибов, причем многие из них исповедовали почти столь же радикальную идеологию, что и само движение «Талибан» (Раббани, будущи президентом в 1992–1996 годах, выдал афганские паспорта более чем 600 арабским боевикам). Вдобавок к этому складывается впечатление, что их альянс с Вашингтоном был в лучшем случае тактическим. «Они всегда были уверены, что найдут способ переиграть нас», — считает Милтон Бирден, главный посредник между ЦРУ и моджахедами в 1980-х.

Проблемы начались еще до переговоров по Боннскому соглашению, подписанному в декабре 2001-го под эгидой ООН. Для освобожденного от талибов Афганистана этот документ должен был стать «дорожной картой» на пути к созданию нового, стабильного, демократического государства. Стороны договорились о том, что Лойя джирга соберется дважды: в первый раз, чтобы избрать временного президента и его кабинет, во второй — принять Конституцию и определить сроки проведения всеобщих выборов. Но в ходе сопровождавшего переговоры торга за посты в новом правительстве три ключевые должности — министров иностранных дел, обороны и внутренних дел — были отданы членам «Джамият-э-ислами» — входящей в Северный альянс исламистской фракции этнических таджиков под руководством Раббани.

Лидеры Северного альянса согласились на назначение главой Переходной администрации пуштуна Карзая, но только лишь потому, что у него под началом не было собственной военной группировки. На практике это означает, что Карзай мало что сможет сделать в плане влияния на тех, кто по-прежнему располагает личными армиями. В должность Карзай вступил как борец за национальную независимость, верящий в то, что Афганистан принадлежит всем афганцам независимо от их этнической принадлежности. Но мало кто из коллег разделяет его точку зрения. Новое правительство состоит из представителей сильных в военном отношении таджикских, узбекских и хазарейских фракций и слабого пуштунского большинства, возглавляемого бывшими эмигрантами, которые недавно вернулись на родину после нескольких десятилетий пребывания за границей, по большей части в Соединенных Штатах.

Видимо, США и ООН полагали, что необходимой опорой Карзаю послужит присутствие в Афганистане контингентов западных войск, которые иногда помогают проводить в жизнь его решения. Но, заявляя о поддержке Карзая, Вашингтон по-прежнему полагается на содействие независимых полевых командиров в поимке оставшихся формирований талибов и «Аль-Каиды». Эта двойственная стратегия лишь усилила бывший Северный альянс, позволив снабдить его американским оружием и деньгами, повысить его престиж. В то же время она привела к подрыву и без того слабых позиций центральной власти в лице Карзая.

Ограниченность власти Карзая и вероломство полевых командиров стали очевидны даже в Кабуле. В Боннском соглашении были четко оговорены сроки перевода личных армий в резерв. Еще до роспуска они должны были оставить Кабул. Боннское соглашение недвусмысленно определило: формирования полевых командиров должны выйти из Кабула до развертывания там международных сил по поддержанию безопасности (*ISAF*) в конце декабря 2001 года.

Однако командиры никогда и не собирались выполнять эти обязательства. 11 ноября, за два дня до ухода талибов из города, Сайяфу по спутниковому телефону был задан вопрос о том, как он относится к требованию США не вводить его войска в Кабул. Сайяф рассмеялся и ответил: «Наши братья будут там». Фахим, ставший впоследствии министром обороны Афганистана, занял похожую позицию. Вскоре после окончательной победы над движением «Талибан» я спросила Фахима, намерен ли он вывести войска из Кабула до прихода миротворцев. Тот твердо ответил: «Нет». Я заметила, что в Боннском соглашении совершенно определенно сказано: к моменту ввода миротворческих сил в Кабул все военные формирования должны находиться за пределами столицы. Ответ снова был отрицательный. Войска Фахима по-прежнему остаются в городе, несмотря на все усилия представителей США и ООН.

Неудивительно, что попытки Карзая повысить свой авторитет и успокоить общество имели столь малый успех. Хотя Карзай заявляет, что простым талибам и представителям пуштунского большинства нечего бояться при новом режиме, непропорционально сильное влияние Северного альянса, в котором доминируют таджики и узбеки, вселяет страх в жителей страны. Этот страх усугубляется небольшой численностью международных сил, размещенных в Афганистане. Так, в американском контингенте на данный момент на-

считывается лишь около 11 тысяч военнослужащих, причем войска США используются только для поиска и нейтрализации боевиков «Аль-Каиды» и движения «Талибан». *ISAF* численностью 6 тысяч человек действует только в пределах Кабула.

ДУРНАЯ КОМПАНИЯ

Так кто же те люди, к которым Вашингтон обратился за помощью в организации поимки Усамы бен Ладена? Глава администрации Карзай перевозносил моджахедов как героев за роль, сыгранную ими в 1980-е в войне с Советским Союзом. Но рядовые афганцы относятся к ним иначе. Когда я была в Афганистане в декабре 2003 года, многие афганцы говорили, что моджахеды лишились права называться героями и стали преступниками, когда в 1992-м взяли Кабул и направили оружие друг против друга и против мирных горожан. Сегодня ответственность за убийства практически полностью возложена на Гульбуддина Хекматъяра, бежавшего в Иран в 1996 году и ныне ведущего борьбу против центрального правительства. Это он, стремясь заполучить больше власти, обстреливал Кабул в 1992–1996 годах. Но сами афганцы, пережившие то время, знают, что все фракции виноваты в случившемся. Именно Сайяф, а не Хекматъяр сказал однажды, что Кабул следует стереть с лица земли, потому что все, кто оставался в городе во времена правления коммунистов, сами являются коммунистами. Люди Сайяфа, как и боевики Ахмад Шаха Масуда и его заместителя Фахима, прославились зверствами, проводя в начале 1990-х жесточайшие операции против мирного населения.

Вашингтон, со своей стороны, кажется, осознаёт, с кем имеет дело, однако, по-видимому, американцев не тревожат прошлые деяния их партнеров. «Я не отрицаю: некоторые из них совершили чудовищные преступления», — сказал мне Халилзад в декабре (2003 года. — Ред.). Мы беседовали в сильно укрепленном здании американского посольства в Кабуле. «Вопрос в том, надо ли здесь и сейчас сталкиваться с ними лицом к лицу, или лучше прибегнуть к стратегии маневрирования. ...Если они изберут порочную линию поведения, мы можем перейти от одной тактики к другой». Не совсем понятно, однако, что, по мнению Халилзада, квалифицируется как порочное поведение. Полевые командиры уже два года пребывают у власти, и Афганистан постепенно деградирует, превращаясь в подобие наркогосударства, которое может выйти из-под контроля. Командиры не только замешаны в контрабанде наркотиков и

коррупции, но и, согласно данным Афганского комитета по правам человека, повинны в жестоком обращении с согражданами и преследовании населения. Они отбирают у людей дома, бесосновательно арестовывают неугодных и пытаются их в своих личных тюрьмах.

Те, кто открыто выступает против моджахедов, подвергают себя опасности. Симе Самар, возглавляющей ныне этот комитет, а в прошлом — Министерство по делам женщин, угрожали смертью за то, что она осмелилась критиковать полевых командиров. То же случилось и с человеком, публично осудившим их действия во время первой Лойя джирги. Он был настолько напуган, что впоследствии попросил политического убежища для себя и своей семьи. В декабре прошлого года, в ходе второй Лойя джирги, 25-летняя Малалай Джойя, социальный работник из глубоко консервативного юго-западного региона страны, отважилась со сцены развенчать «героев-моджахедов», заклеив их как преступников, погубивших ее родину: «Они должны предстать перед афганским и международным судом». В ответ председатель Лойя джирги Сибгатулла Моджаддеди — и сам в прошлом боевик-моджахед — пригрозил вышвырнуть ее вон, потребовал извинений (девушка извиняться отказалась, хотя от ее имени это сделали другие) и предоставил Сайяфу 15 минут для ответной речи, в которой тот назвал людей, подобных Малалай, преступниками и коммунистами. По заявлению представителей «Международной амнистии», впоследствии Малалай Джойе угрожали смертью.

У моджахедов хорошо получается притеснять собственных сограждан, однако им не очень удается справиться с задачей, поставленной Вашингтоном: захватить или уничтожить остатки формирований «Аль-Каиды» и талибов. Пока военизированные подразделения, принадлежавшие отдельным группировкам, терроризировали мирное население, талибы начали оправляться от удара и перегруппировываться, особенно на юге и востоке страны. К примеру, представители правительства и афганские сотрудники гуманитарных миссий в юго-восточной провинции Забул сообщают, что 8 из 11 районов Забула в основном контролируются талибами. В то же время значительная часть разведывательных данных о движении «Талибан», предоставленных полевыми командирами, оказалась неверной. Например, в декабре прошлого года в результате нанесенных американцами ударов по местам, где предположительно располагаются базы талибов и «Аль-Каиды», погибли 16 мирных жителей, из них 15 — дети. По мнению Бирдена, проблема заключается в том, что «американцы недос-

таточно дальновидны, чтобы не дать себя провести. На самом деле Запад в целом немного значит [для полевых командиров]».

Бирден предупреждает: вполне вероятно, что полевые командиры и лидеры фракций больше не захотят сотрудничать с США, поскольку в ближайшее время накопят достаточно ресурсов для того, чтобы действовать самостоятельно. Ведь они «имеют доход от маковых плантаций в размере более чем 2,6 млрд долларов и еще пару миллиардов, получаемых на регулярных контрабандных поставках... В какой момент мы станем им больше не нужны? При таком потоке денег вопрос лишь в том, когда они посмотрят на нас... и скажут: “Большое спасибо, нынешнее положение нас вполне устраивает. У меня есть большой дом, своя армия, так что лучше не трогайте меня”?».

ПОКИНУТЫЕ АФГАНЦЫ

Главные жертвы всех этих обстоятельств – простые афганцы. Народ разочарован; люди утратили иллюзии относительно мирового сообщества, которое они все чаще обвиняют в невыполнении громких обещаний, предшествовавших войне Америки с талибами. Более того, западные государства даже наделили властью людей, причинивших народу так много страданий. Согласно отчету организации *Human Rights Watch*, «у многих афганцев страх вызван... не только продолжающимися злодеяниями, но и воспоминаниями о преступлениях, совершенных нынешними правителями в период, когда они были у власти в начале 1990-х, до установления движением «Талибан» контроля над страной. Как сказала одна из жительниц сельской местности, “мы боимся, потому что помним прошлое”». Международное сообщество не выполнило и обязательств, связанных с предоставлением гуманитарной помощи. Всемирная гуманитарная организация *Care International* сообщает, что в 2002 году объем обещанной иностранной помощи афганцам составил 75 долларов на человека, а в следующие пять лет будет равняться 42 долларам в год. Для сравнения: на одного жителя Боснии, Восточного Тимора, Косово и Руанды приходилось в среднем около 250 долларов.

Есть все больше оснований полагать, что ущерб, наносимый Афганистану, будет не так легко возместить. Шанс склонить на свою сторону и умиротворить пуштунское большинство упущен из-за политики Вашингтона, который обращался с пуштунами, как с врагами, и наделил властью не их, а представителей таджикского и узбекского меньшинств. Более того, общее беззаконие, царящее в

стране, приводит к тому, что гуманитарные организации уже не решаются посылать своих иностранных сотрудников за пределы столицы. Особенно настороженно они относятся к южным и восточным регионам, которые на данный момент являются наиболее опасными. Если сразу после падения режима «Талибан» в юго-восточной провинции Забул начали работу 16 международных организаций, то теперь их там осталось только две.

Возникла и новая дилемма: Вашингтон стал использовать армию для осуществления гуманитарных поставок, и многие из тех, кто занимается оказанием помощи в развитии страны, жалуются: это опасно размывает грань между военными и сотрудниками гуманитарных служб. В США утверждают, что только таким образом можно доставить гуманитарные грузы в небезопасные юго-восточные регионы. Но Пьер Краэнбюль, руководитель оперативного подразделения Международного комитета Красного Креста, объясняет ситуацию на следующем примере: «Однажды в деревню приходит офицер, ответственный за связи с гражданским населением, и беседует с жителями о будущем восстановлении страны. Потом, на той же неделе, приезжает сотрудник гуманитарной службы, тоже проводит беседу и предлагает гуманитарную помощь. Жители не делают между ними различия: оба они — западные люди, приехавшие на белой машине. Еще через несколько дней в районе проводится военная операция, и, вероятно, гибнут мирные жители. Как теперь крестьянам понять, кто именно из приходивших, возможно, собирал разведданные для предстоящей операции?»

По словам Халилзада, теперь США осознают, что сделали ошибку: им следовало еще раньше ввести войска в южные и восточные регионы, чтобы успокоить пуштунское население. В результате Вашингтон принял «ускоренную» программу действий, направленную на реализацию крупных, весьма впечатляющих восстановительных проектов командами по восстановлению провинций под руководством Министерства обороны и ряда гражданских органов, таких, как Агентство США по международному развитию и Госдепартамент. На данный момент в стране функционируют 9 таких команд, впоследствии к ним присоединятся или уже присоединяются еще несколько. Британская команда действует на севере, в Мазари-Шарифе; германская (под эгидой НАТО) — тоже на севере, в Кундузе; новозеландская — в центральном Бамиане; американцы работают в неблагополучных районах на юге и востоке страны, где преобладает пуштунское население. Джозеф Коллинз, заместитель помощника министра обороны по ста-

билизационной деятельности, утверждает, что в таком опасном окружении, как Афганистан, использование военных при осуществлении гуманитарной деятельности «неизбежно». Но хотя сотрудники гуманитарных организаций осознают опасность работы, они не разделяют взглядов Вашингтона на то, каким образом военная сила должна использоваться в данных обстоятельствах. По словам Кевина Генри, директора по правозащитной деятельности организации *Care International*, западные воинские контингенты не должны напрямую поставлять гуманитарную помощь. Вместо этого им следует обеспечить более безопасную обстановку путем ареста членов движения «Талибан» и полевых командиров и оказания помощи в подготовке национальной полиции и армии. Это позволило бы сотрудникам гуманитарных организаций вернуться в опасные регионы и выполнить работу, с которой они справляются лучше других. Несмотря на повсеместное отсутствие безопасности и стабильности в Афганистане, есть несколько конкретных достижений. Например, в декабре 2003 года открыта новая автомагистраль Кабул – Кандагар. (Изначально проект планировали завершить в 2005-м, но работы были ускорены, как сообщается, по указанию Белого дома.) Однако подобные начинания сопряжены с огромными затратами. Строительство шоссе обошлось в 250 млн долларов, то есть около 625 тыс. долларов за километр, — ведь в регион пришлось перевезти по воздуху целые асфальтовые заводы. Тем не менее объявлено о планах провести еще 1 400 километров магистралей и подводящих к ней дорог, многие из которых будут пролегать в оставленных без внимания южных и восточных регионах. Международные доноры с Соединенными Штатами во главе заявили также о намерении возвести в стране крупную плотину ГЭС, построить новые школы, судебные и административные здания.

НЕНАДЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ

Учитывая суровую афганскую реальность — процветающую наркоторговлю, отсутствие безопасности во многих регионах, вяло текущее разоружение и недостаточную помощь со стороны мирового сообщества, — подобных проектов недостаточно для стабилизации обстановки. Выборы в Афганистане намечены на июнь, но не хватает денег для регистрации избирателей. К весне было зарегистрировано только 10 процентов электората.

Если Вашингтон действительно хочет помочь, он должен отказаться от сотрудничества с полевыми командирами и руководителя-

ми фракций Северного альянса. Сайяф, Фахим и их люди не могут предложить Афганистану ничего, что способствовало бы движению страны вперед. Уступки полевым командирам приведут лишь к тому, что те будут требовать все новых поблажек. Вместо этого усилия следует сконцентрировать на подготовке полиции, которая наряду с национальной армией, создаваемой при содействии США и Франции, смогла бы обеспечить безопасность на местном уровне. К сожалению, Америка, похоже, не собирается отказываться от союза с полевыми командирами. Более того, Халилзад предложил использовать местные формирования — как раз те, что в данный момент ООН пытается разоружить и реинтегрировать в афганское общество, — для обеспечения безопасности на грядущих выборах. По его словам, после проверки эти люди могли бы сотрудничать с американскими специальными войсками. Но это все равно что поставить лис сторожить курятник. К тому же ополчения действуют совместно со спецвойсками на протяжении уже двух лет, но ничто пока не указывает на улучшение их поведения. Напротив, в основном они заняты торговлей наркотиками, вымогательством и устрашением населения, используя свои связи с американскими военными для запугивания местных жителей и удовлетворения собственной жадности.

Если Вашингтон готов допустить мысль о привлечении этих людей к обеспечению безопасности на выборах, значит, последние два года мало чему научили американских политиков. Викрам Парех, главный аналитик *International Crisis Group*, считает, что американская политика в Афганистане — это «весьма импровизированная стратегия, направленная в первую очередь на то, чтобы создать видимость стабильности перед ноябрьскими выборами». Парех отмечает, что США и ООН придерживаются «стратегии контрольного списка задач», решая обозначенные в нем мелкие проблемы, но мало что делая для достижения в Афганистане долгосрочной стабильности. Существующий сегодня план предполагает наблюдение за выборами первого президента Афганистана (предположительно Карзая), которые должны состояться как можно скорее, и за последующей реализацией усиленной программы восстановления страны. Карзая предстоит использовать пять лет своего президентского срока и значительные полномочия, которые он получит по новой Конституции, для создания сильных государственных институтов, включая национальную армию и полицию.

Такой подход, возможно, неплохо смотрится на бумаге, но ему присущ ряд крупных недостатков, и, по-видимому, он не учитыва-

Фото Аркадия Дубнова

Военный парад по случаю 12-й годовщины победы над коммунистическим режимом.
Кабул, 27 апреля 2004 года

ет нынешний хаос в стране. Похоже, Карзай действительно станет президентом. Хотя по новой Конституции глава афганского государства и получает большие полномочия, но пока неясно, способны ли Карзай ими воспользоваться. Более того, учитывая нынешнюю американскую политику и ослабевающую поддержку со стороны мирового сообщества, не стоит ожидать, что какое-либо афганское правительство сможет самостоятельно бороться с разгулом коррупции, процветающей наркоторговлей (сегодня ее объемы превысили все прежние показатели), всеобщим беззаконием, отсутствием безопасности и угрозой, которую представляют боевые формирования полевых командиров. Новая армия, насчитывающая всего 5 700 военнослужащих, теряет кадры почти с той же скоростью, что и набирает, а формирование полиции только еще началось.

И тем не менее значительное увеличение помощи со стороны мирового сообщества представляется маловероятным. Америке едва хватает ресурсов на Ирак, и вряд ли США выразят готовность взять на себя более существенную роль в Афганистане. Но Вашингтон мог бы улучшить ситуацию даже без огромных дополнительных инвестиций: достаточно нескольких ключевых изменений. Прежде всего необходимо добиться большей согласованности действий США и их европейских союзников, дабы усилить контингент НАТО в Афгани-

стане. Лидерство Америки в этом вопросе имеет решающее значение, поскольку практически ни одна из стран – участников альянса не выразила желания послать в Афганистан более нескольких сотен военнослужащих, причем все их контингенты остаются в крупных городах, подальше от проблемных восточных регионов.

Америке пора понять, что в самом Афганистане ей нужны не полевые командиры и бывшие эмигранты, а другие партнеры. От сотрудничества с полевыми командирами необходимо отказаться. Если убрать со сцены таких деятелей, как Фахим, Сайяф и другие (возможно, путем назначения их на посольские и иные должности за пределами страны), позиции их сторонников ослабнут и процесс разоружения пойдет гораздо легче. Вашингтону также следует вступить в более тесный контакт с основной частью населения, особенно с пуштунами. В сфере обеспечения безопасности Америке надлежит сконцентрировать усилия по поиску и обезвреживанию талибов на охоте за лидерами, сотрудничавшими с «Аль-Каидой», такими, как руководитель движения «Талибан» мулла Мохаммад Омар, бывший министр обороны Маулави Обейдулла, бывший министр внутренних дел Абдул Раззак, бывший губернатор Маулави Абдул Хассан и бывший заместитель премьер-министра Хаджи Абдул Кабир. Рядовых же членов организации не стоит подвергать преследованиям. Что касается наркобизнеса, который вполне может стать главной проблемой Афганистана, то США и правительству Карзая следует присмотреться к опыту талибов, которым удалось сократить объемы наркоторговли. Талибы, наложившие в последние годы правления запрет на любые наркотики, использовали простую, но действенную стратегию: ответственность за нелегальные маковые плантации несли деревенские старейшины и муллы. Преступников на месяц отправляли за решетку, а их посеы выжигали. В результате деревенские лидеры каждое утро обязательно обходили свои территории перед восходом солнца (самое подходящее время для посева мака), чтобы убедиться, что там не выращиваются недозволенные растения.

Если Вашингтон решит принять описанную выше стратегию, у США появится шанс помочь восстановить нормальную жизнь в Афганистане или хотя бы улучшить нынешнюю ситуацию. Если же Америка отвернется от Афганистана, то она подорвет доверие афганского народа, понадеявшегося, что Запад выполнит свое обещание больше не бросать его на произвол судьбы.

Афганистан «арендованный»

Аркадий Дубнов

Как-то вечером мы со знакомым афганцем, много лет прожившим в Москве, ловили на окраине Кабула такси. Одна за другой машины, притормозив и осветив нас фарами, уносились дальше. Наконец какой-то водитель остановился. Высунувшись из окна, он бросил пару резких фраз, нажал на газ и умчался.

— Что он сказал?

— Вы, говорит, из тех, кто жрет собак, которых кидают вам американцы.

«Мы одеты по-европейски, и он принял нас за афганцев, которые обслуживают американский контингент, — объяснил мой спутник. — Таксисты ненавидят американцев, но еще больше — тех соотечественников, кто работает на янки».

Любому репортеру известно: попав в чужой город, прежде всего стоит поговорить с таксистами, потому что нет лучше способа проникнуться местной атмосферой. Конкретную информацию вы получите позже, но она, как правило, только подтверждает первое впечатление, которое создалось в ходе беседы с первым попавшимся тружеником извоза.

Американцев в Кабуле и вправду не любят. Кабульские дуканщики говорили мне: «Мы теперь понимаем, в чем разница между русскими и американцами. У русских характер простой и незаносчивый, вы держались с нами на равных. К американцам-то не подступиться, они нас за людей не считают».

— Но афганцы же воевали против русских.

А.Ю. Дубнов — обозреватель газеты «Время новостей». Освещает события в Афганистане с 1992 года, данная статья написана по итогам поездки по стране в апреле 2004-го.

– Ну да... Но русские в то же время нас учили, строили дороги, школы, больницы. У нас нет к ним ненависти.

ИЛЛЮЗИИ – В СТОРОНУ

То, что реальная и формальная власть в Афганистане не одно и то же, становится понятно сразу, как только ступаешь на афганскую землю. Кабульский аэропорт увешан отнюдь не портретами главы Переходной администрации Афганистана Хамида Карзая, а многочисленными листовками с изображением Мохаммада Мирвайса Садека, погибшего в марте 2004-го. Согласно квоте, выделенной администрацией его отцу – известному полевому командиру, губернатору Герата Исмаил Хану, Мирвайс занимал пост министра гражданской авиации и туризма. Он был убит в столкновениях между сторонниками губернатора и войсками, подчиняющимися Кабулу.

Что там произошло, доподлинно неизвестно. Однако никто в Афганистане не сомневается: Мирвайс пал жертвой неудачной попытки центральной администрации (и поддерживающих ее американцев) сместить строптивного «льва Герата», как называют Исмаил Хана еще со времен сопротивления советской интервенции. В результате мартовских событий губернатор восстановил свое влияние: новым министром был назначен его очередной ставленник, служивший до этого в Герате начальником департамента образования.

Какой же политический строй установился в Афганистане после победоносной войны США против движения «Талибан» осенью 2001 года? В статье «Афганистан “освобожденный”», опубликованной в журнале *Foreign Affairs* (русский перевод см. на с. 130 этого номера), журналистка Кэти Гэннон размышляет об «упущенных Америкой возможностях и пренебрежении уроками афганской истории». «Почему все так быстро пошло не так? Каким образом разгром талибов – большая победа Вашингтона, ставшая, казалось, предвестием возрождения измученной войной страны, – привел к восстановлению статус-кво?»

Кэти Гэннон пытается понять, почему к власти в Афганистане снова пришли полевые командиры, лидеры Северного альянса: маршал Мохаммад Фахим, ставший министром обороны, генерал Абдул Рашид Дустум, которого Хамид Карзай назначил своим спецпосланником на севере страны, и другие – все те, кто «разделяет ответственность за чудовищные убийства середины 1990-х». И почему «Хамид Карзай... ничего не может с этим поделывать?».

Претенденты на пост президента Афганистана (выборы намечены на сентябрь 2004 года):

- **Хамид Карзай** – глава Переходной администрации Афганистана.
- **Мохаммад Мохакек**, один из лидеров хазарейского меньшинства в Афганистане, в союзе с Северным альянсом Афганистана воевал против талибов. С 2001 года замглавы Переходной администрации, министр планирования. В марте 2004-го обвинил Карзая в притеснении оппозиции. В апреле 2004 года отправлен в отставку.
- **Масуда Джалал** – независимый кандидат. Врач-педиатр, окончила Кабульский медицинский институт. В годы правления талибов жила в Кабуле, будучи лишена права на медицинскую практику. На чрезвычайной Лойе джирге в 2003 году была выдвинута рядом депутатов на пост главы Переходной администрации Афганистана.
- **Латиф Педрам** – поэт, афганский таджик, окончил Сорбонну, живет в Париже. Поддерживается узбекской общиной Афганистана и ее лидером генералом Дустумом.

Но Кэти Гэннон не может не знать хотя бы о том, что именно «приручение» Хамидом Карзаем того же Фахима стало серьезным политическим достижением руководителя государства. Дело в том, что маршал оказался сегодня серьезным гарантом поддержки главы Переходной администрации Афганистана со стороны силовых структур страны. Правда, Фахиму это дорого обошлось: он потерял влияние среди большинства своих соратников в Панджшере. Маршал уже давно не рискует появляться там, где считают, что он продан америкам.

Журналистка критикует Вашингтон за то, что он сделал своими новыми союзниками людей, которые терроризировали Афганистан до прихода к власти движения «Талибан» и многие из которых исповедовали почти столь же радикальную идеологию, что и сами талибы. Кэти Гэннон недоумевает: как можно было допустить, что в центральной администрации слабому в военном отношении пуштунскому большинству противостоят сильные таджикские, узбекские и хазарейские фракции? При этом справедливо отмечено: «слабость» пуштунского большинства объясняется тем, что его возглавляют «бывшие эмигранты, вернувшиеся на родину после нескольких десятилетий пребывания по большей части в США».

Но самое поразительное замечание Гэннон, настроенной резко критически к афганской политике нынешней американской администрации, звучит так: «Америка уверена, что люди, в прошлом

причинившие Афганистану столько бедствий, каким-то образом сумеют привести страну к демократии и стабильности в будущем».

Журналистка абсолютно права в своей критике, если она адекватно передает представления Вашингтона. Но как-то не верится, что американские руководители искренне убеждены в приверженности афганских полевых командиров демократии. Рискну предположить, что нападки коллеги на Белый дом и Госдепартамент несправедливы. В США изначально не строили иллюзий в отношении афганских моджахедов. Только очень наивный человек мог искренне надеяться, что генерал Дустум, маршал Фахим, командир Сайяф и их соратники способны стать «буревестниками» афганской демократии. На самом деле американская политика демонстрирует другой, абсолютно прагматичный подход: в Афганистане полезно *все*, что приносит результат. Когда-то я услышал в этой стране фразу: «Нас, афганцев, нельзя купить, нас можно только арендовать».

СРОК АРЕНДЫ

Утверждать, что в сентябре 2001-го лидеры Северного альянса Афганистана стали союзниками Соединенных Штатов в борьбе против «Аль-Каиды» и ее талибских покровителей, строго говоря, некорректно. Наоборот, это Америка присоединилась к Северному альянсу, который до трагической нью-йоркской осени нес на себе всю тяжесть войны против талибов.

Между прочим, многие афганские таджики задаются вопросом: а что, если бы был жив легендарный лидер Северного альянса Ахмад Шах Масуд? (Напомню, что его гибель в результате покушения 9 сентября 2001 года стала кровавой прелюдией атаки на Всемирный торговый центр.) И сами же отвечают: власть в Кабуле была бы иной, Америка вряд ли договорилась бы с Масудом, поскольку укрепление тех, кто поддерживал движение «Талибан», было не в его интересах. Сразу после убийства Масуда вину за покушение возлагали на талибов. Но скоро их не стало, и в выигрыше оказались те из политических наследников харизматического моджахеда, которые стали союзниками Америки. А начавшееся пару лет назад расследование обстоятельств покушения на Масуда как-то незаметно сошло на нет...

Впрочем, сам Масуд постоянно повторял, в том числе и автору этих строк, что воюет не с талибами (с ними-то, мол, он всегда договаривается), а с интервентами — с пакистанской армией. Действительно, именно части регулярной армии соседней страны составля-

Фото Аркадия Дубнова

Полевые командиры – хозяева Северного Афганистана:
Мохаммад Мохаккек, Абдул Рашид Дустум, Агто Мохаммад

ли военный костяк движения «Талибан». За Исламабадом же стоял Вашингтон, и хотя Масуд не говорил об этом вслух, помнил он об этом всегда. Значит ли это, что США в то время не были заинтересованы в разгроме талибов?

Дать однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможно. Фактом, однако, являются многочисленные попытки американской дипломатии «приручить» талибов. Контакты вашингтонских эмиссаров с представителями движения «Талибан» были отмечены сразу после прихода «исламских студентов» к власти в Кабуле в 1996 году. Чуть позже важным для США фактором, стимулировавшим интерес к новому режиму, стали крайне враждебные отношения, сложившиеся на религиозной почве между талибским Кабулом и Тегераном. Это произошло после убийства талибами (суннитами) одного из лидеров афганских шиитов – шейха Абделя Али Мазари. «Враг врага» не обязательно должен быть «другом», но игнорировать появление дополнительного фактора сдерживания по отношению к иранским аятоллам в Вашингтоне не собирались.

Следует отметить и еще один аспект афганской ситуации, оказывавший влияние на политику США. С самого начала основным внутренним противником талибов, которые представляли пуштунское большинство Афганистана, был Северный альянс – коалиция афган-

ских этнических меньшинств: таджиков, узбеков и хазарейцев. Их лидеры, в первую очередь Ахмад Шах Масуд, пользовались негласной поддержкой Москвы, которая направляла серьезную военно-техническую помощь «северянам», в том числе через Таджикистан и Узбекистан, своих союзников по СНГ. По этой причине Америка не была заинтересована в том, чтобы Северный альянс доминировал в Афганистане.

И только гораздо позже, когда вожди движения «Талибан», отчаявшись добиться международного признания, позволили Усаме бен Ладену развернуть базы на афганской территории, а «Аль-Каида» стала основной головной болью США, антитеррористическое сотрудничество Москвы и Вашингтона на афганском направлении стало приобретать реальные очертания.

Операция «Несокрушимая свобода», начавшаяся 7 октября 2001-го, привела к быстрому свержению режима талибов. Не умаляя значимости «большой победы Вашингтона», замечу: отряды движения «Талибан» не были разгромлены, они просто ушли из Кабула. Точно так же, как пятью годами раньше под напором талибов столицу покинули подразделения моджахедов во главе с Масудом. Осенью 1996 года таджики-масудовцы вернулись в свою вотчину — Панджшерскую долину, осенью 2001-го пуштуны-талибы возвратились в свою — южные и юго-восточные провинции Афганистана (близ пакистанской границы). В результате и те, и другие сохранили свой потенциал. Такие договорные победы-поражения типичны для афганской междоусобицы. Активное сопротивление пуштунских племен было сломлено миллионами долларов, которые их вожди получили в качестве отступного от американцев. Но вспомним: «афганцев нельзя купить, их можно только арендовать».

Не подходит ли к концу срок очередной «аренды»?

БЕЗГРЕШНЫХ НЕТ

Весьма спорно мнение Кэти Гэннон о том, что «демократизаторами» Афганистана при поддержке американцев могут и должны стать представители пуштунской интеллигенции, прошедшие западную «огранку». Действительно, люди, подобные Хамиду Карзаю или министру финансов Ашрафу Гани, не участвовали в гражданской войне, не замешаны в кровавых расправах над мирными жителями. Но они, как и сами американцы, несут свою долю ответственности за установление режима талибов.

Карзай не скрывает, что был одним из тех, кто стоял в свое время у истоков создания движения «Талибан», но затем, разочаровавшись в талибах, ушел от них. Об этом говорит Хазрат Вахриз, бывший главный редактор самой популярной кабульской газеты «Седаи мардом». 35-летний хазарец Вахриз представляет новое поколение афганских политиков, вынужденных скрываться при талибах, но весьма критически настроенных и по отношению к моджахедам. Безгрешных, говорит он, в Афганистане сегодня нет, это касается и тех, кто жил за границей. Ашраф Гани, будучи в США высокопоставленным сотрудником Всемирного банка, убеждал Вашингтон в необходимости договариваться с талибами. А председатель Центрального банка Афганистана Анваруль Хак Ахади, который преподавал в США, прислал талибам поздравительную телеграмму в связи с взятием ими северных провинций и назвал их лучшими сыновьями Афганистана...

Многие в этой стране уверены: попытки пуштунской элиты «назначить» главными виновниками трагических событий последнего десятилетия только лидеров этнических меньшинств — таджиков, узбеков или хазарейцев — чрезвычайно опасны. Они приведут к очередному расколу, новому витку конфронтации между афганцами. И как доказывает советский, а ранее и британский опыт, справиться с внутриафганскими распрями не в состоянии никакая внешняя сила.

Но именно подобный подход — удаление из политики преступных полевых командиров Дустума, Сайяфа, Раббани и пр. поможет вывести Афганистан на путь демократии, — Кэти Гэннон считает правильным. Даже если ее оценка этих людей справедлива, надо помнить о том, что для многих афганцев, разделенных по этническому и региональному признаку, лидеры моджахедов остаются единственными авторитетами и даже, возможно, просто кормильцами, гаранты их физического выживания, защитниками от притеснения пуштунов. На севере Афганистана хорошо помнят, как арабские наемники, воевавшие на стороне пуштунов-талибов, вырезали целые узбекские семьи. Но это происходило до 11 сентября 2001 года и мало кого интересовало.

Впрочем, многие предпочитают не вспоминать событий, происходивших в Афганистане и после этой даты. Таких, как восстание талибов в крепости Калай-джанги под Мазари-Шарифом в ноябре 2001-го, куда их доставили после добровольной сдачи оружия в провинции Кундуз. Мне пришлось быть свидетелем кровавой бойни, в

которую превратилось подавление этого восстания дустумовскими солдатами. Однако решающую роль сыграла срочно вызванная Ду-стумом американская авиация, которая превратила восставшую крепость в подобие «Герники» Пабло Пикассо.

Спустя несколько месяцев стали известны подробности массовых убийств пленных талибов, совершенных дустумовцами в тюрьме города Шибарган. Действительно, Ду-стум не понес наказания за эти преступления. Но не было и расследования правомерности чудовищных ковровых бомбардировок. Да, на войне бывает все, тем более на афганской. Но в таком случае справедливо ли обличать злодеяния одних и умалчивать о других?

И стоит ли так уж ополчаться на политику западных стран, как это делает американская журналистка, за то, что в Афганистане «они снова наделили властью людей, причинивших народу так много страданий»? Где в этой стране найти других вождей, которые были бы одновременно безупречны в моральном плане и способны осуществлять реальную власть?

Предположим, что Хамид Карзай — это именно такой человек. Но ставка на него как на лидера, способного консолидировать пуштунов, тоже весьма иллюзорна. Не далее как в апреле Карзай обратился к бывшим талибам с призывом забыть прежние распри и влиться в ряды строителей нового Афганистана. За исключением 150 человек, которых считают виновными в преступлениях, остальным членам движения «Талибан» была обещана полная амнистия. Ответ поступил незамедлительно. Представители талибов, находящиеся в пограничных районах Пакистана, заявили, что о сотрудничестве не может быть и речи до тех пор, пока на афганской земле находятся иностранные оккупанты. Особо было сказано о попытках демократизации: талибы пригрозили смертью всем женщинам, которые отважатся принять участие в выборах. Ответственность за кровь ляжет на их мужей, которые допустили подобное безобразие, заявили пуштунские вожди.

ДЕНЬГИ НА ДЕМОКРАТИЮ

Возможно, Кэти Гэннон не так сокрушалась бы по поводу «упущенных Америкой возможностей», если бы понаблюдала за Лойей джиргой, созданной в Кабуле весной 2004 года для принятия новой афганской Конституции. Там она бы увидела, каких усилий, а главное денег, стоило американцам обеспечить одобрение демократиче-

Разложение басмачества

Направо басмач, налево басмач-шпион, переодетый дервишем.

Фергана, страна русского хлопка, уже 4 года наводнена бандитскими шайками. Шайки сформированы из всякого сброда: и из русских белогвардейцев, и из темных полудиких туземцев. Поля в Ферганае в значительной степени пустыют, деревни-кишлаки представляют груды желтых развалин, хлопкоочистительные заводы сожжены и скорбно торчат вверх оставшимися дымоходами. Эта картина хозяйственной смерти Ферганской области – дело ловких английских рук, сующих басмачам и властное золото, и оружие. Процесс ферганского разрушения длился до 23-го года. В текущем году туркестанское советское правительство ведет двойной фронт: во-первых, оно перебросило в Фергану значительные партии семенных материалов, пшеничных и хлопковых, большие партии строительных материалов и, во-вторых, ведет там самую напряженную и самую сосредоточенную войну по окончательному искоренению басмаческого движения в Туркеспублике.

Главной силой, вставшей на басмачество в текущем году, является само коренное население. Это дает самые ощутительные результаты. Басмачество разлагается: басмачи в силу хозяйственных условий бросают бандитизм, как негодное дело, и тянутся к лопате и к плугу. Тяга басмачей в кишлаки, в туземные деревни, как начало эпохи умиротворения и последней области Советской России, будет новым сигналом по востоку. Советская власть привела всю великую страну к полосе широкого хозяйственного строительства.

Газета «Правда», июль 1923 года

ских норм Основного закона участниками большого совета старейшин. Сколько обид пережили многие уважаемые депутаты Лойджирги, обнаружив, что их коллеги получали от американских спонсоров бóльшие, чем они, «гонорары» за правильное голосование по отдельным статьям. Но на это Америка потратила все же меньше денег, чем в 2001 году на отказ афганцев воевать.

Сколько же еще понадобится денег и миротворческих контингентов, чтобы поддерживать в Афганистане хотя бы внешнее спокойствие? С одной стороны, в мире, к счастью, зреет понимание того, что потребуется много и того и другого. Но средства Афганистану пока что выделяются несоизмеримо более скромные по сравнению с другими регионами, несущими куда меньше угроз международной стабильности. С другой стороны, даже из этих средств афганцам достается немного. Западные компании осваивают западные же пакеты помощи. Западные менеджеры получают западную зарплату и обес-

печивают себе западные условия жизни, предоставляя небольшой части афганцев возможность питаться «крохами с их стола».

Характерно, что в статье Кэти Гэннон нет ни одного упоминания о России. Когда она пишет о помощи Афганистану со стороны мирового сообщества, то под ним подразумевается исключительно Запад. Не правда ли, странно, особенно если вспомнить помощь России в свержении талибов, а также то, как много построили «шурави» в Афганистане с 1960-х годов и сколько афганцев они обучили? Разумеется, демократия – вещь дорогая, ее строительство, тем более в Афганистане, стоит больших денег, а у России их и на свою-то демократию не хватает. К тому же стать официальным донором Афганистана Москва не имеет права: российское законодательство не разрешает оказывать финансовую помощь стране, которая не урегулировала проблему своей задолженности, а Кабул, по самым скромным подсчетам, должен России 10 миллиардов долларов.

Тем не менее в Москве не без основания полагают, что привлечение российских специалистов для работ по восстановлению Афганистана в рамках международной помощи было бы реальным и очень быстрым подспорьем афганскому народу. Большая часть разрушенной инфраструктуры страны базируется на советских технологиях, а природные ресурсы Афганистана досконально исследованы советскими геологами. В российском участии очень заинтересованы и сами афганцы: они-то точно знают, что сотрудничество с Москвой для них гораздо эффективнее и выгоднее. Однако ни один подряд в Афганистане россиянам пока даже не предложен.

Можно не соглашаться со многими выводами Кэти Гэннон, вытекающими из ее либерально-идеалистических взглядов на афганские реалии, однако нельзя не согласиться с ее позитивной оценкой опыта движения «Талибан» в борьбе с наркобизнесом. Она совершенно права, советуя Вашингтону использовать этот опыт. Автор, правда, не объясняет, почему антинаркотическая практика талибов оказалась успешной. Просто талибы разбирались в особенностях афганского национального характера и знали, как на него воздействовать. Хорошо бы изучить этот характер и всем тем, кто учит афганцев демократии.

Европа на перепутье

Великие державы наводят порядок в Европе.
Карикатура Ф. Шрёдера, 1849 год

“ В эпоху трансатлантического мира, когда «мать» Европа и «отец» Америка жили в согласии и гармонии, страны Центральной и Восточной Европы пожинали замечательные плоды, беря лучшее у обоих «родителей». Но как только в благородном семействе случился скандал, мама начала кричать, а папа стал качать права, хрупкие «новые демократии» оказались в полном замешательстве ”

Переходный возраст демократии *Мариу Соареш*
154

Строительство политической Европы *Доминик Стросс-Кан*
162

Между Марсом и Венерой *Ласло Лендьел*
166

Балтийская «лаборатория» Большой Европы *Игорь Юргенс*
178

Евроатлантическая Болгария: с Россией или без?
(Обзор «круглого стола»)
186

Переходный возраст демократии

Мариу Соариш

ПОРТУГАЛЬСКИЙ КЕРЕНСКИЙ

Госсекретарь США Генри Киссинджер внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Оставайтесь. Мы найдем для вас хорошее место в престижном университете. Португалия потеряна для свободного мира. Вы не справитесь с коммунистами.

Сегодня, спустя тридцать лет после «революции гвоздик», которая в апреле 1974 года положила конец почти полувековой диктатуре Салазара, я особенно часто вспоминаю этот разговор с одним из самых могущественных людей мира. Состоялся он в момент острого противостояния между коммунистами и социалистами, когда я, в ту пору министр иностранных дел временного правительства Португалии, приехал в Вашингтон. Киссинджер не верил в успех наших демократических преобразований.

— Мне симпатичен ваш идеализм, импонирует ваша искренность, но у вас ничего не получится. Вы — Керенский. Он тоже был социалистом и тоже думал, что войдет в историю.

— Я не хочу быть Керенским, — ответил я.

— А Керенский разве хотел? — резко бросил госсекретарь. — Вас арестуют или убьют, если вы вернетесь.

Португалия тогда занимала особое место в восприятии Киссинджером происходящего в Европе. Приход компартии к власти в Лисабоне он считал даже полезным — своего рода «прививкой против

Мариу Соариш — депутат Европейского парламента, один из основателей Португальской социалистической партии, занимал посты министра иностранных дел, премьер-министра страны, в 1986—1996 годах первый гражданский президент Португалии.

коммунизма» для остальной Европы. Появление «европейской Кубы» напугало бы другие западноевропейские страны, заставив их резко сдвинуться вправо.

Не хочу переоценивать роль Португалии, но если бы пророчество Киссинджера сбылось, то европейская история действительно могла избрать иное русло. Совершенно очевидно, например, что идеологическая конфронтация на западе Пиренейского полуострова негативно повлияла бы на процесс мирного перехода к демократии в соседней Испании и вообще осложнила бы политику «разрядки международной напряженности».

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЛНА

К счастью, даже такие опытные стратеги, как легендарный госсекретарь США, могут ошибаться. Через несколько месяцев известный французский писатель и политик Андре Мальро с некоторым удивлением писал в газете *L'Express*: «Португальские социалисты доказали, что меньшевики способны победить большевиков». А профессор Самьюэл Хантингтон, анализируя события последней четверти XX века, пришел к выводу, что с португальской революции в мире началась «третья волна» демократизации. В конечном итоге она привела к тому, что в Европе практически не осталось недемократических государств да и вообще на планете их стало значительно меньше.

Различия между Португалией и Россией настолько очевидны, что проводить параллели бессмысленно. Тем не менее обе страны проходили в чем-то похожий путь. Как и Россия, мы тоже двигались от изолированной авторитарной системы, сильно идеологизированной, отягощенной манией превосходства, имперскими комплексами и проблемами, к открытому современному обществу, интегрированному в мировую политику и экономику. В чем причина успеха, достигнутого Португалией за три десятилетия демократического развития? Одна из предпосылок наших достижений — отказ от крайностей, попыток реализовать радикальную идеологию, будь она левая или правая.

Сначала нам удалось избежать коммунистического переворота. Осенью 1975-го компартия попыталась установить в стране «народную власть» и построить «революционную экономику», однако значительная часть населения и армии воспротивилась этому. После поражения коммунистов правые призвали к массовым аре-

стам и запрету компартии, но мы отвергли такой сценарий, удержавшись в правовых рамках. Это было принципиально важно, и можно сказать, что именно с данного момента в Португалии начинается свою историю истинная демократия европейского типа, вступает в свои права зрелый политический плюрализм. И народ оценил это, проголосовав за социалистов на выборах в Собрание республики.

Демократизация и деколонизация — эти две главные составляющие «революции гвоздик» явились залогом успеха. Но сегодня, в эпоху бурных перемен на международной арене, высказываются мнения, которые меня удивляют.

Одни утверждают, что на переходном этапе, в период глубоких преобразований экономики и общества, необходима «твердая рука», авторитарная власть, способная осуществить реформы. В пример приводят Китай, Южную Корею, Малайзию; подобные идеи звучат и в России. Однако опыт моей страны свидетельствует об обратном. Я верю в универсальные ценности демократии как во внутренней, так и во внешней политике. Не думаю, что диктатуры, какие бы формы они ни принимали, могут оказаться лучше и эффективнее демократического строя. Кстати, хочу предостеречь тех, кто критикует российский опыт демократического перехода, призывая видеть образец для подражания в китайской модели авторитарных реформ. Давайте подождем, еще слишком рано подводить итоги и ставить оценки!

Рассуждают сегодня и о том, что миру-де нужно что-то вроде нового колониализма. Мол, многие бывшие колонии не способны нормально развиваться и превратились в «несостоявшиеся государства», от которых исходит угроза, в том числе и террористическая. Такой подход я не разделяю. Колониализм принадлежит прошлому, его списали в архив еще в XX веке, а история не имеет обратного хода. Тем более я не верю, что новый «колониализм» поможет в противостоянии терроризму. Скорее уж наоборот: ведь терроризм в значительной степени как раз и порождается неоколониальной политикой транснациональных монополий, которые без зазрения совести эксплуатируют менее развитые страны. Глобализация, господствующая сейчас в мире, не признает никаких этических ценностей, а такие далеко не демократические структуры, как МВФ, Всемирный банк и Всемирная торговая организация, лишь пассивно наблюдают за сложившейся ситуацией.

ЕВРОПА КАК ШАНС

Вступив в 1985 году в Европейское экономическое сообщество, Португалия окончательно определила свой путь. Членство в ЕС преобразило нашу страну — не только экономику, но и стиль мышления. Нам выпал уникальный шанс, которым мы воспользовались.

После того как португальские колонии Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау получили независимость, в метрополии возникла чрезвычайно сложная ситуация. Из Африки на историческую родину одновременно вернулись почти миллион человек. Мы предпринимали гигантские усилия, чтобы справиться с этим наплывом, и наши усилия окупились сторицей. Беда обернулась стимулом для развития. Те, кто возвратился в Европу, внесли неоценимый вклад в развитие и модернизацию страны, потому что покинувших колонии людей зачастую отличали дух предпринимательства и инициатива, к тому времени во многом утраченные в самой Португалии.

И, конечно же, нам очень помогло Европейское сообщество: Португалия, как бедное по западноевропейским меркам государство, получила крупные субсидии из фондов развития. Страна менялась буквально на глазах: строились автострады, современные сети коммуникаций, больницы, университеты, научные центры, порты,

аэропорты и многое другое. Именно поэтому я не согласен с некоторыми моими соотечественниками, которые теперь высказывают недовольство расширением Европейского союза, сетуя на то, что большая часть средств из структурных фондов пойдет отныне в государства-новички. Но в этом и заключается историческая справедливость — настала наша очередь проявить щедрость!

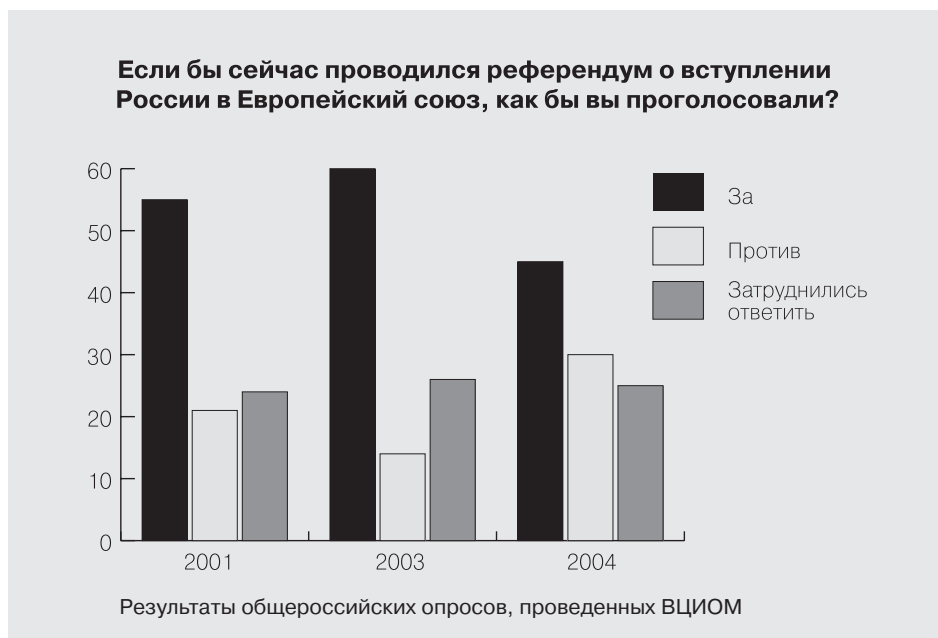
ЕДИНЫЙ НАЛОГ — ЕДИНАЯ АРМИЯ

Португальцы благодарны ЕС, мы очень проевропейски настроенная нация. И тем более досадно, что нынешнее правое правительство вопреки мнению большинства граждан и позиции ведущих государств Европы поддержало президента Буша в войне против Ирака.

Европейскому союзу требуется общая внешняя политика. С какой стати премьер-министр Великобритании Тони Блэр считает возможным проводить собственную линию, договариваясь с Соединенными Штатами, и даже не консультируется при этом со своими коллегами на заседаниях Европейского совета? И почему никто из европейцев не призовет его за это к ответу? Ведь подобное поведение грозит расколом Европы! Благо, что хотя бы Франция и Германия продемонстрировали: европейские нации способны проводить независимый от Америки курс.

Будущее Европы — это Европейская федерация, в которой все страны-члены обладают равными правами. На большей части территории Европы мы построили экономический и валютный союз, приходит время заняться созданием союза социального и политического. Евросоюз должен настаивать на том, чтобы во всех 25 странах-участницах была принята европейская социальная модель, которой чужды крайности неолиберального подхода, того самого, что, к моему глубокому разочарованию, возобладал после крушения коммунизма в целом ряде переходных государств. Европа стремится повысить свою конкурентоспособность, и это стратегическое направление было принято в Лисабоне в 2000 году. Но конкурентоспособность нужна не сама по себе, она должна быть неразрывно связана с социальным прогрессом и заботой об окружающей среде.

Европе необходимы общая внешняя политика и общая армия, потому что мы обязаны предложить собственную стратегию, альтернативную стратегии Соединенных Штатов. Подчеркиваю: не против США, а независимо от них. Это может стать реальностью при соблюдении двух условий: наличия европейской армии и европейско-

го налога. Идея введения прямого налога со всех граждан ЕС для углубления интеграции непопулярна, и политики отказываются обсуждать ее. Но без такого налога не обойтись, если мы хотим сделать наше объединение по-настоящему сплоченным и влиятельным в мире. Нынешний раскол Европы на «старую», выступившую против войны в Ираке, и «новую», которая поддержала США, не в последнюю очередь связан с тем, что такие страны, как Польша или Венгрия, исторически озабоченные проблемой своей безопасности, не слишком верят в способность европейцев ее гарантировать. Поэтому они и смотрят в сторону Вашингтона. Но у меня нет сомнений, что в ближайшие годы ситуация станет иной. Ведь сегодняшние Соединенные Штаты — это имперское государство, а ни поляки, ни венгры не хотят быть частью империи.

Европе предстоит очень сложный период. Думаю, что интеграция пойдет разными скоростями — в зависимости от желания и готовности каждой конкретной страны. Новым государствам-членам еще предстоит полностью интегрироваться в Европейский союз, а на очереди уже следующие кандидаты, которых нет нужды заставлять ждать слишком долго: Болгария, Румыния, Турция (если там будут соблюдаться права человека и этнических меньшинств), республики бывшей Югославии...

Европейский союз — это уникальный политический и гуманистический проект объединения народов на добровольной основе. Цель такого объединения — обеспечить мир в этой части света, благосостояние и свободу для всех ее граждан, солидарность с жителями любого другого уголка планеты. Поэтому за успех Евросоюза надо бороться, в его достижении — залог построения лучшего, более гуманного и справедливого мира.

Такой Европейский союз заинтересован в том, чтобы с Россией его связывали отношения братства и взаимопонимания. Россия — страна великой культуры и цивилизации, ее развитие и стабильность жизненно важны для равновесия во всем мире. Евросоюзу стоит прилагать максимум усилий для того, чтобы расширять связи с великим соседом по всем направлениям.

Несколько лет назад в Москве говорили о необходимости «догнать Португалию» по экономическому развитию. Такая постановка вопроса, конечно, большая честь для моей страны, но едва ли это серьезная цель для России. Ее амбиции должны быть неизмеримо масштабнее — например, достигнуть уровня Европейского союза. И для этого у России есть все: и размеры, и экономический потенциал. Глядишь, полезным на пути перемен окажется что-то из португальского опыта перехода и модернизации — ведь изучали же нашу новейшую историю Венгрия, Чехия, Польша...

КОРНИ ТЕРРОРИЗМА

Острейшая проблема нашего времени — всплеск глобального терроризма, который пустил корни на почве, взлелеянной исламским фанатизмом. Борьбу с этим явлением нужно вести очень энергично, смело, решительно и умно. Страшные взрывы в Мадриде 11 марта 2004-го показали Европе, что глобальный терроризм угрожает всем и без продуманной стратегии борьбы с ним не обойтись. Но ЕС не должен поддаваться искушению вводить всё более жесткие меры безопасности. Борьба с глобальным терроризмом следует в рамках демократии, международного права и прав человека, прежде всего воздействуя на причины, его порождающие. Терроризм — это страшное бедствие, но противостоять ему надо силой интеллекта, а не только грубым военным давлением.

Однако курс, взятый администрацией Джорджа Буша-младшего после 11 сентября 2001 года, абсолютно ошибочен. Его удручающие результаты более чем очевидны в Афганистане и Ираке. Действия

США больно задевают чувства национального достоинства и не принимают во внимание экономические, социальные, культурные особенности жизни местного населения, особенно молодежи, из среды которой глобальный терроризм вербует своих активистов. В таких странах, как Ирак, моральные и этические принципы значат, как правило, больше, чем военная сила. Вторжение в страну объединило иракцев против общего врага — американско-британских оккупационных сил. Коалиция увязла в болоте, из которого трудно выбраться.

Оккупационные войска должны покинуть Ирак, полностью передать военную, политическую и экономическую власть Организации Объединенных Наций. Согласятся ли на это американцы? Остается только ждать президентских выборов в США в ноябре и надеяться на поражение нынешнего хозяина Белого дома.

Две трети населения планеты живут за чертой бедности. Без всеобъемлющей стратегии, в основе которой международное регулирование развития, построенное на этических и политических принципах, свободный рынок и «новая экономика» сами по себе не в состоянии решить острейшие проблемы населения Земли. Непонимание этого — крупнейшая историческая ошибка неоллиберализма и неоконсерватизма, двух идейных течений, которые по-прежнему доминируют и в начале XXI века.

Мир и демократия требуют устойчивого развития, которое имеет экологическое и социальное измерения. С неравенством, разделяющим людей и страны, надо бороться последовательно и настойчиво. Человечеству вполне по силам решить эту задачу, но только в том случае, если культ денег и экономических интересов отойдет на второй план, уступив место универсальным ценностям, провозглашенным в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека. Документам, которые столь многим обязаны великим гуманистическим традициям русской культуры.

Строительство политической Европы

Доминик Стросс-Кан

В период после окончания Второй мировой войны приверженцы европейского федерализма лелеяли надежду на возможность быстрого построения наднациональной «политической Европы». Но эта надежда угасла, едва ее приверженцы столкнулись с националистическими настроениями, все еще сильными в середине XX века. Всплеск национализма привел к тому, что голос «генеральных штатов» Европы (Конгресс Европы, Гаага, 1948. — **Ред.**) не был услышан; провалилась и попытка создать Европейское оборонное сообщество в 1954-м. Выйти из политического тупика удалось только благодаря гению «отцов-основателей». Учредив ряд организаций, выполняющих, на первый взгляд, сугубо технические функции, — таких, как Европейское объединение угля и стали, Европейское экономи-

ческое сообщество и Евроатом, — они на самом деле запустили движение к истинно наднациональной Европе. Так начала воплощаться в жизнь модель Жана Монне (объединение Европы посредством постепенной интеграции отдельных сфер экономической и общественной жизни. — **Ред.**)

Вопрос о необходимости построения политической Европы сегодня вновь актуален. Прежде всего потому, что Европейскому союзу пора приобрести политический вес, соответствующий все возрастающему масштабу его полномочий. Ведь Евросоюзу отныне доверено решение важнейших политических задач — достигнуть экономического процветания, сформировав по-настоящему единый рынок, спаянный общей валютой; поддерживать социальный прогресс; обеспечивать защиту окру-

Доминик Стросс-Кан — председатель Круглого стола «Устойчивый проект для Европы будущего» (основан по инициативе председателя Европейской комиссии), бывший министр финансов Франции. Данный материал представляет собой выдержки из доклада «Строительство политической Европы. Пятьдесят предложений для Европы завтрашнего дня», подготовленного для Еврокомиссии в апреле 2004 года.

жающей среды в рамках стратегии устойчивого развития; укрепить правосудие и охрану правопорядка; выработать общую политику в области безопасности и обороны.

Должен ли сегодня Европейский союз хранить верность заветам «отцов-основателей», видевших в конкретных делах первый этап создания европейской федерации, и возобновить поступательное движение к наднациональной Европе? Или ему следует идти уже предложенным путем постоянно углубляющегося сотрудничества независимых государств?

Европейская модель уникальна

В европейской модели общества отражено стремление к справедливому мироустройству, базирующемуся на восприятии человеческого достоинства как высшей ценности. Данная модель руководствуется четырьмя основными принципами: неприкосновенность прав человека; культура как средство воспитания и достижения прогресса; устойчивое развитие, подразумевающее и экономическое процветание, и социальную справедливость, и защиту окружающей среды; отстаивание многостороннего подхода в международных делах.

Вышеописанная модель уникальна и присуща только Европе. Понятие человеческого достоинства нигде не приобрело столь всеобъемлющего характера, как в Европе. Опросы, проводимые в ЕС, в том числе и

среди жителей новых стран-членов, подтверждают: европейцы осознают свою приверженность вышеуказанным принципам. Эта модель – символ, но она олицетворяет не «старую Европу», которую обгоняют успешные США, динамичный Китай или растущая Индия. Наоборот, европейский мир справедливости – это предтеча нового «нового мира», мира завтрашнего дня. Мира, в котором такая ценность, как права человека, станет несоизмеримо важнее принципа государственного суверенитета, рост производства будет ограничен во имя достижения устойчивого развития, а политика силы уступит место отношениям, построенным на идеалах безопасности и справедливости.

Политическая Европа необходима для того, чтобы защитить европейскую модель от угрозы исчезновения. Ведь в настоящее время эта модель пребывает в состоянии кризиса, обусловленного в первую очередь рядом внутренних причин.

Во-первых, Европа не готова приспособиться к экономическим изменениям. В отличие от США европейские страны не перешли от имитационной модели (основанной на заимствовании чужого опыта и технологий) к инновационной стратегии, к экономике знаний.

Во вторых, нет ответа на новые социальные требования европейцев, которым уже недостаточно чувствовать себя защищенными в случае

личного неуспеха. Они хотят, чтобы общественные институты обеспечили их средствами для достижения успеха.

В-третьих, не удастся остановить процесс старения населения.

В-четвертых, недостаточно усилий в сфере экологии.

В-пятых, растет недоверие к демократическим институтам и механизмам. Наименее успешные граждане, по сути, выпали из демократического процесса. А наиболее образованная часть населения проявляет всё меньший интерес к выборам, считая представительскую демократию довольно несовершенной формой. Граждане разочарованы неспособностью европейских демократий найти выход из современного кризиса.

Европейская модель подвергается угрозам и извне. Главный риск — это опасность не выдержать давления мондиализации. Мондиализация экономических потоков представляет собой серьезную проблему для европейской модели развития, которой свойственно активное использование регулирующих механизмов. Кроме того, существует опасность того, что Европа окажется бессильной в мире, который сформировался после событий 11 сентября 2001 года. «Кантовское» видение европейцев сталкивается с реальностью «мира Гоббса». И здесь возникает парадокс: Европа не может отказаться от права силы, если хочет распространить силу права.

Не возмещение, а предотвращение

Чтобы успешно развиваться, Европейский союз должен твердо усвоить: построение политической Европы вдохнет новую жизнь в европейскую модель. До сих пор европейская модель справедливости действовала следующим образом: возможность обогащаться — сначала, а меры по преодолению негативных последствий этого — потом. Так, государство благосостояния стремится скорректировать побочные эффекты функционирования рынка. Экологическая политика возмещает ущерб от деятельности человека. Помощь развивающимся странам призвана компенсировать экономическую отсталость Юга...

Должен измениться сам принцип европейской справедливости: вместо борьбы с отрицательными последствиями жизнедеятельности общества — противодействие их появлению.

Каковы ориентиры для новой модели справедливости?

● **Европа экономических возможностей.** Необходимо вновь ступить на путь развития. Речь идет, в первую очередь, о реализации «Лисабонской стратегии»: развитие инвестиций в исследования, в высшее образование, придание динамики внутреннему рынку.

● **Европа экологических возможностей.** Необходимо руководствоваться принципом «экологической превентивности»; систематически бороться против деградации экосистем.

● **Европа социальных возможностей.**

Нужно добиваться реального равенства возможностей. Чтобы все обладали равными стартовыми условиями, общество должно вкладывать больше средств в тех граждан, чей собственный капитал невелик.

● **Европа социальной защиты.** Требуется ликвидировать прорехи в сети социальной защиты европейцев. Необходим европейский социальный минимум, который рассчитывался бы в каждой стране исходя из ее среднего уровня.

● **Европа в мире.** Мы должны распространять принципы справедливого международного устройства, защищать многосторонние институты, стремиться к тому, чтобы экономическая помощь Севера стала мотором развития Юга, выработать и проводить в жизнь общую иммиграционную политику.

● **Европа бюджетного федерализма.** Политическая Европа не может функционировать при неизменно низких бюджетных средствах, составляющих примерно 1 % от европейского ВВП. Следует отменить нынешний потолок отчислений в союзный бюджет (1,24 % ВВП), а сам бюджет должен последовательно увеличиваться.

Европе нужны институты, призванные решать задачи исключи-

тельно политического характера.

Вопрос создания таких органов уже обсуждается в связи с подготовкой Конституционного договора, но вступление в силу этого документа – не пункт прибытия, а точка отправления. Он должен содержать положения, предусматривающие его пересмотр.

Необходимо также, чтобы политические институты действовали открыто и формировались путем политического волеизъявления граждан. Жители Европы должны испытывать чувство принадлежности к ней. Европейская демократия невозможна без европейского демоса.

Строить политическую Европу – это значит и определить ее внешние границы. Ответ надо искать не в прошлом, а в будущем. Бессмысленно вспоминать о прежних европейских рубежах, но стоит задуматься о месте, которое Европейский союз сможет занять в мире в следующие десятилетия. Завтрашний баланс определяют крупные зоны влияния, формирующиеся уже сегодня: это американский полюс, Китай, Индия. Чтобы найти достойное место, Европа должна обрести собственную зону влияния и воссоединиться с колыбелью своей цивилизации – Средиземноморьем.

Между Марсом и Венерой

Ласло Лендьел

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО «ЯДРА»

Всякий раз, когда США выдвигают новую имперскую инициативу, часть континентальной Европы отступает за свои бастионы. Всякий раз, когда Европа начинает расширяться и получает какие-то преимущества, США стремятся уравновесить чаши весов и с этой целью предпринимают те или иные шаги на мировой арене. Вспомним: в 1960-е годы Кеннеди, вдохновленный идеями либерального универсализма, вознамерился изменить сложившийся в мире политический, экономический и военный порядок, и это заставило франко-германский дуэт, возглавляемый де Голлем и Аденауэром, укрыться в укрепленной оболочке «европейского ядра» (*Kerneuropa*). Президент де Голль наложил вето на присоединение Великобритании, Дании и Португалии к Общему рынку. Длительное время Европа создавала свои доморожденные учреждения и организации, исключив из этого процесса Великобританию, Скандинавию, Пиренейский полуостров, Центральную и Восточную Европу.

В начале 1980-х сотни тысяч немцев, британцев, итальянцев и французов вышли на улицы, чтобы выразить свой протест против размещения на территориях их стран американских ракет «Першинг» и дать отпор неоконсерватизму в трактовке Рейгана и Тэтчер. «Мы хотим жить в государстве всеобщего благосостояния, — говорили они. — Мы — за пацифизм!» Жителям «европейского ядра» нужен был мир, а не сдерживание советской империи: они готовы были даже пожертвовать Польшей, погрузившейся во тьму чрезвычай-

Ласло Лендьел — генеральный директор Института финансовых исследований (г. Будапешт). Полная версия статьи — на сайте www.global-affairs.ru.

ного положения, и миллионами жителей Центральной и Восточной Европы, запертыми по другую сторону Стены.

Крах советской империи, случившийся прежде всего благодаря американской политике, застал «ядро Европы» врасплох. Германия, локомотив европейской экономики, надорвала свои силы после падения Берлинской стены в 1989 году. Она стала жертвой собственной победы, как это случилось с Францией в 1918-м или с Великобританией после 1945-го. Германская политическая и деловая элита не сомневалась, что сможет вершить несколько дел одновременно: интегрировать земли Восточной Германии, реализовать Пакт стабильности и роста ЕС, завоевать рынки России, Центральной и Восточной Европы, а также победить в подхлестываемой Америкой глобализационной гонке. Германия надеялась справиться со всеми этими задачами, не внося существенных коррективов в формат своей социальной рыночной экономики (*soziale Marktwirtschaft*).

Истолковав 1989 год как триумф «рейнской модели» (приоритетное развитие производительного, а не банковско-спекулятивного сектора экономики. Активная помощь государства «неприбыльным» секторам: социальное обеспечение, медицина, образование, наука. — **Ред.**), немецкие политики уверовали в свои силы. Германия, мол, вполне способна создать Европу по своему образу и подобию: Западная Европа — на первом месте, Восточная Европа — на втором. Люди, стоявшие у руля крепкой немецкой экономики, полагали, что в состоянии победить на мировом пространстве 1990-х, организованном в соответствии со вкусами англичан и американцев. По-видимому, немцы подхватили «японскую болезнь», когда, стремясь захватить стратегические цитадели американского бизнеса, смело вырвались из защитного европейского кокона и согласились измерять свой успех по меркам фондовой биржи, забыв о собственных бастионах регулируемого рынка, о тройном союзе между государством, корпорациями и крупными банками, о негибком рынке труда. Они потерпели полный крах. Грозные гиганты немецкой экономики — *Deutsche Telecom, Daimler-Benz, Mannesmann, Deutsche Bank, Allianz* — серьезно пострадали оттого, что слишком увлеклись играми с американскими компаниями (то же самое произошло и с японскими корпорациями, которые уже стучались в двери Голливуда).

Воссоединение Германии настолько шокировало вторую европейскую державу — Францию, что она потеряла ориентацию во внешней политике и оказалась в дипломатическом замешательстве.

Попытавшись противодействовать процессу объединения, Франция примерно на десять лет лишилась доверительных отношений с Германией; своими мелочными придирками она препятствовала расширению ЕС на Восток; вопреки мнению всех других членов клуба настаивала на общей и абсолютно несостоятельной сельскохозяйственной политике и допустила ошибки на Балканах. Зато деловые круги Франции совершали доблестные набеги на Европу, Россию, Южную и даже Северную Америку. Наступление, осуществленное благодаря корпоративной реформе 1983 года, которая помогла французским компаниям модернизировать и глобализировать свою деятельность, продолжалось в течение всего бума 1990-х.

Однако эта атака захлебнулась из-за недостаточного тылового обеспечения. Французское правительство не смогло довести до конца основные административные и государственные реформы. Планы децентрализации 1981 года провалились, попытки реформировать государственный сектор, предпринятые Рокаром в 1988-м, Жюппе в 1995-м, Аллегром в 1999-м, натолкнулись на непреодолимые трудности, а реализация проектов Раффарена, кажется, запаздывает. Темпы развития французской экономики замедлились, чрезмерная экспансия корпораций обусловила их неудачи.

Не в пример Франции Великобритания, несмотря на пролитые кровь, пот и слезы, смогла после 1956 года отказаться от имперских амбиций и нашла в себе мужество дважды перестроить экономику в 1980-е и 1990-е при Тэтчер и Блэре. У Германии же не хватило решимости ни для перемен, ни для отступления. Потерпев фиаско, руководители немецких корпораций опять мечтают о новом броске вперед вместо того, чтобы думать о достойном уходе и списании убытков. В условиях тревожной дефляции Германия по-прежнему проводит негибкую финансовую политику, предписываемую Пактом стабильности и роста ЕС.

Единственное место, где Германия, похоже, готова сдать позиции, ослабить былую активность, влияние, а заодно и уменьшить щедрые вливания, — это Центральная и Восточная Европа, что стало для расположенных там стран неприятным сюрпризом. Безднадежные капиталовложения в собственные восточные земли утомили Германию, и она решила, что помощь переходным экономикам, которым никак не удастся оправиться после многократных перестроечных приступов, — дело неблагодарное. Расширение ЕС на Восток, которое было главным хобби Германии при Коле, во второй половине 1990-х годов ста-

ло не более чем англо-американским предприятием при поддержке НАТО. А после заключения соглашения между Францией и Германией «новые демократии» увидели в Ницце и Копенгагене скупой и недружелюбный ЕС — континентальные державы замкнулись в «европейском ядре», отгородившись от остальных.

Немецкий бизнес не мог или не хотел подталкивать победивших политиков в Берлине и в целом благодушно настроенное общество к тому, чтобы достойно ответить на вызовы англо-американской модели. До 2003-го любая попытка начать реформы, будь то справа или слева, встречалась в штыки. Германия до сих пор не реформировала структуры, возникшие еще в конце 60-х годов прошлого века. В рамках этих структур глобальный бизнес и неинтегрированные восточные земли выглядят одинаково чужеродными телами. Хотя Германии еще предстоит переварить все социальные последствия воссоединения, ей нужно в срочном порядке решать проблемы модернизации, которой она не желала заниматься всерьез с конца 1980-х. Конкретно ей необходимо сделать выводы из споров о роли государства, выработать механизмы координации и взаимодействия основных, объединенных общими интересами групп, а также принять решения о том, какие задачи она должна взять на себя в Европе и мире.

Со времени создания ФРГ страна колебалась между проамериканским *атлантизмом* и евроцентричным *интеграционизмом*. С конца 1960-х годов было найдено компромиссное равновесие: экономическая интеграция в рамках Европейского сообщества и решение проблем безопасности в контексте Североатлантического альянса. Между тем Германия сохраняла конкретную экономическую и культурную заинтересованность в Центральной и Восточной Европе. Объединенная Германия не знает, какую роль она должна играть в мире. Она стремится найти свое место внутри Европейского союза, но у ЕС нет ни вразумительной, последовательной и долгосрочной внешней политики, ни политики в области безопасности. Со времени войны в Персидском заливе каждый кризис, несмотря на все старания Германии, выявлял ее неспособность самостоятельно, без помощи США разрешать конфликты мирным путем или через военное вмешательство.

Сегодня и американская, и европейские демократии переживают неприятный этап эволюции. Либеральные демократии уже не кажутся более привлекательными, чем монолитные политические системы. Их традиционная заманчивость улетучилась вместе с главным соперником этих демократий — Советским Союзом. Коррупция, ра-

сизм, партии, покупающие голоса избирателей популистскими лозунгами и действиями, расцветают пышным цветом при современных демократических режимах. Как правило, главным оппонентом американского курса в Европе и во всем мире была и остается Римско-католическая церковь, а папа Иоанн Павел II использует весь свой политический вес, чтобы противодействовать военным конфликтам. Он ставит под сомнение подлинность христианского рвения Америки и справедливость войн, которые та ведет.

После 11 сентября Америка была достаточно сильна, чтобы в одиночку предпринимать любые действия на международной арене, добиваться нужного ей решения от любой международной организации или игнорировать любое такое решение, если оно ей не по вкусу. Но односторонних действий США недостаточно, когда дело доходит до стабилизации в постконфликтной ситуации (в случаях с Афганистаном, Ираком либо палестино-израильским противостоянием) или когда нужно создать крупные и дееспособные структуры по поддержанию мирового порядка. В Европе у Германии и Франции хватает сил, чтобы предотвратить любые боевые действия либо оказать помощь в реализации программ послевоенной стабилизации, но они тоже не способны установить в мире порядок, действуют ли они сообща с Америкой или без нее.

Как же, по мнению США, следует поступать, когда в стране немало внутренних проблем, а международные организации не реформируются? Ответ один: необузданный унилатерализм. Америка не потерпит, чтобы кто-то влиял на ее решения или мешал ей реализовывать их. Точно так же Германия и Франция реагируют с конца 1990-х на дилеммы европейской институциональной надстройки и на внутренние беды, применяя односторонние действия в европейском масштабе. Если бы США выявили свои национальные интересы и отчетливо объявили о них в конце прошлого тысячелетия, Франция и Германия так же быстро последовали бы американскому примеру в Европе. Когда дело доходит до переговоров с малыми странами — членами ЕС и «новыми демократиями» по поводу новых структур управления Европой, франко-германский союз ведет себя недобросовестно, занимая крайне жесткую позицию.

Неудивительно, что, как только Соединенное Королевство нарастило политико-экономическую мускулатуру, оно взяло инициативу в свои руки. С конца 1990-х годов Блэр и Великобритания являются самой передовой силой в Европе. Когда Великобритания направляет Европу к либерализованным рынкам с антитрестовскими

законами, одновременно усовершенствуя совместную деятельность с правительствами, или когда она расширяет ЕС на Восток и в то же время поднимает на новый уровень сотрудничество с США в сфере безопасности, то она тем самым предлагает альтернативную модель развития. Эта модель соперничает с консервативными по своей сути установками франко-германского дуэта, сводящимися к идее сохранения статус-кво держав. Британцы и отчасти стоящие за ними американцы сумели заручиться поддержкой большинства из 25 стран — членов ЕС. Но эта победа может быть мимолетной: взвалив на себя больше обязательств, чем возможно выполнить, Тони Блэр перегнул палку. Экономическая зависимость — грозная сила; Великобритания связана более тесными узами с европейскими государствами, в частности с Францией и Германией, чем с США.

Когда начались споры в Североатлантическом союзе, Франция и Германия попытались заполучить голоса России и Китая в Совете Безопасности ООН. Однако российские и китайские политики предпочли не брать на себя никаких обязательств и заняли позицию «поживем — увидим». Ощущая неспособность предложить новые международные структуры, Россия и Китай смогли лишь действовать в соответствии с собственными интересами и время от времени поддерживать обструкционистскую политику Европы.

БОРЬБА ЗА КИТАЙ

Из Центральной Европы хорошо видны вершины трех империй — Японии, Китая и России. Япония потеряла статус мировой экономической державы, превратившись в великую региональную державу Азии и Океании. Китай же, наоборот, постепенно превращается из великой азиатской державы в мировую. Что касается России, то она утратила статус военно-политической мировой державы, превратившись в великую державу Евразии.

Очевидно, что своим главным партнером и конкурентом Китай считает США. Как полагают в Пекине, Европейский союз и великие европейские державы являются в долгосрочной перспективе важным фактором достижения всемирного равновесия сил. В конце 1980-х — начале 1990-х годов европейские компании заложили основы для последующей модернизации Китая. Но с тех пор башни на этом европейском фундаменте строят уже Соединенные Штаты с их гигантским рынком потребления. Значительную зависимость от экономического роста и потребления Америки Китаю снова нужно уравно-

вешивать с помощью европейских рынков. Между тем Европа со своими замедляющимися темпами роста и проблемами в сфере конкурентоспособности все сильнее отстает в борьбе за Китай.

Инвестиционными и транспортно-экспедиционными центрами для Китая могут стать государства Восточной и Центральной Европы, которые на сегодня являются наиболее динамичными европейскими странами в плане экономического развития. Со своей стороны новые европейские демократии могут надеяться на более активные торговые отношения с Китаем и поступление новых ресурсов из этой страны. Кидать пробные шары в сторону Европы для Китая куда менее рискованно, чем предпринимать любые попытки «набегов» на Северную и Южную Америку, Африку или Ближний Восток.

ГОЛЛИЗМ ПО-ПУТИНСКИ

В ельцинской России кризис стал образом жизни. Проводя непредсказуемую политику с позиции силы, Москва хотела остаться мировой державой, но в то же время брать на себя как можно меньше обязательств. России не хватало сильной, централизованной власти и стабильных государственных доходов. Олигархи финансировали правительство, шантажируя его и требуя взамен государственных привилегий и защиты. (Как это похоже на Китай 1930-х годов, когда банки и предприятия кланов Сун, Кун и Чэнь тесно переплелись с семьей и государством Чан Кайши!) В годы олигархического капитализма Россия стала экономическим карликом. Российских политиков преследовали те же кошмары, от которых страдали прусские политики в XIX веке, — боязнь оказаться в окружении коалиции враждебных государств.

Путин пробует маневрировать во внешней и внутренней политике, стремясь создать сильную, централизованную Россию с устойчивыми государственными доходами. Для достижения этой цели он натравил одну группу олигархов на другую, дал возможность некоторым олигархам «отмыться» и получать доходы на мировом рынке при условии исправного перечисления в казну налогов и таможенных сборов. Политика Путина прямо противоположна ельцинской: нынешний президент пытается выстроить новый баланс сил и вовлечь в него как можно больше внутренних группировок и внешних держав. Он создает больше коалиций, чем кто бы то ни было, чтобы никто не смог создать коалиции против него и против России.

Путинская версия голлизма, движимая государственными соображениями, опирается на холодный расчет. В отличие от Бориса Ельци-

Сфера услуг как любовь к свободе

«Удивительные люди — венгерские корчмари, мой друг. От них только за плату можно добиться слова, а есть даже такие, из которых и платой ничего не выжмешь. Что бы вы у него ни попросили, на все он отвечает: нет. Или скажет, что, мол, не станет ради этого разводить огонь. То было со мной в двух деревнях Бихара. Я почти не ел: давали мне, что хотели, а не то, что я просил, и притом — словно из милости. Но я не сердился. Напротив, мне было приятно, очень приятно, — ведь даже это говорило о том, что венгерец за стыд почитает прислуживать, что он не рожден для рабства, черт побери!»

*Шандор Петефи,
венгерский поэт-революционер.
«Путевые письма», 1847 год*

на Владимир Путин — не один из олигархов, не боярин, не отец «семьи». Но он и не мечтатель распадающегося государства, каким был Михаил Горбачёв. Путин — человек империи, государственник. Он поддерживает изумительный баланс, как это делала Франция во времена де Голля, когда она потеряла статус мировой державы. С одной стороны, Путин делает то, чего от него ждет Запад, с другой — укрепляет суверенитет России, пытаясь угодить как англосаксонскому миру, так и континентальной Европе. Степень свободы его маневра определяется слабостью государства, ограниченными экономическими возможностями, силой олигархов и давлением со стороны других стран. Позволив олигархам стать экономически независимыми и установить прямые контакты с Западом, он может увеличить государственные доходы и сократить инвестиционные риски. Но это ослабило бы централизованное государство и сузило бы его сферу влияния, потому что в данном случае сформировался бы олигархический центр власти, ничем не уступающий имперскому центру, который может стать вероятной жертвой иностранных держав. Таким образом, политика «натягивания и отпускания вожжей» — это не прихоть Путина, а естественное и логичное средство построения государства и восстановления великой державы.

Путинская Россия гонится за временем. Успеет ли она аккумулировать достаточно сил и средств, чтобы начать решительную модер-

низацию и реформы, или снова ослабевает под воздействием глобализационных процессов и превратится в страну со слабой государственностью и могущественными боярами? В последние несколько лет в России начался новый этап роста, который, однако, зиждется на весьма шаткой основе. Государство сумело сосредоточить в своих руках некоторые экономические резервы и возможности для кризисного управления, а президент обрел значительную власть. Вопрос в том, для решения каких задач этого хватит? Путин попытался дать больше свободы маневра во внутренней российской политике и в главном целевом регионе своей внешней политики — Центральной Азии, вступив в коалицию с великими державами — до 11 сентября 2001 года с европейскими, прежде всего с Германией, а после атак на Нью-Йорк — с Соединенными Штатами. Это привело к большей внешней открытости страны, так и не осуществившей серьезных реформ. Но теперь следует неизбежно ждать временного «закрытия» страны и даже еще более решительного государственного администрирования, поскольку общество не в состоянии выносить грандиозные перемены, вызвавшие широкое распространение неравенства.

Сегодня Россия важнее для Центральной и Восточной Европы, чем Центральная и Восточная Европа для России. Польше и Венгрии, Словакии и Румынии нужна предсказуемая и процветающая Россия, которая является не только надежным поставщиком сырья, но и, благодаря своему капиталу, стабилизирующей и динамичной силой в регионе. Для стран, только что вступивших и вступающих в Евросоюз, сильная Россия — это не устрашающая опасность, а полезный политико-экономический партнер, гарантирующий безопасность в регионах к востоку от нас. Сегодня Центральная и Восточная Европа не входят в число явных приоритетов России: Соединенные Штаты, развитая часть Европейского союза, Китай, Центральная Азия и Ближний Восток — все эти регионы важнее для нее, чем мы. Но, как нам известно из истории, великие взоры Российской империи будут снова и снова обращаться в нашу сторону.

ДИЛЕММЫ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ

Страны бывшего советского блока, расположенные в Центральной и Восточной Европе, дрейфуют между националистическими, шовинистическими и протоэмпирическими фантазиями, с одной стороны, и евроатлантической *Realpolitik* вкупе с внутренним импульсом к конформизму и уступкам — с другой. Пророческая энергетика, идеологи-

ческая и националистическая лихорадка, отвращение к потребительскому капитализму, Европе и Западу — все это не на руку светским, прорыночным и проевропейским политикам, способным встать на позиции западников. Элиты и общества, находящиеся в родовых муках переходного периода, делают ставку то на политику по принципу «зуб за зуб», то на идеи *здравомыслящих европейцев*.

Здравомыслящие политики из Центральной и Восточной Европы пытаются сохранить равновесие между *атлантизмом* и интеграционными задачами. Они стараются подчеркивать свое одинаково дружелюбное отношение к США и европейским державам, а также желание вступить как в НАТО, так и ЕС. Наиболее предусмотрительные последовали примеру Германии 1989 года: экономическая интеграция с Европой, альянс с США и НАТО для обеспечения безопасности и политика умиротворения восточных соседей и России.

В эпоху трансатлантического мира, когда мать Европа и отец Америка — Венера и Марс — жили в согласии и гармонии, эта формула здравого смысла в политике стран Центральной и Восточной Европы приносила замечательные плоды. Но как только в благородном семействе случился скандал и мама начала кричать, а папа стал качать права, хрупкие «новые демократии» оказались в полном замешательстве. Великие державы, спорящие друг с другом, требуют, чтобы мы заняли однозначную позицию по всем мировым проблемам. Между тем на протяжении многих веков лидеры стран Центральной и Восточной Европы и их народы привыкли делать то, чего ожидала от них та или иная сверхдержава, контролировавшая данный регион. Если они решались на бунт (как, например, Венгрия в 1848–1849, 1918–1919 или 1956 годах либо Польша в 1831, 1862, 1944, 1971, 1980–1981 годах), то их жестоко наказывали.

Если Венгрия во время войны примет сторону той или иной державы, можно не сомневаться, что она потерпит поражение. Если две державы ссорятся по какому-то вопросу, Венгрия непременно получит нагоняй от обеих, после чего те мирно разойдутся. В 1989-м Венгрия выбрала Европу и Запад не потому, что надеялась победить, а потому, что этот выбор означал для нее единственный шанс выжить.

Кто сегодня имеет статус державы, господствующей в регионе? Прежде Америка и Европа как-то делили его между собой — по крайней мере, так нам виделось из Центральной и Восточной Европы. Но кто теперь заказывает музыку: Вашингтон, Берлин или Па-

риж? Чью модель нам следует принять? Раньше это был трансатлантизм, непонятная смесь вселенской глобализации и европейского регионализма. Америка гарантировала внешний мир и безопасность, а Европа — внутреннюю стабильность. Но к кому нам теперь идти, что выбрать: американскую или европейскую модель? Должны ли мы отказаться от внутренней стабильности ради внешней безопасности или наоборот? Должны ли мы принять рекомендуемую Америкой модель? Модель, которая не только вынуждает нас посылать войска в Ирак, но и требует отказаться от идеи Международного уголовного суда, во имя борьбы с терроризмом передавать американским властям всестороннюю информацию о наших гражданах, пересмотреть свою позицию в отношении смертной казни, проявить нулевую терпимость и усилить полицейские функции государства? Неужели нам уготовано такое будущее?

А может быть, нам следует поддержать инициативы «европейского ядра», франко-германские пакты, «больших братьев», которые разделяют новичков ЕС и строят «малых братьев» по ранжиру? Должны ли мы с энтузиазмом поддерживать запоздалые реформы и несуществующую внешнюю политику Европы, в частности ее несуществующую политику в области безопасности? Мы хотели бы уступить и вести себя хорошо. Но США ожидают от нас действий, которые раздражают Европу, и наоборот. Оба спонсора кормят нас туманными обещаниями будущих наград и угрожают конкретными наказаниями. Оба хотят разделить нас. Как мы можем одновременно быть пылкими и патриотичными христианами (этого хотят американцы) и миролюбивыми, светскими космополитами (желание «старой» Европы)?

Гибкость, присущая странам Центральной и Восточной Европы, способна творить чудеса. Можно не сомневаться в том, что рано или поздно мы начнем продавать американцам и французам кошерную свинину. Но что нам делать сейчас? Наши решения зависят от ежедневно меняющихся прихотей того или иного спонсора и от реального расклада сил в нашем регионе. Если матушка Европа призывает нас сдавать европейский экзамен в Копенгагене, мы хвалим ее прическу. Если папаша Америка стучит ногой в нашу дверь, требуя, чтобы мы помогли ему в Ираке, а его английские и испанские приятели выкручивают нам руки, чтобы заставить нас, как минимум, дать обет лояльности, мы подпишем любую бумагу и будем восхищаться папиными бицепсами.

Жители Центральной и Восточной Европы ненавидят войну. Они с ужасом вспоминают кровавые войны прошлого и недавнее крово-

пролитие на Балканах. Поляки, чехи, венгры и словаки выступают против войны в Косово, Афганистане и Ираке. Они не верят в войны с гуманными намерениями или с целью распространения демократии. Однако правительства этих стран, вопреки воле своих народов, вынуждены выполнять международные обязательства, которые взяли на себя. Граждане демократий, присоединившихся к Евросоюзу, голосовали за Европу в надежде обрести мир и безопасность.

Задним зрением мы видим, что американо-европейское партнерство, напоминающее Древний Рим и Древнюю Грецию, открыло в середине 1990-х годов максимум возможностей не только для нас, жителей Центральной и Восточной Европы, но и для всего мира в целом. Это был современный серебряный век, когда стареющие и умирающие международные организации все еще оставались дееспособными, а мир — предсказуемым. Но сегодня мы живем в железный век, когда бал правят сила и пророчества, а события в мире не поддаются прогнозированию.

На долю «ядра Европы» выпало несколько кризисов. В середине 1960-х она сделалась посмешищем, а в начале 1980-х японская болезнь была названа «евросклерозом». Вместе с тем стареющая, страдающая ожирением и отдышкой Европа сумела выйти из тупика. Она пережила Советский Союз, который грозился поглотить ее, и храбро встретила атлантические кризисы. Теперь она больше, чем когда-либо; это уже не просто «европейское ядро» или франкская империя. Хлопни она дверью перед остальным миром, это ей не поможет. Будущее Европы — в открытости, сотрудничестве, диалоге, духовном и интеллектуальном обновлении. Лицо Европы теперь определяется не только политикой Франции, Германии и Бенилюкса, но также и позицией стран Пиренейского полуострова, Скандинавии и Балтии, Великобритании и Ирландии, а также спецификой стран Центральной и Восточной Европы. Это Европа мужчин и женщин, детей и престарелых, меньшинств и людей с ограниченными возможностями. Это место, где светские и религиозные люди, католики и протестанты, православные и иудеи, мусульмане и буддисты могут встречаться и находить общий язык. Наше будущее — не в идеологических формулах, наполненных миссионерским рвением, а в сотрудничестве цивилизаций, мыслящих и действующих по-разному.

«Интеллектуальный и нравственный центр мира находится в Европе», — написал Томас Манн в своих дневниках в октябре 1947 года. В самом ли деле он там находился? А где он находится сейчас?

Балтийская «лаборатория» Большой Европы

Игорь Юргенс

Весна 2004 года может по праву претендовать на то, чтобы войти в историю взаимоотношений России и Европейского союза как период крупных достижений, решительных шагов навстречу друг другу. Один за другим были подписаны два важнейших документа, знаменующих новое качество взаимодействия. В конце апреля — протокол о распространении на новые страны — члены ЕС действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и Европейским союзом. А на майском саммите Россия — ЕС в Москве — протокол о поддержке вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Подготовка обоих документов шла непросто, стороны обменивались жесткими заявлениями, и иногда казалось, что назревает настоящий кризис. В итоге компромисс был достигнут. Как выразился комиссар ЕС по торговле Паскаль Лами, «начиналась гроза, но теперь погода улучшилась». Накопленный опыт успешных переговоров дает основания надеяться на то, что впредь сложные вопросы, которые неизбежно возникнут между Москвой и Брюсселем, будут решаться на взаимовыгодной основе. Подписанные документы носят принципиальный характер еще и потому, что в значительной степени подводят черту под предыдущим периодом отношений. Прогресс достигнут по ряду проблем, которые не удавалось разрешить годами; эти проблемы мешали двигаться вперед, расширять и углублять связи между Россией и Евросоюзом. Ясно, что и в дальнейшем отношения не будут похожи на идиллию, но это нормаль-

И.Ю. Юргенс — вице-президент и исполнительный секретарь Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей), член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

но, когда речь идет о взаимодействии столь крупных международных субъектов, как Россия и Европейский союз. Полный баланс минусов и плюсов, связанных с приближением ЕС к границам России, вероятно, нельзя будет определить сразу. Но стратегические выгоды от существенного расширения экономических, политических, культурных, научных связей на континенте очевидны.

АТМОСФЕРА УЛУЧШАЕТСЯ

Важным элементом более широкого процесса создания общеевропейского экономического и политического пространства является взаимодействие России со странами Балтии – Латвией, Литвой и Эстонией. Для этих государств весна 2004-го тоже историческая: они стали полноправными членами Европейского союза и НАТО. Договоренность России и ЕС – хорошая новость для Балтии. Если бы «гроза», то есть фактически торговая война, разразилась, российско-балтийским отношениям был бы в очередной раз нанесен тяжелый урон. К счастью, этого не произошло. Конечно, новую модель сотрудничества еще предстоит отработать. СПС, в отличие от торговых договоров, подписанных в свое время с Литвой и Латвией (но не с Эстонией), предполагает введение режимов наибольшего благоприятствования в торговле, включая свободный доступ на финансовые рынки, к внутренним водным путям и пр. В то же время балтийские страны, присоединяясь к Евросоюзу, отгораживаются от России Шенгенским соглашением по визам, высокой платой за транзит наземного транспорта, квотами на поставки в эти страны товаров из России, составляющих значительную долю всего объема российского экспорта.

Несмотря на трудности в отношениях России с государствами Балтии (в меньшей степени с Литвой, в большей степени с Латвией), контакты в таких областях, как экономика, финансы, безопасность, стали в последние годы интенсивнее, чем в предшествующее десятилетие. Это – результат объективных экономических и общественных процессов. Стоит, однако, отметить особый вклад, который внесли в активизацию связей Финляндия, Швеция и Дания, председательствуя в Европейском союзе (соответственно в 1999, 2001 и 2002 годах). Эти страны способствовали привлечению внимания политиков, мировой общественности и бизнеса к возможностям северного региона, в том числе и российского Северо-Запада, укрепляли основы сотрудничества между ЕС и Россией, пытались сгладить возникавшие противоречия.

На улучшение политической атмосферы здесь повлиял и тот факт, что после событий 11 сентября 2001-го Россия и США вступили в войну с международным терроризмом в качестве ближайших союзников. В России сразу снизился накал антинаатовской риторики, а антирусские националистические силы в балтийском истеблишменте лишились части союзников в Вашингтоне. Правда, обострилась конфронтация в связи с проблемой русскоязычного населения в Балтии, что особенно негативно влияет на взаимоотношения России и Латвии.

Для того чтобы текущие трудности не свели на нет долгосрочные стратегические соображения, России и странам Балтии предстоит приложить немало усилий по налаживанию двух- и многостороннего партнерства. Обращение к истории отношений между обеими сторонами, увы, не является здесь подспорьем, но искать взаимоприемлемые решения все равно придется.

Немало вопросов, важных для перспектив всего региона, связано с Калининградом. Москва сделала принципиальный выбор: область будет развиваться не как военный форпост, а как флагман российской экономики. При этом совершенно очевидно, что военное значение Калининграда для России сохраняется, а после расширения НАТО даже возрастает — ведь регион играет особую роль в российской системе раннего предупреждения. Между тем на нынешнем уровне отношений между Россией и НАТО сохранение и повышение эффективности этой системы отвечает не только российским, но и западным интересам.

Проблема калининградского транзита через территорию Литвы решена пока не до конца. После достижения относительно успешной договоренности по транзиту пассажиров Россия настойчиво ставит вопрос об упрощении оформления проездных документов и уменьшении стоимости транзита грузов. После 1 мая 2004 года оформление проезда одной фуры в Калининград и обратно стоит 250 дол. США, что многократно дороже, чем до вступления Литвы в Евросоюз.

Одним из ключевых направлений региональной интеграции является сотрудничество в сфере транзита товаров и энергоносителей через территорию Балтии. Общий потенциал региона возрастает в связи со строительством Россией новых и реконструкцией старых портов, введением в строй Балтийской трубопроводной системы (БТС). В недалеком будущем БТС достигнет запланированной мощности (40 млн тонн нефти в год) с возможным дальнейшим наращиванием объемов экспортируемой нефти.

По мнению многих российских экспертов, в первую очередь руководства государственной монополии «Транснефть», отечественному нефтяному бизнесу не понадобятся услуги портов стран Балтии, поскольку его запросы на этом направлении будут полностью обеспечены трубопроводными и перевалочными мощностями. С этим согласны далеко не все специалисты в странах Балтии и России. Они указывают на географическую привлекательность таких портов, как, например, Вентспилс. А конкуренция более чем 20 портов региона выгодна как потребителям услуг, так и населению.

Тем не менее острая дискуссия вокруг нежелания Москвы использовать трубопровод на Вентспилс, более чем на треть принадлежащий компании «Транснефть», имеет глубокие причины. В ней отражается противоречие между Россией и внешним миром, в частности Европой, в области энергетики. После событий вокруг ЮКОСа стало окончательно ясно, что Кремль твердо намерен сохранить стратегический контроль над природными богатствами страны, в первую очередь углеводородным сырьем, и использовать их как рычаг во внешней политике. Такая позиция не соответствует интересам Евросоюза, который нацелен на создание внутреннего рынка потребителей энергии, заставляя конкурировать между собой ее производителей, в том числе и Россию. Из-за различия подходов буксует энергетический диалог ЕС — Россия, возникают трудности в аналогичном диалоге с США, со скрипом шли переговоры о вступлении России в ВТО. Так что вопрос о транзите энергоносителей через страны Балтии — это лишь элемент более сложной проблемы.

ШКОЛА НЕСТАБИЛЬНОСТИ

По-прежнему острой темой остается положение русскоязычных общин Латвии и Эстонии. Наследие советского периода и трудных 1990-х годов так и не преодолено. Сохранение этой проблемы в повестке дня несет риск постоянной дестабилизации, хотя и менее глубокой, чем ранее.

Русские в Латвии, Литве и Эстонии приняли новые правила игры. Их репатриация в Россию практически прекратилась. Если в начале 1990-х на постоянное жительство в Россию ежегодно возвращались 70—80 тысяч человек, то в 2000 году данный показатель составил менее тысячи. То есть можно говорить об обычной миграции, тем более что в то же время около 400 русских выехали на жительство в страны Балтии.

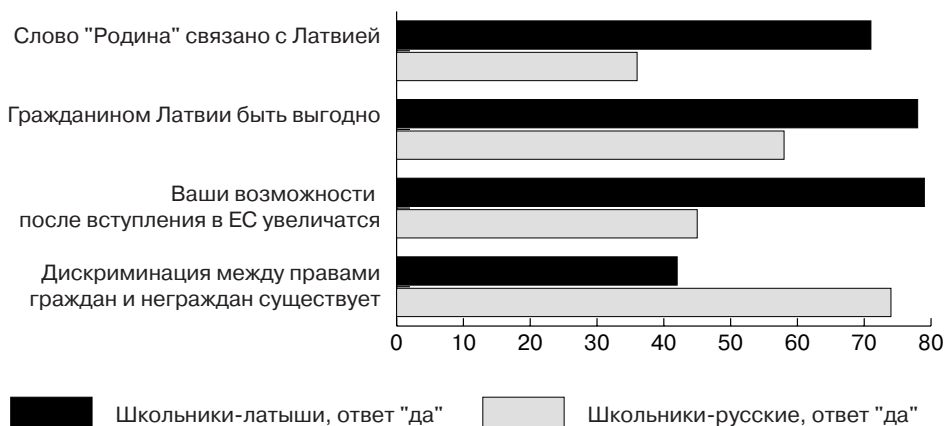
Все трудности становления демократии в балтийских странах наши соотечественники переживают вместе с коренным населением. Но в отличие от Литвы, сразу принявшей «нулевой вариант» и предоставившей гражданство всему населению республики на день провозглашения независимости, ситуация в Эстонии и Латвии развивалась по более сложному сценарию.

Россию по-прежнему не удовлетворяют темпы натурализации русского населения Латвии и Эстонии, которые не только не растут, а, наоборот, падают. После некоторой либерализации в 1998 году жестких требований законодательства о гражданстве, достигнутой под давлением России, ОБСЕ и Совета Европы, гражданами Латвии становились 14—15 тысяч человек в год. Но в 2001-м натурализовалось всего 8 тысяч из полумиллиона неграждан. В Эстонии в 2000 и 2001 годах гражданство получили 3,5 тысячи человек из 220 тысяч, не имеющих гражданства. В обеих странах сохраняются рестриктивные правила предоставления постоянных видов на жительство. Не устранены ни различия в социальных правах, ни запреты на профессии для неграждан.

Новый всплеск обострения отношений с Ригой пришелся на зиму 2004-го и был связан с проблемой русских школ. Реформа образования в Латвии предусматривала, что с сентября этого года учебный процесс будет идти исключительно на латышском языке. После напряженных дискуссий и выступлений русской общины Сейм Латвийской Республики принял закон, согласно которому начиная с 10 класса (в республике 12-летнее школьное обучение) преподавание 60 % предметов должно вестись по-латышски.

Русскоязычная община Латвии отреагировала на это резко отрицательно. Такая инициатива государства сплотила разрозненные прежде группы и радикализировала их настроения. Тон в конфликте задает молодежь, традиционно склонная к решительным методам протеста. Настроения подогреваются тем, что в соседней Эстонии аналогичная реформа осуществляется более гибким способом. Перевод образования на эстонский язык перенесен на 2007 год, при этом решения о переходе той или иной школы на новый режим оставлены на усмотрение муниципалитета.

В результате Латвия стоит на пороге этнического конфликта, что крайне отрицательно влияет на ее отношения с Россией. Разрядить напряженность мог бы мораторий на начало реформы: отсрочка позволит провести серьезные переговоры с крупнейшими организациями школьников и учителей. Такую точку зрения разделяют в ОБСЕ и Совете Ев-

Опрос проведен в рамках проекта «Мы разные в единой Латвии», который финансировался Европейской комиссией (январь-февраль 2004)

ропы. Необходимо отдавать себе отчет в том, что школьная реформа, проводимая под лозунгами интеграции этнических меньшинств в общество, воспринимается русскими в Латвии как составная часть общей дискриминационной политики. Ограничение на использование родного языка ставится ими в один ряд с проблемой «безгражданства».

Ответы на эти трудные вопросы придется искать теперь не только Риге, но и Брюсселю, тем более что подобные проблемы, хотя и менее острые, возникают и в Эстонии, и в Литве. Цивилизованные решения проблем русскоязычного населения балтийские государства обязаны найти ради собственного процветания. Но пока Рига и Таллин мало делают для того, чтобы неграждане видели в них силу, способную защищать, а не ущемлять их интересы, то есть начали бы мыслить в категориях патриотизма. Сохраняется риск возникновения двухобщинных государств и этнического голосования после натурализации.

«СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

Немалый вклад в укрепление стабильности в регионе, в том числе и в развитие российско-балтийских отношений, может внести многостороннее сотрудничество. После длительной «раскачки» конкретные формы обретает программа Европейского союза «Северное измерение». В сферу ее действия входят одиннадцать стран, имеющих выход к Балтийскому морю.

По данным Совета министров Северных стран, который занимается «Северным измерением» на постоянной основе, програм-

ма обладает существенным экономическим и политическим потенциалом. В той или иной форме интеграционные процессы в регионе, включающем и российский Северо-Запад, идут двенадцать лет, с тех пор как в государствах Балтии и в России были созданы информационные представительства Северного совета. Тогда же около 40 специалистов занялись созданием так называемых сетевых систем по связям государственных и общественных организаций. Северный совет начал финансировать проекты малых и средних предприятий и обмена между неправительственными организациями. Общий годовой бюджет составляет около 100 млн евро, из них 20 % расходовались на российском Северо-Западе и в балтийских государствах.

План действий «Северного измерения» предусматривает реализацию в 2004–2006 годах инициатив, направленных на развитие экономики, социальной сферы и защиту окружающей среды Балтийского региона.

В экономической сфере приоритет отдается повышению квалификации специалистов, увеличению финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и созданию современной инфраструктуры. Деятельность Ассоциации энергетического сотрудничества стран Балтийского моря нацелена на включение России в энергетические цепочки ЕС и Северных стран, расширение энергодиалога ЕС — Россия, изучение возможностей дальнейшей интеграции электрических систем региона.

Особую важность для России приобретают проекты «Северного измерения», выделенные в так называемое Партнерство окружающей среды (ПОССИ). ПОССИ получило полную поддержку Европейского совета на саммите в Гётеборге в июне 2001-го и с тех пор аккумулировало для собственных проектов более миллиарда евро. Свой вклад внесли Северный инвестиционный банк, созданный Советом министров Северных стран, Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк, Европейский инвестиционный банк, правительства Швеции и Финляндии. В 2003 году решение о финансировании программ ПОССИ приняла и Россия.

Водоочистные, энергосберегающие и другие проекты ПОССИ планируются к реализации или уже осуществляются в Архангельске, Калининграде, Мурманске, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Новгороде, Республике Коми. Самые крупные суммы предполагается потратить на завершение строительства защитной

дамбы в Санкт-Петербурге (более 400 млн евро) и водоочистных сооружений в этом городе и области (около 200 млн евро).

Объединяя усилия стран региона для решения конкретных задач, «Северное измерение» способствует сближению политиков, бизнесменов, общественных деятелей. На узком участке европейской территории обрабатываются приемы строительства четырех общих пространств — экономического, гуманитарного, внутренней и внешней безопасности. Именно они составят в будущем Большую Европу, частью которой будет и Россия. Значение такой региональной «лаборатории» трудно переоценить — ведь именно здесь совместимость культур, исторического прошлого и традиций, климатических и природных условий, образовательного уровня и экономического развития создают уникальные шансы для реальной интеграции. Остается лишь упорно работать на перспективу, сводя к минимуму риски политических конфликтов, уходящих корнями в прошлое.

Мы исходим из убеждения, что Россия и исторически, и политически, не говоря о культуре, — неотъемлемая часть Европы.

Мы убеждены, что только последовательная интеграция России в основные европейские институты, на основе единых представлений и ценностей, способна обеспечить континенту и миру подлинную безопасность и процветание.

Мы создали общественный Комитет "Россия в объединенной Европе" с целью употребить все наши возможности и авторитет для того, чтобы сделать мечту о единой, безопасной и процветающей большой Европе, Европе от Рейкьявика до Сахалина — реальностью.

Р.О.Е
РОССИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

**Контактная информация:
Комитет "Россия в объединенной Европе"
101000, Москва,
Лучников пер., д. 2**

**Тел.: 206 89 98
Факс: 206 89 97
E-mail: mail@rue.ru
Internet: www.rue.ru**

Евроатлантическая Болгария: с Россией или без?

Проблема отношений России со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), некогда союзниками СССР по «социалистическому лагерю», почти полтора десятка лет оставалась на периферии общественной и научной дискуссии. С тех пор как перестали существовать Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи, представители российской элиты, по сути, игнорировали бывших партнеров, предпочитая вести разговор исключительно с их новыми «хозяевами» в Вашингтоне и западноевропейских столицах. Да и сами страны ЦВЕ, движимые целью добиться скорейшей интеграции в евроатлантическое сообщество, решительно развернулись в сторону Запада в ущерб прежним связям.

После того как масштабное расширение НАТО и ЕС стало реальностью, у бывших союзников возникли новые возможности для диалога. Уникальная ситуация сложилась в отношениях с двумя бывшими странами «восточного блока» — Болгарией и Румынией. С одной стороны, оба государства уже присоединились к НАТО. Их принад-

лежность к евроатлантическому обществу не вызывает сомнений и позволяет перейти к более прагматичной модели взаимоотношений с Россией. С другой стороны — их вступление в ЕС отложено до 2007 года, что обеспечивает сторонам запас времени для спокойного диалога и разработки модели отношений, которая соответствовала бы изменившейся ситуации. Как заметил ведущий болгарский политолог **Васил Гарнизов**, есть возможность «взвешенно и спокойно оценить новый этап, прагматически проанализировать, что мы можем получить друг от друга сейчас, а что — в перспективе».

Параметры будущих отношений обсуждались в ходе «круглого стола» на тему **«Взгляд на болгаро-российские отношения после расширения ЕС и НАТО»**. Встреча, организованная журналом «Россия в глобальной политике» при содействии посольства Болгарии и компании «Медиа-партнер», прошла в конце апреля 2004-го. Представительный состав участников с обеих сторон стал доказательством того, что взаимный интерес возрождается.

Для Болгарии, отметил во вступительном слове посол этой страны в Москве **Илиян Василев**, «принятие евроатлантических стандартов играет роль внутреннего и внешнего регулятора и стабилизатора». При этом болгарские участники не считают, что после вступления государств ЦВЕ в Европейский союз и НАТО их исторические пути с Россией окончательно разошлись. «Подготовка к вступлению в ЕС и НАТО сыграла решающую роль в демократической трансформации стран ЦВЕ и вполне способна сыграть такую же роль в отношении России», — подчеркнул политолог **Любомир Иванов**. Иными словами, дверь в эти организации остается открытой и для Москвы. По мнению депутата Народного собрания и бывшего министра иностранных дел Болгарии **Георгия Пиринского**, «членство Болгарии в НАТО и предстоящее вступление в ЕС нельзя рассматривать ни как барьер в развитии двусторонних отношений, ни как недружественный шаг».

Российские участники давали более сдержанные оценки евроатлантическим перспективам собственной страны. Так, заместитель директора Московского центра Карнеги **Дмитрий Тренин** считает, что «расширение европейского проекта остановится на границах России». Перспективы России ограничены тем, что она слишком «велика, что у нее большие внутренние проблемы, что она более отсталая». Но де-

ло не только в этом: «Россия, как и Соединенные Штаты, — это самодостаточная страна, которая не собирается ни с кем делить свой суверенитет». Поэтому есть основания полагать, что «в обозримой перспективе она вряд ли будет к кому-то присоединяться».

С этим согласна и главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН **Алла Язькова**. На ее взгляд, «само геополитическое положение России должно наводить на особые размышления по поводу ее роли».

Вместе с тем, подчеркнул руководитель Центра исследований европейской интеграции Института Европы РАН **Юрий Борко**, «нежелание вступать в ЕС и НАТО не есть антиевропейский выбор. Это выбор иной модели отношений. Потому что стратегически мы всё равно связаны с Европой. И в сфере экономики, и в сфере политики, и в сфере безопасности. Взаимная зависимость, которая уже сейчас исключительно высока, впредь будет только расти».

Подобную позицию разделяет и руководитель Информационного бюро НАТО в Москве **Рольф Вельбертс**: «Россия также сделала свой выбор в пользу евроатлантического сообщества, но если Болгария сделала целый шаг, то Россия сделала полшага».

При этом высказывались разные оценки нынешнего состояния самих

евроатлантических организаций и происходящих в них процессов. По мнению Юрия Борко, «облик ЕС кардинально меняется. Это было объединение высокоразвитых государств Западной Европы. Теперь это — объединение двух групп государств: высокоразвитых и среднеразвитых». А директор Института мировой экономики и международных отношений РАН академик **Нодари Симония** уверен: «Расширение НАТО и расширение ЕС — это не часть одного процесса, а процессы, которые друг другу противоречат. ЕС стремится к автономному существованию в рамках западного мира. НАТО хочет сохранить прежнюю иерархию, в которой доминируют американцы».

Хотя организаторы «круглого стола» изначально стремились уйти от обсуждения вопросов, связанных с опытом прошлого, они все-таки были затронуты в ряде выступлений. По мнению Георгия Пиринского, вне зависимости от политической ситуации Россия и Болгария располагают ценнейшим историческим капиталом: очень искренними и глубокими симпатиями, которые издавна связывают народы обеих стран.

Однако заместитель руководителя исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике **Дмитрий Суслов** полагает, что, «став членами НАТО и интегрируясь в ЕС, страны ЦВЕ, в том числе и Болгария, входят в иное и чуждое нынешней России политическое ин-

теграционистское пространство, основанное на строгих ценностях и нормах».

Наиболее пронзительно тема исторического наследия прозвучала в выступлении депутата Государственной думы **Константина Затулина**. Напомнив о том, сколь часто за последние столетия Россия приходила на выручку болгарским братьям, он заметил: «У меня возникает впечатление, будто что-то не в порядке в Болгарии — то ли с совестью, то ли с точкой зрения».

Общее историческое наследие стало основной темой выступления заведующей кафедрой европейской интеграции МГИМО (У) МИД РФ **Ольги Буториной**. Россия и Болгария, по ее мнению, объединены общей традицией, которая, в отличие от традиции западноевропейской, не предполагает таких понятий, как отделение церкви от государства, уважение прав собственности и разделение между трудом промышленным и сельскохозяйственным. В целом, на ее взгляд, «оказавшись в окружении западных стран, которые пишут на латинице, для которых православная культура не является близкой и понятной, Болгария столкнется с риском потери самоидентификации». С этим категорически не согласился посол Илиян Василев: «Из-за вступления в ЕС мы не станем менее православными и не будем менять нашу письменность, потому что мы слишком

Для всей Европы

Сегодня мы позвонили по телефону в несколько пограничных пунктов, откуда фрукты и овощи отправляются за границу.

Мартин Баиров, начальник таможи в порту Бургас, сообщил:

– Двадцать седьмого сентября в порту бросил якорь рефрижератор «Хильде Хорн» из Германской Демократической Республики. Он доставит в Англию четыреста тонн винограда. Из Бургаса будут отправлены морем в Англию 2060 тонн винограда, 828 тонн уже отгружены.

Руса Юперлиева, работник таможи в городе Русе:

– В Советский Союз отправлены двадцать два вагона винограда и столько же яблок.

Кирилл Крыстев, начальник таможи в порту Видин:

– Из Видинского речного порта экспортировано в ГДР сорок две тонны яблок и более двухсот двадцати тонн винограда, а в Чехословакию – семьдесят одна тонна винограда.

Антоанета Христова, сотрудница организации Булгарплодэкспорт:

– Всего 27 сентября было отправлено за границу тысяча двести двадцать тонн винограда, сорок тонн персиков, шестьсот пятьдесят тонн яблок, восемьдесят тонн перца.

Газета «Народна младеж» (Народная Республика Болгария),
28 сентября 1960 года.

долго, с древних времен, участвуем в процессе ее создания и распространения».

«Чем скорее Болгария будет принята в Европейский союз (пусть даже она станет там третьим или четвертым кольцом), тем больше стимулов и ресурсов для экономического развития. А это принципиально важно с точки зрения самоидентификации болгарской нации и ее сохранения на мировой арене, на европейском континенте», – считает старший научный сотрудник ИМЭПИ РАН **Татьяна Валева**.

На взгляд же Константина Затулина, «вступление Болгарии в Европейский союз и НАТО приводит к очень серьезным изменениям и в человеческих, и в политических изменениях».

Как повлияет изменение статуса Болгарии на конкретные аспекты ее отношений с Россией? По мнению ряда российских участников, София утратит свободу рук в проведении собственной внешней политики, в частности на российском направлении. Ольга Буторина не сомневается: «Не стоит надеяться, например, на то, что София выступит союзницей Москвы в переговорах с ЕС о безвизовом режиме. София, скорее всего, будет действовать с оглядкой на большие страны ЕС, чтобы не вызывать их гнева».

Тем не менее, с точки зрения Юрия Борко, трудности в выстраивании отношений России с ЕС как единым сообществом неизбежно будут толкать Москву к активизации двусторонних связей.

Эта позиция совпала с мнением депутата Народного собрания Болгарии, в прошлом министра торговли **Атанаса Папаризова**, который считает, что «расширение Европейского союза даст возможность для возобновления кооперации между двумя странами». В то же время, полагает он, одних энергоресурсов недостаточно для восстановления роли России в мировой экономике. «Россия, конечно, сейчас извлекает выгоду из высоких цен на нефтепродукты и газ. Но обе стороны заинтересованы в возвращении к кооперации, развитию сотрудничества в области машиностроения, химической промышленности, производства изделий более высокой переработки». Бывший министр сожалеет, что «Болгария потеряла свои рынки в 1990 году, не смогла сохранить операционные связи с Россией». Общим сторонам должно быть стыдно за то, что их сотрудничество в энергетике, транспорте недостаточно развито, подчеркнул Георгий Пиринский, необходимо быстрыми темпами менять ситуацию в деле экономического сотрудничества.

«Сейчас все становятся в большей степени прагматиками, — резюмировала исполнительный директор Фонда перспективных исследований и инициатив **Ирина Кобринская**. — Мы говорим в общем на доступном друг другу языке, потому что в основе

диалога лежат понятные интересы, а не идеология. Такой диалог имеет значительно больший смысл, потому что в нем меньше старых обид и воспоминаний».

Борис Фрумкин, руководитель научного направления в ИМЭПИ РАН, отметил, что «у Софии уже нет оснований опасаться за свою экономическую независимость. Она должна бороться за инвестиции, например, в туристический бизнес, создавать специальные условия, чтобы российский капитал шел в Болгарию, а не в Хорватию или какую-то другую страну региона». Возможна и реанимация транзитных энергетических проектов, прежде всего нефтепровода Бургас — Александрополис, который хорошо вписывается в общий контекст обеспечения энергобезопасности Европы на южном направлении.

Примечательно, что в 1982-м, как вспоминали участники дискуссии, аналитическая группа журнала *The Economist* пришла к выводу об отсутствии каких-либо факторов, способных хоть сколько-нибудь нарушить исключительно тесные и стабильные связи между Болгарией и Россией. Уважаемые эксперты ошиблись. Однако общая тональность и содержательный настрой дискуссии, состоявшейся в ходе «круглого стола», вселяют надежды на восстановление особых отношений России и Болгарии в Большой Европе.

Рецензии

Президент Франции де Голль
и президент США Кеннеди.
Карикатура из газеты *Daily Express*,
январь 1963 года

“ Реакция россиян на обстановку, сложившуюся в постбиполярном мире, оказалась столь же неоднозначной, как и французов: она колеблется между бесплодной имперской ностальгией и «национал-мазохистским» самобичеванием ”

Французские переживания эпохи перемен *Юрий Рубинский*

192

Неочевидная правда *Владислав Иноземцев*

198

Летопись экономической мысли *Ксения Юдаева*

205

Учение Лао Цзы для лидеров политики и бизнеса

Евгений Верлин

210

Великая Сербия и «мировая закулиса» *Павел Кандель*

212

Французские переживания эпохи перемен

Юрий Рубинский

Nicolas Baverez. La France qui tombe. Paris: Perrin, 2003. 135 p. (Никола Баверез. Падающая Франция.)

Богатый политический лексикон Франции пополнился недавно новым термином — «деклинизм» (от фр. *déclin* — упадок, закат). Это понятие якобы характеризует в последние годы внутреннее развитие и международную роль Парижа в стремительно меняющемся мире. Термин вошел в оборот благодаря острому памфлету Никола Бавереза — экономиста и историка по образованию, но адвоката и публициста по профессии. Опубликованный осенью 2003-го под броским названием «Падающая Франция», памфлет вызвал горячую дискуссию: всего за несколько месяцев появилось несколько книг и более сотни статей, авторы которых либо разделяют взгляды Бавереза, либо решительно спорят с ним.

Полемика вокруг «деклинизма» не замедлила перешагнуть границы

Франции. Книгу подняли на шит представители неоконсервативного крыла республиканской администрации США и их британские союзники. Они увидели в ней подкрепление своего тезиса об упадке так называемой «старой Европы», прежде всего Франции и Германии — основных оппонентов политики Вашингтона и Лондона в иракском вопросе.

Подобные споры отнюдь не новы. В Великобритании, например, несмотря на прогресс европейской интеграции, модель общества, сложившаяся по другую сторону Ла-Манша, подвергается критике вот уже два столетия подряд — от страстных обличений Эдмундом Бёрком Великой французской революции (1789—1794) до целой серии появившихся за последнюю пару лет книг, посвященных сегодняшней Франции.

Французы законно считают свою страну колыбелью идей прав человека, сформулированных еще велики-

Ю.И. Рубинский — д. и. н., директор Центра французских исследований Института Европы РАН.

ми французскими философами Просвещения. Что же касается экономического развития страны, то Франция вплоть до XX века мало нуждалась во внешнем мире и потому не форсировала обмены с ним. Протекционизм тормозил ее хозяйственное развитие, Франция по экономическим показателям отставала от Германии, а потом и от Японии.

Контраст между идеологическим универсализмом, временами сплывшим с притязаниями на политическое лидерство в Европе, и сравнительной ограниченностью материального потенциала страны (ее военная безопасность после франко-прусской войны 1870–1871 годов зависела от внешних союзов) придавал имиджу Франции известную противоречивость.

Бывший министр, член Французской академии Жан-Франсуа Деню иронически заметил как-то, что Франция может оставаться верной самой себе лишь в той мере, в какой стремится выглядеть больше, чем она есть на самом деле. Вместе с тем после глубоких болезненных травм — поражения в войне с Германией в 1940-м, утраты мировой империи в результате неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире — критика собственных недостатков доходила во Франции до деморализующего самоуничтожения, потери веры в себя. Очередным примером такой фрейдистской смеси комплексов превосходства и непол-

ноценности и является нынешнее «деклинистское» поветрие.

Никола Баверез убедительно анализирует исторический генезис проблем, с которыми столкнулась сегодняшняя Франция. Автор констатирует очевидный факт: среди промышленно развитых демократических стран Запада Франция пережила за последние два столетия наибольшее число государственно-правовых, политических и социальных потрясений, в ходе которых чередовались периоды упадка и восстановления. «Эта хроническая неустойчивость уходит корнями в радикальность революционного проекта 1789 года, который, в противоположность процессам перемен в Англии или США, пытался основать свободу на решительном разрыве с существующим порядком, традицией и религией, придать абсолютный приоритет политике, утвердить прямую конфронтацию между гражданами и государством, отвергающую любое посредничество промежуточных структур. Такая конфронтация сопровождается глубоким консерватизмом, который проявляется в крайне трудном приспособлении к великим переменам, потрясающим мировую геополитическую и экономическую системы».

Иными словами, идейно-политический радикализм становился во Франции причиной нерешенности многих внутренних проблем. Попытки тотального разрыва с прошлым оборачивались социально-экономи-

ческим консерватизмом, обусловленным страхом правящих элит перед риском перерастания реформ в очередной политический кризис. Пытаясь забежать вперед, страна оказалась отброшенной назад.

Если в англосаксонских странах назревшие перемены происходили в результате реформ на основе компромисса между интересами различных социальных слоев, то во Франции они, как правило, бывали следствием острых общественных конфликтов с активным участием государства, что придавало им ярко выраженную политико-идеологическую форму. Недаром США сохраняют одну и ту же Конституцию более 200 лет, а Великобритания вообще обходится без нее, тогда как во Франции за это время сменилось 17 Основных законов.

По мнению автора, Франция, поглощенная внутренними раздорами из-за давно решенных историей проблем XIX–XX веков, прошла на пороге нынешнего столетия мимо трех важнейших событий, коренным образом изменивших облик планеты. Это крах социалистического эксперимента на востоке Европы, глобализация мировой экономики и теракты 11 сентября 2001 года в США. Невзирая на случившееся правящие круги Парижа — как левые, так и правые — продолжают, считает Баверез, упрямо цепляться за обломки устаревшей модели трех первых послевоенных де-

сятилетий, отмеченных быстрым экономическим ростом, активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь, созданием разветвленной системы социальной защиты. Даже когда энергетические кризисы 1970-х резко затормозили темпы роста производства в Европе и вызвали хроническую массовую безработицу (9,6 % самодеятельного населения), усугубленную иммиграцией из стран Третьего мира, французские руководители не захотели пойти по пути «консервативной революции», начатой в 1980-х годах Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом. Провозгласив главным приоритетом борьбу против инфляции и установление твердой, а затем и единой валюты Евросоюза, открыв в процессе европейской интеграции страну внешнему миру, они не решились пойти на непопулярные внутренние меры, диктуемые этим выбором: окончательную приватизацию госсектора, свертывание перераспределительной системы соцстраха, демонтаж законодательного регулирования трудовых отношений.

Такая половинчатость повлекла за собой далеко идущие последствия. Консервирование при помощи государственных субсидий архаичных секторов производства, сохранение убыточной системы соцобеспечения, регламентация условий найма и увольнения привели к накоплению бюджетных дефицитов и разбуханию государственного долга, выросшего

за последние два десятилетия втрое. Итогом стали рост налогов и обязательных отчислений в фонды соцстраха, что ослабляло стимулы предпринимательской инициативы, вызывало утечку капиталов и квалифицированных кадров из Франции за границу. Более того, возникла тенденция к «деиндустриализации» французской экономики.

Вывод автора однозначен: Франция нуждается в болезненной «шоковой терапии», главная цель которой — избавить экономику от бремени чрезмерно разбухшего государства. Если сломить твердой рукой сопротивление профсоюзов госсектора, стоящих на страже корпоративных привилегий, демонтировать систему соцобеспечения и положить конец административному регулированию трудовых отношений, то все проблемы будут решены: увеличатся инвестиции, ускорится рост ВВП, смягчится проблема занятости, чему мешает принятый социалистами закон о 35-часовой рабочей неделе, и т. д.

Тем самым оздоровится и внутриполитическая обстановка в стране: уйдет почва из-под ног левацкого и ультраправого экстремизма, питающего протестное голосование, упорядочится функционирование институтов власти Пятой республики, будет исключено повторение прецедентов порочного «сожительства» правых президентов с левыми премьерами.

Многие из этих предложений не лишены здравого смысла. В боль-

шинстве государств Евросоюза не только консерваторы, но и социал-демократы давно идут к модернизированному по британскому образцу «социал-либерализму». Однако, как говорил Паскаль, истина по одну сторону Пиренеев превращается в заблуждение по другую. Механическое перенесение германского, британского или американского опыта во Францию было бы, скорее всего, губительно. Главный недостаток рецептов французских «деклинистов» в том, что чрезмерная драматизация стоящих перед страной проблем и односторонность их решения толкает на повторение фатальной ошибки, которую они сами обоснованно осуждают, — радикальный разрыв с прошлым, чреватый непредсказуемыми, но наверняка разрушительными последствиями.

В эссе, озаглавленном «Речь в защиту сомневающейся Франции», один из авторитетных французских экономистов Жан Буассонна возражает Баверезу: страна не топчется на месте и — тем более — не падает в пропасть, а «вступает, хотя и неспешными шагами, в новое столетие». Парижская биржа остается по масштабам финансовых операций четвертой после Нью-Йорка, Токио и Лондона. По объему ВВП, экспорту и зарубежным инвестициям Франция делит с Великобританией четвертое и пятое места в мире. Наконец, в одном лишь 2002 году прямые иностранные инвестиции во

Францию составили 52,9 млрд евро, а французские за рубежом — 70,9 млрд, что выдвинуло ее по этому показателю на первое место среди стран — участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Подобно многим другим странам сравнимого уровня развития, Франция находится сейчас на стадии перехода от социально-экономической модели первых послевоенных десятилетий к качественно новой, контуры которой еще далеко не определились.

Основной тезис оппонентов Бавезе сводится к тому, что преимущество США перед «старой Европой» заключается не в приверженности той или иной теоретической догме, а, наоборот, в предельном прагматизме, позволяющем гибко приспосабливаться в ходе циклического развития к резким поворотам международной конъюнктуры. В частности, президент Движения французских предприятий (*MEDEF*) Эрнест-Антуан Сельер призывает к новому позитивизму, который «должен позволить нам выйти за рамки нормативного мышления и изобрести новые методы управления, установить новую связь между экономикой и политикой».

Речь идет о сосредоточении усилий на ключевых участках, где экономика Франции наиболее серьезно отстает от конкурентов в структурном отношении, но имеет наилучшие перспективы. Это прежде всего

форсированное развитие «кумулятивных» наукоемких производств с высокой добавленной стоимостью: авто- или авиапрома, космоса, телекоммуникаций, информатики — за счет коренной модернизации традиционных отраслей, где конкуренция новых индустриальных стран особенно сильна.

Никола Бавезе упрекает французскую дипломатию в том, что она остается в плену устаревших представлений времен холодной войны и bipolarного мира. Если тогда Париж мог более или менее успешно лавировать между двумя сверхдержавами, повышая за счет этого свой вес на мировой арене, то с крушением СССР подобная тактика себя исчерпала. Между тем собственных сил и средств для противостояния США у Франции явно нет. «Разрыв между великодержавной риторикой и средствами, на которые она может рассчитывать, углубляется. Франция знает, чего она не хочет — гегемонии Соединенных Штатов над демократическими державами или лидерства Великобритании в Европе. Но она не знает, чего хочет. В итоге страна переживает явный упадок в Европе, которая деградирует и сама по себе».

Аргументированный ответ на эту филиппику последовал от ее непосредственного адресата — министра иностранных дел Франции Доминика де Вильпена. В своей последней книге «Другой мир», в ряде интер-

вью ведущим СМИ руководитель французской дипломатии высказался относительно психологических истоков «деклинизма». Стенания по поводу упадка, бессилия, чуть ли не агонии всегда сопровождали крутые повороты в развитии международного положения и соответственно поиск места страны на мировой арене. Страх перед непредсказуемым будущим, ностальгия по прошлому вообще свойственны человеческой натуре, а французам с их бурной, нередко драматической историей — в особенности. Де Вильпен считает подобные подходы к проблемам Франции губительными. Государство сегодня действительно переживает немалые трудности, которые провоцируют разочарование в политике, абсентеизм на выборах, усиление экстремизма. Францию тревожат перспективы развития процессов европейской интеграции и глобализации. «Однако сомнение — это еще не провал, а кризис не означает неизбежности крушения», — подчеркивает министр. Формирование современной, эффективной, приемлемой для французов модели общества, как и сохранение роли страны в глобальном масштабе, бесспорно требуют реформ. Но условием успеха преобразований может быть только постоянный диалог власти с граждан-

ским обществом: «Мы переходим сейчас от культуры конфронтации к культуре диалога и общественного договора... Цель Франции — способствовать внедрению в самую сердцевину постепенно формирующегося мирового сознания фундаментальных принципов, которым мы привержены, прежде всего универсализма и многосторонности».

Значительная часть суждений, высказанных в ходе нынешней полемики вокруг французского «деклинизма», во многом перекликаются с идеями, нередко звучащими и в нашей стране. С распадом Советского Союза Россия тоже столкнулась с проблемой поиска нового места в круто изменившемся постбиполярном мире. Реакция россиян на сложившуюся обстановку оказалась столь же неоднозначной, как и французов: она колеблется между бесплодной имперской ностальгией и «национал-мазохистским» самобичеванием. Преодолеть такие опасные крайности, найти трезвый, эффективный, соответствующий реальным возможностям и национальным интересам страны ответ на вызовы XXI века — одна из главных задач, которую обеим странам предстоит решать в предстоящие годы.

Иного просто не дано — ни Парижу, ни Москве.

Неочевидная правда

Владислав Иноземцев

Bhagwati, Jagdish. In Defense of Globalization: [How the New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike]. Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004. 308 p. (Джагдиш Бхагвати. В защиту глобализации. Как новая всемирная экономика помогает и богатым, и бедным.)

В нашем мире, где все громче звучат голоса так называемых «антиглобалистов», наконец случилось событие, способное серьезно повлиять на перспективы этого — то ли интеллектуального, то ли идеологического, то ли политического — движения. Речь идет о выходе в свет работы Джагдиша Бхагвати «В защиту глобализации. Как новая всемирная экономика помогает и богатым, и бедным». Книга, на мой взгляд, стала первой масштабной попыткой критики этого движения, причем критики, основанной на комплекс-

ной аргументации. Незнакомая пока российскому читателю (перевод будет опубликован издательством «Ладомир» в IV квартале текущего года), она, возможно, поможет ему разобраться в убедительных на первый взгляд, но, по сути, демагогических позициях «антиглобалистов».

Уникальность рецензируемой книги обусловлена и личностью ее автора. Джагдиш Бхагвати — один из признанных специалистов в вопросах международного разделения труда и мировой торговли. В своем исследовании он касается множества проблем, с которыми сталкивается современное глобализирующееся человечество, показывая при этом несостоятельность идей «антиглобалистов». Автор оценивает состояние и истоки современного «антиглобалистского» движения. По его мнению, «антиглобалистов» можно разделить на две большие группы —

В.Л. Иноземцев — д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала «Свободная мысль—XXI». Председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»

«убежденных противников, относящихся к глобализации с глубокой антипатией», и тех, «чьи протесты не выходят за пределы общепринятых возражений и недовольств» (р. 4). Эти две категории можно представить как «две группы “пайщиков”». В первую входят любители митинговать в роли “глашатаев о себе по всей земле”; вторую составляют люди, которые стремятся использовать свой “пай” (свою причастность) для участия в происходящих процессах и для влияния на систему изнутри» (р. 28). «Мало что можно сделать для инициирования диалога» с представителями первой из этих групп, считает автор (р. 4).

Источники такого «антиглобализма» Бхагвати усматривает в идеологических и интеллектуальных течениях 1960–1980-х годов. Это, во-первых, интерес многих тогдашних исследователей (к которым он причисляет и себя) к опыту СССР и других социалистических стран, представлявших, как тогда казалось, альтернативу несправедливому капиталистическому обществу. «Насколько ужасным заблуждением кажется это восприятие советской альтернативы сегодня, но насколько общепринятым было оно в те времена!» — восклицает автор (р. 15).

Во-вторых, это идеи «постколониализма», апологеты которых оспаривали адекватность западных представлений о периферийных обществах, отрицали универсальный характер

рыночных закономерностей и видели в них «угрозу... культурам тех наций и народностей, которые освободились от колониального господства» (р. 17). В-третьих, «парадокс инверсии юмовских концентрических кругов убывающего сочувствия» (р. 18). В условиях распространения телевидения и массмедиа тяжкая участь обитателей мировой периферии, о которой СМИ часто рассказывают без надлежащих комментариев, вызывает естественное желание улучшить их положение, в то время как проблемы собственного общества уходят на второй план. Наконец, по мнению профессора Бхагвати, четвертой движущей силой «антиглобализма» является настойчивое желание его сторонников продемонстрировать «городу и миру» радикализм и прогрессивность, отличающие их от «ренегатов» и «консерваторов». При этом автор убежден, что справедливое в прошлом «жесткое противопоставление этих понятий... сегодня не отражает основных проблем нашего времени» (р. 21). Таким образом, современный «антиглобализм» порожден, с одной стороны, иллюзиями прошлого, а с другой — нежеланием (или неспособностью) приверженцев этого движения глубоко проникать в суть актуальных ныне проблем.

«Антиглобализм» наших дней подпитывается и другими факторами — от растущего антиамериканизма (см. р. 27) до стремления мелких маргина-

нализирующихся партий левого толка, равно как и расплодившихся неправительственных организаций, заявить о себе или просто выжить (см. pp. 42–43). Особого внимания заслуживают приводимые автором сведения, подтверждающие, что «антиглобалистские» группы все чаще идут на откровенную фальсификацию данных и искажение реальности — вплоть до манипуляций со статистикой и изготовления лживых фото- и видеоматериалов (подробнее см. pp. 44–46). Неудивительно поэтому, что «антиглобалистские настроения преобладают в богатых странах Севера, в то время как большинство политиков и простых граждан в бедных странах Юга рассматривают глобализацию скорее как положительное явление» (p. 8).

Нынешнюю «антиглобализационную» активность Бхагвати сравнивает с той протестной ««антиполитической» интеллектуалов типа Вацлава Гавела в бывшей Чехословакии и Георгия Конрада в Венгрии, которую последние считали самым эффективным средством демократизации в коммунистических странах» (pp. 39–40). Но с установлением демократии нужда в такой «антиполитике» исчезла, поскольку ее инициировали те, кто был вытеснен за пределы политического процесса. Подобно этому, пишет автор, «антиглобалисты» пытаются представить себя в качестве некоей непримиримой оппозиции, хотя на деле явля-

ются существующим в любом обществе в любой период истории маргинализированным меньшинством, которое не способно признаться в этом самом себе, но стремится «выступать от имени бедных всего мира, даже не узнав предварительно их мнения» (*Cooper, Richard N. A False Alarm: Overcoming Globalization's Discontents. In: Foreign Affairs, January-February 2004, Vol. 83, No 1, p. 153*).

Большая часть книги посвящена разбору неверных суждений о глобализации, которые возникли довольно давно, но остаются устойчивыми по сей день. Отметим лишь некоторые проблемы, в свете которых эти заблуждения особенно очевидны.

Проблема хозяйственного роста.

После войны многие экономисты считали экономический рост средством достижения долгосрочных целей, таких, как преодоление бедности, построение самодостаточной экономики и т. д. Автор показывает, что эта ошибка стала роковой для большинства «развивающихся» стран. Идея «сбалансированного роста», столь популярная в 50–60-е годы прошлого века, внутренне порочна, доказывает он (см. pp. 260–261). Стремление увеличить норму накопления и ограничить личное потребление в период индустриализации неизбежно подводит к развитию экономики «ради самой себя», примером чего стал советский опыт (см. p. 63). Крупнейшие

из развивающихся стран — Китай и Индия — потеряли десятилетия, пытаясь построить плановую экономику: они так и не сумели справиться с бедностью, которая сегодня, в условиях рыночных реформ, исчезает на глазах (см. р. 65). Наконец, рост, который не принимает во внимание естественно складывающуюся конъюнктуру, способен не столько обогатить страну, сколько сделать ее беднее (см. р. 55). Таким образом, утверждает автор, приоритет следует отдавать не темпам роста, а его гармоничному характеру, что позволяет насыщать потребительский рынок, снижать уровень бедности (не путать с неравенством!), а также постепенно интегрировать страну в мировую экономику, развивающуюся по аналогичным законам. Следует отметить, что концепция так называемого разоряющего роста (*immiserizing growth*), выдвинутая Бхавати в 1960-е, принесла ему широкую известность и сделала одним из основных критиков традиционной экономики развития.

Проблема экономической открытости. Ни для кого не секрет, что в 1960–1970-е годы среди экономистов шла активная дискуссия о том, какой тип хозяйственного роста — импортозамещающий или экспортно-ориентированный — более отвечает потребностям развивающихся стран. Позиция современных «антиглобалистов» позволяет однозначно отнести их к сторонникам

импортозамещения. Но история последних десятилетий убедительно свидетельствует о преимуществах экспортно-ориентированных экономик (см. р. 180) — причем такой путь развития предпочтительнее и в аспекте борьбы с бедностью, так как, «если бы рост был экстравертным, а трудоемкие товары и продукция легкой промышленности экспортировались в больших масштабах, это повышало бы спрос на труд и тем самым в гораздо большей степени помогало бы бедным» (р. 57). И действительно, вопреки рассуждениям «антиглобалистов», среднегодовые темпы роста в самых «закрытых» развивающихся экономиках в последние 20 лет не превышали 0,7 %, в то время как в самых «открытых» они достигали 4,1 %; доля населения, живущего менее чем на 1 дол. в день, снизилась в странах Юго-Восточной Азии с 52 до 31 %, тогда как в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, она выросла с 42 до 45 % (см.: *Wolf, Martin. An End to Poverty. In: Financial Times, 2004, May 4, p. 13*). Те же последствия «открытости», о которых часто упоминают «антиглобалисты» (зависимость от зарубежных рынков, сверхэксплуатация рабочей силы и пр.), по мнению профессора Бхавати, не более чем распространенные предрассудки.

Проблема экстерналий. Большинство «антиглобалистов» обращают внимание на то, что безудержная ры-

ночная экспансия оборачивается варварским использованием природных ресурсов; по их мнению, «активизация торговли со странами, имеющими более низкие природоохранные стандарты, и рост инвестиций в их экономики [приведут] к опасным для окружающей среды результатам... [а также к] “неравной конкуренции” с развитыми странами с их более жесткими природоохранными требованиями» (р. 144). Отчасти это правда: ускоренное развитие отсталых государств ведет, безусловно, к большему загрязнению окружающей среды. Но иное и нельзя предположить, поскольку вне зависимости от степени вовлеченности в глобальную экономику слаборазвитые страны будут использовать более дешевое топливо и обращать меньше внимания на защиту природы, чем развитые государства (см. pp. 136–137). Единственным средством исправления ситуации оказывается последовательный рост благосостояния (подробнее см. р. 150). В книге приводятся результаты статистических исследований, свидетельствующие о том, что пик загрязнений соответствует среднедушевому доходу в 5–6 тыс. дол. в год (см. р. 145) и не зависит от того, в какой мере та или иная страна вовлечена в международное разделение труда. С этих позиций Бхагвати выступает против необоснованных природоохранных ограничений, которым противятся развитые страны, и считает, что не-

желание США присоединиться к Киотскому протоколу вполне понятно и рационально обусловлено (см. р. 160).

Проблема культурной унификации.

Как известно, одним из излюбленных объектов критики «антиглобалистами» нынешнего положения дел становится «подавление» национальных культур унифицированными нормами. Джагдиш Бхагвати, однако, отмечает эти обвинения. Так, говоря об английском языке как всеобщем средстве глобального общения, он отмечает, что его «триумф обусловлен не только хозяйственной глобализацией, но и тем, что англоязычные страны... доминировали в мире на протяжении двух последних столетий... [что и] ускорило его распространение» (р. 108). А что касается, к примеру, доминирования голливудской продукции на киноэкранах, то, по его мнению, европейцам следовало бы более активно поддерживать собственную киноиндустрию, делая ее конкурентоспособной в глобальном масштабе (см. р. 119).

Проблема засилья транснациональных корпораций. Наиболее убедительные аргументы Бхагвати приводит, чтобы развенчать устойчивые мифы о крупных международных компаниях как источнике едва ли не всех бед современного мира. Во-первых, отмечает он, публику вводят в заблуждение те, кто уверяет, будто из 100 крупнейших хозяйствующих субъектов мира более полови-

ны составляют международные корпорации. «Сравнивая объемы продаж, которые представляют собой валовую стоимость, с ВВП, то есть с добавленной стоимостью, мы, можно сказать, сравниваем апельсины с яблоками», — пишет автор. Во-вторых, корпорации не получают за счет переноса своих предприятий в развивающиеся страны таких колоссальных прибылей, как принято считать: например, в 1999-м норма прибыли в крупнейших компаниях, оперирующих на развивающихся рынках, не превышала 8,3 % (см. р. 171). В-третьих, исследователем приведены многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что меры, за которые «антиглобалисты» критикуют транснациональные корпорации, сплошь и рядом иницируются правительствами тех развивающихся стран, на территории которых они действуют (см., напр., pp. 169—170, 171, 255 и др.).

Признавая актуальность проблемы глобального неравенства и бедности в развивающихся странах, Джагдиш Бхавати, тем не менее, показывает, что не только преодоление бедности наиболее успешно реализуется в глобализирующихся экономиках (см. р. 55), но и неравенство в рыночных хозяйственных системах воспринимается в качестве меньшего зла, чем в закрытых административных экономиках (см. pp. 66—67). Он не отрицает, что доходы трудящихся и стандарты охраны труда в развивающихся

странах далеки от западных, но отмечает также лукавство властей этих стран, которые (в частности, в КНР) ратифицировали больше международных соглашений об охране труда, чем США, но совершенно не намерены их соблюдать (см. р. 130).

Автор рекомендует читателю обратить внимание на то, что популярные в «антиглобалистской» среде утверждения об обесценении сырьевых ресурсов, поставляемых из развивающихся стран, не находят статистического подтверждения (см. р. 237). Протекционистские тарифы, за которые «антиглобалисты» сплошь и рядом критикуют западные страны, в развивающихся государствах на деле в 1,3—4 раза выше, чем в развитых (см. р. 232). В большинстве развивающихся стран заработная плата на предприятиях, контролируемых транснациональными корпорациями, в среднем в 1,6—2 раза превосходит выплачиваемую на аналогичных производствах, принадлежащих национальным предпринимателям (см. р. 241).

Профессор Бхавати призывает к спокойствию и тех, кто опасается негативного влияния глобальных тенденций на богатые страны западного мира. В последнее время, пишет он, происходит не расширение доли западных рынков, занятых импортируемыми из развивающихся стран товарами, а борьба между самими развивающимися странами за определенные части этой доли (см.

pp. 125–126). Автор доказывает, что активизация торговли не вызывает роста безработицы в Первом мире (см. p. 255); если конкуренция со стороны заокеанских работников и влияет на доходы работников в США и Европе, то гораздо в меньшей степени, чем наплыв иммигрантов в западные страны (см. p. 123).

Наконец, Бхагвати предлагает задуматься об эффективности рецептов, предлагаемых функционерами западных «гуманитарных» и «благотворительных» организаций, которые, как правило, весьма далеки от реальных проблем Третьего мира. С этой точки зрения весьма показательное распространение проституции среди девочек-подростков в Бангладеш после принятия в 1993 году в США по инициативе либерального сенатора Тома Харкина так называемого Акта препятствования детскому труду. Этот закон позволил американским властям ограничить импорт текстиля из стран, где дети активно вовлекались в производство (см. pp. 70–71). Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.

К каким же выводам приходит профессор Бхагвати? Экономическая глобализация означает растущую взаимозависимость экономик, народов и государств, и это, безусловно, позитивный процесс. Глобализация открывает перед развивающимися странами новые возможности, знакомя их с последними технологиями, повышая уровень жизни граж-

дан, сокращая масштабы неравенства. Но хотя, признаёт автор, «взаимозависимость – привлекательное, убаюкивающее слово, за ним в условиях неравенства стран могут скрываться зависимость, перспективы вмешательства в процесс принятия решений, а также агрессивные попытки навязать координацию действий, приносящие интересы зависимых стран и благосостояние их граждан в жертву интересам более могущественных держав» (p. 227). Поэтому важнейшей задачей он считает не регулирование глобализации, а, напротив, освобождение ее от «регулируемого» со стороны экономически и политически мощных держав, в первую очередь ««эгоистичных гегемонов» вроде Соединенных Штатов» (p. 227), управляемых, как метко отмечает автор, «*by Wall Street–Treasury complex*» (системой Уолл-стрит – Министерство финансов) (см. p. 205). Необходимо отказаться от блокад и санкций, объективно направленных против слабых в силу того, что их инициируют подобные «гегемоны» (см. pp. 221–222). Бхагвати настаивает на том, что никакое «общественное усилие не будет успешным, если оно основано на эмоциях, а не на разуме, [который] требует признать, что глобализация не лишена человеческого лица» (p. 265). И даже если это допущение не кажется очевидным, то оно, полагает профессор Бхагвати, не перестает быть верным.

За два с половиной года до издания рецензируемой книги в Вашингтоне вышла в свет работа молодого шведского экономиста Йохана Норберга, которая называется практически так же, как работа Бхагвати (*Norberg, Johan. In Defense of Global Capitalism. Washington (DC): Cato Institute, 2001*). Поражает, однако, не только совпадение названий — совпадают и многие аргументы, до-

казывающие необоснованность ряда претензий «антиглобалистов» к современным глобализационным процессам. Вероятно, эта публикация вкуче с книгой Бхагвати, профессора Колумбийского университета, известного как центр оппозиции рыночной идеологии, служит лучшим подтверждением того, что хула глобализации и впрямь зашла слишком далеко.

Летопись экономической мысли

Ксения Юдаева

Stanley Fischer. IMF Essays From a Time of a Crisis. The International Financial System, Stabilization, and Development. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2004. (Стэнли Фишер. Статьи МВФ времен кризиса. Международная финансовая система, стабилизация и развитие.)

Книга Стэнли Фишера подводит итог деятельности этого известного экономиста на посту первого заместителя директора-распорядителя Международного валютного фонда в 1994–2001 годах. Каждая из 16 ста-

тей сборника — а все они написаны в период работы Фишера в МВФ — сопровождается комментарием автора, в котором он отмечает, как изменилась с тех пор его позиция, и обращает внимание на наиболее важные моменты, не потерявшие актуальность и сегодня.

За 60 лет существования МВФ функции этой организации менялись, как минимум, трижды. Изначально фонд был создан для поддержания устойчивости Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, а его финансовой поддержкой пользовались как раз-

К.В. Юдаева — член научного совета Московского центра Карнеги.

вивающиеся, так и развитые страны. Но после краха системы в 1973-м МВФ едва ли не полностью сконцентрировал свои усилия на развивающихся странах. В 1980-е годы основным направлением работы стало содействие стабилизации инфляции в странах с высокой инфляцией. Тогда же МВФ принимал участие в реструктуризации иностранного долга стран, пострадавших от долгового кризиса. А вот начиная с середины 1990-х МВФ берет на себя роль международного кредитора в последней инстанции. То есть органа, предоставляющего займы странам, пострадавшим от валютного или финансового кризиса (в данном случае МВФ выступает как кризисный кредитор), или организующего и координирующего предоставление таких займов и реализацию других стабилизационных мер прочими заинтересованными лицами (кризисный менеджер). По утверждению МВФ, кредитор в последней инстанции необходим, чтобы предотвращать панику среди инвесторов и снижение ее негативного воздействия на экономику. В рамках отдельно взятого государства эту роль обычно берет на себя центральный банк (ЦБ).

Стэнли Фишер вступает в полемику с экспертами, которые считают, что, не обладая возможностью печатать деньги в неограниченном количестве, МВФ не способен быть кредитором в последней инстанции. Ав-

тор уверен: несмотря на ограниченность возможностей МВФ как кризисного кредитора, фонд является естественным кандидатом на роль кризисного менеджера.

Фишер отмечает достоинства и недостатки новых финансовых инструментов, способствующих выполнению фондом функций кредитора в последней инстанции. Это Дополнительный резервный фонд (его средства могут быть использованы для кредитования стран, уже испытывающих кризис) и Условная кредитная линия, которую страны, не находящиеся в стадии кризиса, при определенных условиях могут открыть для того, чтобы автоматически получать финансирование в период кризиса. Автор внимательно анализирует позицию Анне Крюгер, которая, сменив Стэнли Фишера на посту первого заместителя директора-распорядителя МВФ, заявила о необходимости создания механизма банкротства по суверенным долгам. Предоставление таких полномочий МВФ — это гораздо более спорный замысел, чем идея о том, чтобы МВФ действовал как кредитор в последней инстанции. Так как МВФ является крупным кредитором для большого числа стран, то взятие им на себя функции «суда по банкротствам по суверенным долгам» может повлечь за собой конфликт интересов.

Рынок капитала нуждается в максимально возможной степени либе-

рализации, полагает Фишер, и по этому поводу с ним можно было бы поспорить. Правда, автор и сам признаётся, что, работая над определенными статьями, он прежде всего отражал официальную позицию МВФ. И хотя уже во второй части сборника автор предлагает более взвешенный подход к либерализации рынка капиталов, читатель не может не отметить: перед ним скорее официальный представитель МВФ, чем экономист-исследователь. К сожалению, это отрицательно сказывается на содержании ряда статей, в которых, например, умалчивается или принижается чисто политический характер некоторых из принятых МВФ решений, таких, как предоставление России кредита в середине июля 1998 года.

В нашей стране, где в настоящее время ведутся острые дискуссии о задачах макроэкономической политики и роли Центрального банка России, особый интерес вызовет вторая часть книги, освещающая проблемы, связанные с выбором режима валютного курса и независимостью центрального банка. Экономическая наука заинтересовалась данными темами в связи с вопросом стабилизации инфляции. В середине 1980-х – начале 1990-х годов фиксированный валютный курс часто применялся для стабилизации инфляции. Многие экономисты и государственные деятели считали необходимым использовать в разви-

вающихся странах политику фиксированного курса для того, чтобы избежать излишней волатильности (непостоянства) плавающих курсов. При этом акцент постепенно смещался в сторону жестких фиксированных режимов, таких, к примеру, как полный переход на иностранную валюту и система валютного комитета.

Однако печальный опыт Аргентины подтвердил, что даже очень жесткие режимы привязки валютных курсов не обязательно устойчивы в долгосрочном плане. Многие появившиеся в последнее время исследования подтверждают, что отказ от своей валюты может привести к отрицательным экономическим последствиям. С другой стороны, страны с управляемыми плавающими курсами демонстрируют достаточную устойчивость и хорошие экономические показатели. Более того, успехи Чили и других стран в области ограничений на приток капитала показали, что использование мер контроля за потоками капитала не всегда связано с существенными издержками в экономической сфере, а, наоборот, может быть достаточно эффективным инструментом стабилизации валютных курсов, особенно в краткосрочном плане.

Вместе с тем некоторый ориентир для денежной политики необходим и при плавающем курсе. Осознание этого факта заставило по-другому взглянуть на проблему независимо-

сти центрального банка. Исследования доказывают, что независимость ЦБ от правительства способствует понижению инфляции, но в эпоху глобальной дефляции излишняя борьба с инфляцией чревата экономическими потерями. Очевидно, что с этой проблемой столкнулся Германский федеральный банк, а за ним и Европейский центральный банк. Поэтому встает вопрос: должен ли ЦБ самостоятельно определять свои цели, или же он может быть независим только при выборе средств? И как гарантировать, чтобы независимость не была эквивалентна безответственности? Как обеспечить подотчетность центрального банка, а также прозрачность его целей и действий? По мнению Стэнли Фишера, наилучшим решением этих проблем является использование инфляционного таргетирования на срок около двух лет, причем цели для ЦБ устанавливаются правительством, и этот ЦБ отчетывается в своих действиях перед ним и органами представительской власти. Такой подход должен способствовать совмещению демократических принципов и принципа независимости центрального банка.

В ходе дискуссии, которая ведется в России по вопросам политики ее Центрального банка, стало ясно, что основная проблема заключается именно в отсутствии четко определенных целей его деятельности и

проработанных механизмов его подотчетности. Инфляционные показатели, устанавливаемые правительством, не являются обязательными для Центробанка. Он сам выбирает себе цели, часто обозначая их весьма расплывчато. В связи с этим существующие механизмы подотчетности тоже весьма формальны.

Поэтому стоит задуматься о том, как лучше встроить Центральный банк России в систему ее демократических институтов.

Несколько глав во второй части книги посвящены проблемам инфляции и ее стабилизации. В них содержится определение высокой и средней инфляции, проводится анализ теорий и осуществляется эмпирическая проверка гипотез относительно издержек, связанных с инфляцией, а также дается исчерпывающий обзор литературы в области анализа стабилизационных программ. Как разрабатываются такие программы и каков их эффект, хорошо видно на примере Израиля, где Фишеру довелось работать.

Большое внимание автор уделяет проблеме экономического развития стран с переходной экономикой. В известной статье «Как далека Восточная Европа от Брюсселя?» показано, что наиболее успешным странам Восточной Европы потребуется около 10–15 лет на то, чтобы догнать наименее развитые страны Западной Европы, и отмечено, что в среднем социализм стоил странам

Восточной Европы доходов одного поколения.

К последней части книги отнесены работы, связанные с вопросами бедности и борьбы с ней. В частности, в главе 1 этого раздела приводятся данные исследования домохозяйств в 38 странах мира. Они подтверждают, что в целом бедные больше, чем богатые, страдают от инфляции, но в то же время доказывают, что эта закономерность по-разному проявляется в различных странах. Какой же должна быть политика, направленная на борьбу с бедностью? Фишер в принципе поддерживает подход, принятый в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса, однако, учитывая опыт стран с переходной экономикой, размышляет о наличии институциональных ограничений и в целом о проблеме построения институтов. Автор подчеркивает, что к формированию политики в отношении бедности следует привлекать институты гражданского общества и самих представителей бедных слоев.

Наиболее интересной в этом разделе представляется глава 16, посвященная опыту Индии. В ней особое

внимание уделяется необходимости повышения гибкости рынка рабочей силы. В Индии существуют довольно жесткие ограничения на увольнение работников, и Фишер предлагает отменить их и ввести программы, подразумевающие оказание безработным более щедрой помощи.

Книга Стэнли Фишера способна служить энциклопедией в области макроэкономической теории и политики; она будет полезна тем, кто изучает финансовые и банковские системы отдельных стран. Она может стать и своего рода «летописью» экономической мысли, так как содержит статьи разных лет. Примечательно, что в комментариях к главам, написанным при подготовке книги к печати, особое внимание уделяется вовлечению демократических институтов и институтов гражданского общества в процесс формирования политики. Это отражает общую тенденцию последнего времени: эксперты все больше начинают понимать, что политика может быть успешной только в том случае, если ее цели и методы осознаны теми, кто ее реализует и на кого она направлена.

Учение Лао Цзы для лидеров политики и бизнеса

Евгений Верлин

Бронислав Виноградский, Борис Кузык.
Путь правителя. История будущего. —
М.: Гермитаж-Пресс, 2004. 528 с.

Существует множество иностранных переводов трактата «Дао Дэ Цзин» — одного из главных памятников древнекитайской мысли. По их числу он уступает лишь Библии. Хотя по тиражам книга Лао Цзы отстает от произведений лидеров мировой философской мысли, «узнаваемость» ее все же очень велика. А коли так, то нет необходимости подробно пересказывать содержание этого сокровенного канона. Можно лишь поразмыслить над тем, чем же он привлекателен для наших современников во всем в мире, в том числе и в России.

Перелистывая страницы этого древнего трактата, каждый, очевидно, стремится найти — и находит — что-то созвучное глубинным структурам своего бытия, а потому иногда «покушается» на это произведение Лао Цзы, как бы «приватизирует» его и пытается дать «Дао Дэ Цзин» сугубо личностную интерпретацию.

Подобную совместную попытку предприняли также Бронислав Виноградский и Борис Кузык, представив, пожалуй, наиболее необычный на сегодняшний день (как по содержанию, так и по полиграфическому исполнению) вариант «Дао Дэ Цзин». Кстати, трудно даже сказать, какой уже по счету в нашей стране: за последние десять лет российские китаеведы и издательства выдали больше переводных вариантов трактата, чем их предшественники за сто с лишним лет.

На Западе философ Лао Цзы, этот самый загадочный из четверки величайших китайцев во все времена (остальные — Конфуций, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин), стал известен в 40-е годы XIX века, когда появились первые переводы и толкования трактата. С того времени в мире изданы сотни вариантов его перевода. У нас до Старого Ребенка (так в переводе с китайского звучит имя Лао Цзы, который, по преданию, пробыл в утробе матери 80 лет) добрались много позже. Так что приводимые Львом Толстым в книге «Путь жизни» ци-

Е.В. Верлин — заместитель главного редактора журнала «Формула карьеры».

таты из Лао Цзы, по-видимому, взяты из французского перевода.

«Путь, о котором можно поведать, — не постоянный путь». Так переводит первую строку трактата «Дао Дэ Цзин» ведущий российский китаевед Владимир Малявин, что весьма близко к тому, как это преподносили много лет назад Малявину и мне в Институте восточных языков при МГУ наши учителя («Дао, которое можно выразить словами, не есть постоянное дао»).

Авторы рецензируемой книги в своем толковании дао-пути избрали... собственный путь. Цитированную выше фразу они переводят в двух вариантах. В «прямом» переводе она у них выглядит так: «Постоянный Путь состоит из возможности выбора Пути и невозможности выбора Пути». А вот как это выглядит в интерпретации: «На пути принятия решений можно принять любое решение, но ни одно решение не решает всех вопросов».

Интерпретационный и «прямой» переводы воспроизводятся в книге «поглавно» и параллельно. А между ними — комментарий Люю Куня, Хун Инмина или кого-то из оставшихся безымянными китайских средневековых толкователей. Примечательно, что они тоже интерпретировали Лао Цзы, так сказать, в «облегченном» виде, приближая его зачастую трудно-постижимые для большинства смертных мысли к реалиям XV—XVI веков.

Виноградский и Кузык сделали еще один, принципиально качест-

венный шаг на пути продвижения учения Лао Цзы, так сказать, в массы. Прежде всего они попытались «разжевать» сам трактат (его название авторы, кстати, переводят как «Книга о Потоке и Силе») так, чтобы его идеи были понятны практикующим политикам и предпринимателям. Тем, кто руководит, осуществляет стратегическое планирование либо претендует на то, чтобы заниматься этим в будущем.

Интерпретационный перевод, убеждал меня Бронислав Виноградский, имеет полное право на существование. Ведь шкала ценностей, философские и даже обыденные понятия в современном (тем более европейском) обществе очень далеко отошли от древнекитайских. Настолько порой далеко, что во многих случаях без введения адекватных понятийных инструментов, помогающих донести до читателя изначальный смысл, вкладываемый в трактат древним мудрецом и отшельником, никак не обойтись.

Вообще, исторически в подавляющем большинстве случаев авторы прежних переводов снабжали текст комментариями и примечаниями, которые, как правило, многократно превышали по объему первоисточник. И каждый раз надобность в столь многочисленных и громоздких комментариях возникала в связи с тем, что древнекитайские парадигмы выстраивались на совершенно иных типах логик.

Путешествуя по Китаю, Виноградский и Кузык не раз и не два затрагивали эту тему, размышляли, как все-таки подойти к тому, чтобы максимально кратко и более доходчиво — но не искажая изначального смысла! — донести идеи Лао Цзы до современников. Результат говорит сам за себя. Бронислав Виноградский вообще уверен, что трактатом в его нынешнем виде смогут пользоваться чуть ли не как «компасом по жизни» самые высокие государственные мужи, вплоть до Владимира Путина.

Но почему древнекитайский «компас» так востребован?

Ответ на этот вопрос — о практической полезности трактата для «совершенномудрых мужей» современности — пытается дать Борис Кузык, известный ученый и крупный

предприниматель (строит на судостроительном заводе «Северная верфь» корабли, в том числе для Китая). Почему сокровенные законы гармонии макро- и микромира, открытые Лао Цзы задолго до нашей эры, неожиданно получили отзвук в современном глобальном мире, Кузык объясняет в предисловии к книге: «Ставшее привычным множество смысловых полей, нелинейная логика, сетевые принципы управления сближают Запад с Востоком, традиционно ориентированным на многосмысленность, стереоскопичность всего и вся. В постмодернистскую эпоху на передний план выдвигается проблема эффективного взаимодействия внутреннего и внешнего, целого и части, слова и безмолвия, поверхности и глубины в человеческом опыте».

Великая Сербия и «мировая закуска»

Павел Кандель

Веселин Джуретич. Развал Югославии. Основные течения 1918–2003 гг. // М.: Кобекс интернэшнл, Кристи инжиниринг, ООО «СтройСпецМонтаж, 2003. 647 с. — ISBN 5-900043-09-6.

В отечественной научной и псевдонаучной литературе, а еще более — в публицистике новейшему югославскому кризису посвящено немало страниц. В дискуссиях вокруг него

П.Е. Кандель — к. и. н., заведующий сектором этнополитических конфликтов Института Европы РАН.

часто можно было слышать о «великосербской идее», «великохорватском национализме» или проекте «Великая Албания». Но, сталкиваясь с этими неизбежно оценочными квалификациями, людям, специально не погруженным в данную тему, приходилось верить им на слово. Либо — не верить, для чего также было достаточно оснований. В ходе ознакомления с книгой Веселина Джуретича — ярким воплощением «великосербской» идеологии — с этой дилеммой сталкиваешься непосредственно.

Самого автора такое определение его взглядов вряд ли устроит. Он неустанно доказывает, что утверждения о сербской гегемонии в королевской, а затем в титовской Югославии являются антисербским мифом. (С этим, не вдаваясь в детали, отчасти можно согласиться, хотя аргументация Джуретича сама по себе довольно-таки уязвима.) Но вся его книга пронизана сожалением о том, что Великая Сербия, как таковая, или в формате Югославии не стала реальностью. Причина, по его мнению, в том, что сербы трижды (в 1918, 1945 и 1991 годах) поддались соблазну «анационального югославизма» вместо того, чтобы строить собственное национальное государство. Такой «югославизм» и оказался-де орудием реализации великохорватских антисербских замыслов, отвечавших планам Ватикана, Коминтерна, государств, проигравших

Первую и Вторую мировые войны, а затем, как легко догадается искушенный читатель, абстрактного «Запада», «мировой закулисы», масонов и других воплощений известного своей злокозненностью «мондиализма». И Ватикан, и Коминтерн, и многие иные внешние силы (по своим собственным и несовпадающим мотивам) действительно придерживались антисербской и антиюгославской линии. Понятно, что масоны и пр. — клинический симптом едва ли не любого национализма — приплетены здесь для полноты картины «всемирного заговора», призванного в этом мировосприятии объяснять для него необъяснимое. Но если мечта Веселина Джуретича и его единомышленников об антихорватской, антиалбанской и антимусульманской Великой Сербии кажется им законной, то равно оправданными становятся и антисербские националистические проекты ее соперников. Именно так и происходило в действительности.

Примерно с середины XIX века с началом складывания наций у югославянских родственных этносов, в большинстве связанных общим языком, но разобщенных историей и религией, на территории их обитания объективно конкурировали два процесса и проекта: формирование единой югославской или нескольких отдельных наций. Происходило это на фоне все нараставшего соперничества Сербии и Хорватии за роль

югославянского Пьемонта (вокруг которого произошло объединение Италии. — Ред.). В этих условиях и сам югославизм зачастую оказывался на службе великосербской или великохорватской идеи, для полноценной реализации которой ни у одной из них не нашлось достаточно сил. Поэтому развитие в конечном счете пошло по пути конституирования отдельных наций. Но сами радикальные попытки их разобщения доказывают «от противного» объективную силу их общности, преодоление которой потребовало столь крайних средств (дважды имевшая место в XX веке кровавая междоусобица, принудительная сербизация или хорватизация, варварские попытки этнического «очищения» территорий совместного проживания, нынешние натужные и смешные поползновения вычленив из общего языка вымышленные «хорватский», «босняцкий», а там, глядишь, и «черногорский»). И исторический урок возникновения и краха двух Югославий, вопреки Веселину Джуретичу, состоит в том, что «югославизм» мог реализоваться, только будучи надэтническим или, позднее, наднациональным. Как только он утрачивал такой характер, государство начинало трещать по швам и рассыпаться. И когда среди сербов в конце 80-х годов прошлого века возобладало близкое Джуретичу устремление к «третьей Югославии», где Сербия займет «подобающее» первое место,

был утрачен последний шанс на сохранение СФРЮ. Произошло это именно тогда, когда она была ближе к формирующемуся ЕС, чем какое-либо другое государство Центральной и Юго-Восточной Европы, а сила европейских интеграционных процессов могла бы придать дополнительный импульс внутриюгославской интеграции.

Веселин Джуретич неутомим в разоблачениях великохорватских и иных антисербских притязаний и действий на протяжении XIX–XX веков. При этом их успешность утверждает его во мнении, что главный исторический просчет сербов состоит в том, что они не поступали аналогичным образом. Эту «ошибку» автор старается исправить на страницах книги. В этом легко убеждаешься, постоянно наталкиваясь на такие сентенции: «шкиптары (албанцы), живущие в Албании, на 60 % имеют славянское происхождение, а живущие в Косово и Метохии, — примерно на 70–80 %» (с. 37), «хорваты — по крайней мере на 80 % сербского происхождения (до XIX века сербы-католики)» (с. 489), «сербы, как исторически самый большой народ до прозелитского нашествия, населяли большую часть не только Балкан, но и Юго-Восточной Европы» (с. 605). Примечательны сами по себе эти неведомо откуда взятые размашистые проценты. Еще существеннее, что они кажутся Джуретичу значимым обоснованием сегод-

няших сербских территориальных притязаний. Но в этом свете все его филиппики в адрес соперничающих национализмов теряют политические, правовые и моральные основания, лишь доказывая в очередной раз их родство и однотипность.

Человеку беспристрастному трудно понять, как, обвиняя других в актах геноцида по отношению к сербам, бесспорно преступных, можно находить оправдания для их собственных подобных действий? Но автору кажется вполне достаточным их обоснование необходимостью ответной реакции на провокации, возмездия за геноцид сербов времен Первой и Второй мировых войн или ссылками на историческую принадлежность территорий, где подобные действия происходят (сс. 411, 457, 484–485, 542, 594–595). Сожалея о неиспользованной возможности выселить часть албанцев в Турцию, Джуретич связывает это с «антинациональным поведением сербов» (с. 44). Фактически он не вполне точен, ибо такие попытки предпринимались властями и королевской Югославии, и социалистической — в 1940–1950-х годах, но желаемого эффекта не дали. Важнее, однако, другое: если подобное «решение албанской проблемы» признаётся не только допустимым, но и желательным, то тем самым легитимизируется и аналогичная практика по отношению к сербам. К сожалению, именно этого мы и являемся свидетелями.

Рассуждения о «коренных» народах и инородцах, о справедливых исторических границах, о коллективной вине отдельных национальных групп, которыми испещрены страницы книги Веселина Джуретича, всегда имеют закономерным результатом стремление довоевать невыигранные войны, чтобы исправить либо историю, либо демографию. Так, автор доказывает, что «гражданская и религиозная война 1991–1995 гг. была по своей сути продолжением Второй мировой войны...» (с. 621), а поскольку она «все еще не доведена до логического конца», завершившись «“компромиссом” в пользу сепаратистов», «посеяно семя еще одной войны в грядущем будущем» (с. 514).

В основе авторской методологии, что типично для любых националистических сочинений, лежит не рациональный аргумент, а хлесткая, эмоционально возбуждающая фраза. Объективные факты, даже признаваемые самим Джуретичем, мало что значат по сравнению с предзаданными мифологическими установками. Все подчинено главной задаче — утвердить правоту своего дела любыми средствами, не слишком заботясь об элементарной логике собственных рассуждений. Так, на сс. 382–384 дается широкая картина давно готовившегося международно-го заговора по развалу СФРЮ, где главными действующими лицами называются США, Ватикан, Герма-

ния и НАТО, поддерживаемые масонскими и еврейскими организациями. Но на с. 398 отмечается, что в конце 1980-х «Вашингтон... еще продолжал придерживаться принципа территориальной целостности СФРЮ», а на с. 419–420 констатируется, что и летом 1991 года, когда фактически начинался распад югославского государства, США еще поддерживали его сохранение. Масоны на этот раз выступают в неожиданной ипостаси, поскольку такая американская позиция объясняется связями последнего премьера СФРЮ Анте Марковича с масонскими кругами, к которым принадлежали-де и сам президент США Джордж Буш-старший, и государственный секретарь Джеймс Бейкер. Примеров подобной трудно пости-

жимой логики можно привести множество.

Критический разбор книги, которую уместно рекомендовать как хорошее наглядное пособие по великосербскому национализму, сегодня может показаться неактуальным. Ведь он в минувших войнах потерпел сокрушительное поражение, а, скажем, угроза великоалбанского национализма куда более серьезна. Но подобные сочинения дискредитируют и оправданную борьбу Сербии и сербов за свои законные интересы. А если такое издание появляется на русском языке, значит, поборники великосербского национализма надеются на своих российских единомышленников. Стоит поэтому напомнить, кто и в каких целях ищет в России союзников.

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) заместитель министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ**
Игорь Сергеевич
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, Германское общество внешней политики
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «Крос»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. и. н., старший вице-президент АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики

- ЛАВРОВ Сергей Викторович** министр иностранных дел РФ
(в личном качестве)
- ЛИВШИЦ Александр Яковлевич** д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
- ЛУКИН Владимир Петрович** д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- МАУ Владимир Александрович** д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
- МОНБРИАЛЬ Тьерри де** президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
- НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич** д. и. н., президент фонда «Политика»
(заместитель председателя)
- ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович** д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
- ПОЗНЕР Владимир Владимирович** президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
- ПРИМАКОВ Евгений Максимович** академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
- ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович** помощник Президента РФ
(в личном качестве)
- РЫЖКОВ Владимир Александрович** к. и. н., депутат Государственной думы РФ
- ТЕЛЬЧИК Хорст** председатель *Teltschik Associates*, руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
- ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич** д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- УОЛЛЕС Уильям, лорд** профессор Лондонской школы экономики
- ХАКАМАДА Ирина Муцуовна** к. э. н., доцент, лидер партии «Свободная Россия»
- ХОУГ Джеймс** главный редактор журнала *Foreign Affairs*
- ШМЕЛЁВ Николай Петрович** академик РАН, директор Института Европы РАН
- ЭЛЛИСОН Грэм** профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
- ЮРГЕНС Игорь Юрьевич** к. э. н., вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
- ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович** к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «НИКойл»

Подписка по Москве в любом отделении связи

Индекс	Наименование издания, объем	Период, в полугод.	Вид доставки	Цена подписки (руб.)					
				1 мес.	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.	6 мес.
15577	Россия в глобальной политике (220 стр.) доставка бандеролями	3	на дом	-	231-37	-	433-07	-	634-77
			до востреб.	-	231-37	-	433-07	-	634-77
			до квартиры	-	231-37	-	433-07	-	634-77
11119	Россия в глобальной политике (220 стр.) для студентов и аспирантов	3	на дом	-	126-23	-	232-99	-	339-75
			до востреб.	-	124-78	-	230-09	-	335-40
			до квартиры	-	127-80	-	236-13	-	344-46
16497	Russia in Global Affairs На английском языке (220 стр.) доставка бандеролями	2	на дом	-	-	396-37	-	-	763-07
			до востреб.	-	-	396-37	-	-	763-07
			организация	-	-	411-21	-	-	777-91

В регионах подписные индексы те же, но цена подписки может отличаться.

	<p>АБОНЕМЕНТ на газету-журнал индекс издания</p> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике (наименование издания)</p> <div style="display: flex; justify-content: space-between;"> Количество комплектов </div> <p style="text-align: center;">на 2004 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда Почтовый индекс (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																	
	<table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 30px;">ПВ</td> <td style="width: 30px;">место</td> <td style="width: 30px;">литер</td> </tr> </table> <p>ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на газету-журнал индекс издания</p> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике (наименование издания)</p> <p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____</p> <p>на 2004 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда Почтовый индекс (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	ПВ	место	литер	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
ПВ	место	литер																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																	

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:
АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера (русскаяязычное издание): получение в редакции – **180 руб.**
с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера (англыязычное издание): получение в редакции – **250 руб.**
с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- **ТРК «МЕГА»** (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- **ТЦ «Глобал Сити»** ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- **Никитский б-р, 17** (тел.: 291-8303, 789-9187)
- **ТК «Галерея Аэропорт»** Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)

ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (095) 281-9137, 281-9763

Факс: (095) 281-3798

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447
USA

Тел.: 1-763-550-0961

Факс: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

Р/с _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)